

Звезда Востока

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1932 года

Общественный совет журнала

Бабур АЛИМОВ
Абдулла АЗАМОВ
Абдулла АРИПОВ
Баходыр АХМЕДОВ
Анатолий БАУЭР
Ольга ГРИГОРЬЕВА
Хуршид ДОСТМУХАММАД
Анатолий ЕРШОВ
Николай ИПЬИН
Татьяна МОТОРНЮК
Насреддин МУХАММАДИЕВ
Ирода РАХИМОВА
Абдухаким ФАЗИЛОВ

Главный редактор
Улугбек ХАМДАМ

Зам. главного редактора
Клавдия ПАНЧЕНКО

Ответственный секретарь
Зиёдбек УРИНОВ

Редактор
Светлана ЩЕГЛОВА

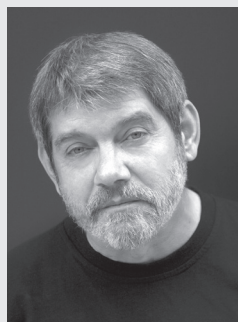
Республика Узбекистан
Ташкент

Михаил ГАР

ЗОЛОТАЯ ПЫЛЬ МАХАЛЛИ

Ташкент, Ташкент...
Здравствуй, старина. Семнадцать лет не виделись. Спасибо, что узнал меня.

Много историй могу вспомнить. Память вообще – это и лучшее, и худшее, что дано человеку. Потому что память – это наша совесть. Можно, родной, я вспомню только безгрешное?

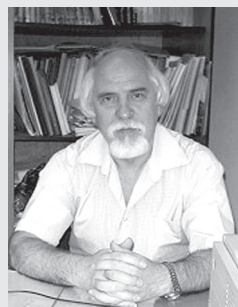
проза

Владимир ВАСИЛЬЕВ

ПРОСТИ ИМ...

(Фантастическая повесть)

Правда, мир еще не знал, что настолько изменился. Он был занят совсем другим – перевариванием нашего открытия, информация о коем уже разнеслась по Сети и смутила умы. Кто-то верил, кто-то – нет, но обсуждали все. Естественный процесс. Главное, что отмахнуться от проблемы уже не было возможности...

ПОЭЗИЯ

Алина ТАЛЫБОВА

ПРОВОДИ МЕНЯ, ТАШКЕНТ

И я – стена, и на моих щеках
Нарезана вот эта вязь тугая
На мертвом языке,
и южный ветер
На мне вздувает виноград сухой
Как волосы на лбу...

переводы из узбекской поэзии

Абдулла АРИПОВ

Увядающие листья в садах опадают,
Их шелест пускай не студит твою кровь.
Они только тени, а тени не знают,
Сколь велика и бессмертна любовь.

Не сетуя, молча, без слов сожаленья,
На мир беспредельный мы будем смотреть.
А осень, как чье-то сгоревшее сердце,
Вокруг продолжает задумчиво тлеть...

литературоведение. литературная критика

Давлятбек САЪДУЛЛАЕВ

О ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПЕРЕВОДЕ И «ГОВОРЯЩИХ» ИМЕНАХ

Сверхзадача переводчика состоит в том, чтобы всесторонне отразить поэтическую систему подлинника во всех проявлениях: объеме, звуках, цвете, словах и т.п., учитывая при этом, что не существует художественного перевода без определенного осмысления и истолкования подлинника, что в процессе перевода образ реконструируется и появляется возможность различных его трансформаций – во времени, в пространстве, в смысловых составляющих.

НОВЫЕ ИМЕНА

Даниэль ВАСИЛЬЕВ

СКАЗОЧНИК

(Повесть)

Человек более не трудился в поте лица за хлеб насущный, не расходовал ресурсы организма в тяжком физическом труде. Не было больше голода и болезней, забылись войны и даже преступления. Наступил, казалось, долгожданный золотой век. И человечество, наслаждаясь им, немного заскучало.

Скучать, однако, пришлось недолго...

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ

- Алина Талыбова.** Проводи меня, Ташкент 18
Лариса Юсупова. И только память выстоять сумела 38
Юрий Романов. Здесь – моя юность 47
Хабибулло Саидганиев. Я вас полюбил, на ладони Вам сердце принес 57

ПРОЗА

- Ариадна Васильева.** Время осенних птиц (Роман) 5
Вика Чембарцева. Катинка (Рассказ) 49
Владимир Васильев. Прости им...
 (Фантастическая повесть) 21
Галина Востокова. Пересечение. (Повесть) 41

КАРАВАН ИСТОРИИ

- Николай Васильковский.** Воспоминания о Фергане ... 59

ПЕРЕВОДЫ

- Хайриддин Султанов.** Роскошь и нужда (Рассказ) 72
Переводы из узбекской поэзии 83
Улугбек Хамдам. Одиночество (Повесть) 89

НОВЫЕ ИМЕНА

- Даниэль Васильев.** Сказочник (Повесть) 111
Анвар Каландаров. Удивляться... но оставаться
 верным себе 120

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЮ

- Михаил Гар.** Золотая пыль махалли 123

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ.

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

- Гульчира Гарипова.** Концептуальные тенденции
 развития узбекской литературы конца
 XX – начала XXI веков 130
Давлятбек Саъдуллаев. О художественном переводе и
 «говорящих» именах 136
Татьяна Авдоница. Поэтический мир Баха Ахмедова ... 141

Звезда Востока

2012 № 2

Учредитель

Союз писателей Узбекистана

ИНДЕКС – 831

Журнал зарегистрирован
 Узбекским агентством печати и
 информации
 Рег. 0296

Адрес редакции:

100027. Ташкент, ул. Узбекистанская,
 д.16 А (5 этаж).
 Тел: 245-27-87.

E-mail: zvezdavostoka1932@mail.ru
 www.zvezdavostoka.uz

Дизайн, верстка, оригинал-макет

Акбарали Мамасолиев

Подписано в печать 10.03.2012.
 Формат 70x108 1/16. Печать офсетная.
 Усл. п.л. 12,60. Уч.изд.л. 14,86
 Тираж экз. Заказ № 94-12
 Цена договорная.
 Отпечатано в типографии
 ИПТД «Укитувчи»
 г. Ташкент, ул. Навои, 30.

Редакция журнала уведомляет
 авторов о том, что к рассмотрению
 принимаются рукописи,
 выполненные в компьютерном
 наборе.

Набор текста в любом формате с
 приложением дисков и распечаткой.

Рукописи не возвращаются и не
 рецензируются.

Перепечатка без согласия редакции
 не допускается.

Ссылка на журнал «Звезда Востока»
 обязательна.

Copyright © «Звезда Востока»

проза

Адриадна ВАСИЛЬЕВА

Васильева Ариадна Андреевна – писатель, драматург, публицист. Родилась в 1942 году во Франции, в Париже, в семье эмигрантов. В 1947 году семья Васильевых прибыла в город Брянск по направлению комиссии переселенческого отдела. Среднюю школу Ариадна Васильева закончила в 1960 году в Бердянске (Украина), затем последовал еще один переезд – в Узбекистан. В 1967 году А. Васильева окончила филологический факультет ТашГУ (НУУз).

Была учителем русского языка и литературы, журналистом (опубликовано около пятидесяти статей и очерков), помощником главного режиссера по литературной части Ташкентского ТЮЗа, писала сказки для детей, рассказы и пьесы.

ВРЕМЯ ОСЕННИХ ПТИЦ

Роман

«Странно, они все оставались на местах, каждый за своим рабочим столом. Можно было подумать, у них шло производственное совещание. Один Сева застрял где-то между шкафом и стендом, и имел одно желание – спрятаться! Спрятаться в еще более узкую шель, вдавнаться куда-нибудь, втиснуться, только бы не слышать ничего, не видеть, не иметь, не состоять, не участвовать! Или идти на улицу и начать орать, призывать, громить все подряд!..»

1

К началу восьмидесятых годов большой частный дом номер пять на улице Садовой окончательно обветшал, облупился, стал неприглядным. Окна смотрели на мир глазами провинившегося ребенка; в осеннюю непогоду крытая старым шифером кровля протекала, потолки в комнатах покрывались слезами и ржавыми пятнами сырости.

Сын Софьи Сергеевны Булановой, хозяйки старого дома, чертыхаясь, лез на чердак, там возился, неумело колотил по дереву и железу. Спускался вниз измазанный и сердитый, и пока Софья Сергеевна убирала тазы с набежавшей водой, вел провокационные разговоры о продаже этой покосившейся рухляди и переезде в благоустроенную квартиру.

Софья Сергеевна неизменно отвечала, что привыкла жить на земле, среди заботливо выращенных цветников и деревьев, что она умрет от тоски в скворечнике, так она называла многоэтажные дома, что ей ненавистна жизнь на виду у посторонних людей, что пусть, наконец, Андрей подождет, когда она, Софья Сергеевна, переселится в мир иной, а произойдет это событие, по всей вероятности, скоро.

В доказательство Софья Сергеевна доставала из аптечки пузырек коричневого стекла и подставляла рюмку под остро пахнувшие капли. Андрей Константинович немедленно умолкал, пугаясь этого запаха, водружал на длинный нос очки в черной роговой оправе, погружался в исследования о таинственных обитателях причерноморских степей времен цезарей и Александра Македонского. Судорожные аварийные мероприятия на заваленном сломанными стульями и прогнившими матрасами чердаке заканчивались, жизнь в доме входила в привычную колею и нарушалась лишь ранней весной.

Чуть только из-за зимних туч выкатывалось веселое солнце, в любую свободную минуту мать и сын выходили в сад и начинали колдовать на клочке земли, отгороженном штакетником от соседних участков.

Андрей Константинович упорно, размеренно вонзал лопату в размягченную дождями землю, тщательно разбивал матово блестящие на срезах комья. Изредка останавливался передохнуть. Опершись на черенок лопаты, задирал голову, сквозь дрожашую, готовую ожить и брызнуть зеленью сетку ветвей глядел в застывшую на месте облачную поволоку, переводил взгляд на Софью Сергеевну, наблюдал, как она заботливо размечает границы будущих цветников; затем привычным движением вытирал о край рубашки запыхавшиеся очки и снова копал, не забывая, впрочем, напомнить матери, что именно теперь пора бы заняться и ремонтом. Софья Сергеевна поднимала бровь, бросала небрежно:

– Дом – это прилагательное.

Земля вспахивалась дважды, в начале апреля, потом в середине, когда сорняки успевали проклюнуться после первой грозы и ливня. Грядки рыхлили, взбивали, удобряли. Деревья к моменту цветения стояли подрезанные по всем правилам садового искусства. Софья Сергеевна сама одевала их в белые кокетливые чулочки – белила стволы известкой.

Теплыми вечерами после работы, бросив на колени натруженные, перевитые веннами руки, Софья Сергеевна сживала на скамейке под раскинутым во все стороны гибкие ветви кустом жасмина. Подолгу оглядывала присмиривший в весеннем ожидании сад, вспоминала.

Яблоню посадил муж последней предвоенной весной. Она разрослась, укрыла шатром полдвора, но по-прежнему дарила ароматные плоды, и когда наступала пора созревания, гнулись ветки ее под тяжестью урожая. Софья Сергеевна любила старую яблоню, подолгу разговаривала с нею, даже вслух, если знала наверняка, что сына нет дома.

Ничего особенного в тех разговорах не было. Софья Сергеевна спрашивала у дерева о здоровье, интересовалась, не беспокоят ли гусеницы, не тяготит ли оставленный молодой побег. Яблоня млела под солнцем, осыпала на плечи Софьи Сергеевны белый цвет.

Плакучую иву неподалеку от входа в дом, на солнечном припеке, посадила сестра лет десять тому назад. Тогда было много разговоров и разногласий – уж очень тихое это было место, судьбой предназначенное для нежного и полезного дерева, но сестра заупрямилась, настояла на своем. Ива поднялась, свесив почти до земли нежные, тонкие, легко колеблемые ветром космы.

Много росло в том саду кустов и деревьев, все они напоминали Софье Сергеевне о давно ушедших, милых сердцу людях, но в воспоминаниях уже не было острой тоски, она осталась в далеком прошлом.

Было время, когда у доктора технических наук, руководителя лаборатории в солидном научно-исследовательском институте Софьи Сергеевны Булановой жизнь протекала не только в заботах о цветнике.

В ту пору каждое утро надевала она отутюженное темно-синее платье с тонкой полоской белых кружев по вороту, выпивала круто заваренный чай из чашки тяжелого фарфора, перебрасывалась с сыном несколькими фразами и, прямая, как доска, с коротко стриженными волосами, всегда окрашенными в темно-каштановый цвет, уходила на работу, прихватив портфель, где не было ни пудреницы, ни губной помады, лишь стальная расческа для «гривы», белоснежный носовой платок и бумага.

Шла по длинной окраинной улице на остановку автобуса без сопровождения, хотя Андрею Константиновичу было очень даже по пути с нею. Институт, где Софья Сергеевна проработала без малого сорок лет, находился как раз наискосок от здания краеведческого музея, и музей этот, с грубо высеченными из камня идолами у входа, раздражал ее несказанно. Даже беглый взгляд на них был напоминанием о сыне. Андрей Константинович не стал ни ученым, ни инженером, – был всего лишь музейным работником с мизерной зарплатой и внештатным лектором в Доме Знаний. Он жил бесконечными разговорами о загадочных скифах, об их культуре, опубликовал несколько статей в специализированных журналах и лелеял надежду в недалеком будущем защитить диссертацию.

Чтобы не видеть, как сын скрывается за резной дверью музея, Софья Сергеевна предпочитала ездить на работу одна. Презрительно двинув бровью, она с непроницаемым лицом поднималась по ступенькам к стеклянным витражам института, и тут все, даже вахтеры, почтительно здоровались с нею.

Два года назад на нее свалились награды. Она стала заслуженной, она получила орден, ее пригласили в Англию на симпозиум, ее стали усаживать в президиумы на совещаниях и конференциях, куда Софья Сергеевна шла с большой неохотой. Рабочее место, письменный стол, заваленный докладными записками, папками с отчетами, называла станком и не любила, когда по пустякам отрывали от дела. Ей казалось, что раз и навсегда заведенный ритм жизни будет продолжаться вечно, хотя в последние годы стала потихоньку славать.

Она стала славать после того, как внезапно ощутила возле себя присутствие чего-то неясно-тревожного, чему в первое время не могла дать определенного названия. Будто и нет ничего, а ходит темное облако, то в одном месте горизонт закроет, то в другом.

Чувства ее обострились. Случайно услышанный разговор двух пустых, по ее мнению, людей о том, как некоторые выживающие из ума старухи занимают руководящие посты и думать не думают об уходе, уложил ее в постель с острой сердечной недостаточностью, а потом пришлось на месяц уехать в санаторий.

Темное облако тем временем разрослось, вспухло уродливой шапкой, а у нее уже не было никакого желания бороться. Противной стала возня за спиной, мышинный шорох, мелкий, вороватый. Ей стало казаться, будто даже самые преданные люди как-то незаметно отстранились, словно ждут, сумеет ли она размахнуться и смести с пути этот заговор – не заговор, ропот – не ропот, а черт знает что такое, чему и названия приличного не придумаешь.

Время шло, она терялась. Откуда-то сверху сыпались невыполнимые приказы. Выстраданные годами истины становились ненужными, толпы будущих кандидатов наук уезжали в Москву, нагруженные дорогами сувенирами для научных руководителей. Вдруг оказывалось, что серьезная недоработка в исследованиях вовсе не означает конца света, а вот не выполнить задание в срок – подлинная катастрофа. ...И катастрофа разразилась.

Как обычно, в декабре, лаборатория должна была представить годовой отчет, а времени для окончательного завершения работы не хватило. Софья Сергеевна нервничала, указывала на недоработки, но ее заместитель Николай Валентинович Протасенко настаивал на своевременной сдаче отчета ученому совету. Разве можно лишить лабораторию премиальных! Он уверял, он с пеной у рта доказывал, что погрешности настолько незначительны, настолько легко устранимы, что никто о них и не вспомнит и даже не заговорит. Она нехотя уступила.

Неожиданно на заседание ученого совета (обычно о приезде комиссии из главка предупреждали заранее) явился давний противник Софьи Сергеевны, толстенький, благополучный, самодовольный, и вдребезги раскритиковал отчет. То расстегивая, то застегивая пуговицу на пиджаке, без конца поправляя кокетливый узел галстука, он пламенно говорил об устаревшей методике, о консерватизме руководителя, перечислил решительно все недостатки, имевшиеся в работе. У Софьи Сергеевны создалось впечатление, будто он заранее долго и кропотливо выискивал, вынюхивал (когда успел!) мельчайшие недочеты, и теперь громил ее с размахом и садистским удовлетворением.

В конце концов, отчет с оговорками приняли. В отличие от прошлых лет с унизительной оценкой, с условием исправления многочисленных(!) недоработок.

Время шло. Весенние работы в саду и покупка по случаю полного собрания сочинений Достоевского дореволюционного издания в прекрасном переплете с золотым обрезом несколько улучшили ее настроение, но в институте за ней прочно установилась репутация консерватора. Софья Сергеевна терпела, терпела, в какой-то момент не выдержала.

Однажды в конце лета долго говорила с яблоней, снимала со ствола черных садовых муравьев, вытирала с впалых щек слезы, а на другой день подала в отставку.

Директор института крутил в раздумье ручку, уговаривал не действовать сгоряча. Софья Сергеевна была непреклонна, напирала на пошатнувшееся здоровье.

– Устала, Сергей Платонович, – говорила, не глядя в глаза директору, тихонько хлопывала ладонью по краю полированного стола и медленно, через силу, роняла слова, – шестьдесят девять лет – возраст не маленький.

Директор подписал заявление. В тот же день был издан приказ о ее увольнении и назначении Протасенко исполняющим обязанности заведующего лабораторией. Софья Сергеевна стала свободной.

Впервые за сорок лет некуда стало спешить, стало ненужным любимое синее платье. Иногда, по старой привычке извлекала его из недр шкафа, внимательно разглядывала и вешала на место. Ворча и негодуя на падение в мешанство, облачалась в бумазейный халат, занималась стряпней, мытьем посуды, вытиранием пыли с многочисленных книг, без конца возилась в саду.

У нее вошло в привычку внимательно прислушиваться к голосам и шагам за окнами. Замирала, ждала стука в калитку. Вопреки здравому смыслу, чудилось ей: вспомнят, спохватятся, придут, призовут. Никто не звал, и меркнул свет, когда затихали голоса обычных прохожих вдали.

Прошла неделя, другая, и любимая лаборатория стала уходить из ее жизни. Она немного успокоилась, нашла дело – села разбирать архив.

На террасе, где скрипела каждая половица, обложилась горами папок, рвала черновики, задумчиво перебирала листы с графиками и расчетами. За этим занятием, когда она совершенно потеряла надежду на визит бывших сотрудников, они и застали ее. Она услышала, как к дому подъехала машина, отозвалась на стук в калитку. Вышла с напряженным лицом, но увидав гостей, дрогнула, покраснела, жалкая улыбка тронула ее тонкие губы.

2

Первым после радостно-удивленных приветствий и восторженных вскрикиваний, скользя за спину Софьи Сергеевны, как-то неловко и поспешно проскочил в калитку Николай Валентинович Протасенко, бывший заместитель, а теперь без пяти минут начальник лаборатории. Спокойной, уверенной поступью привык ходить Николай Валентинович, а здесь почему-то неожиданно для себя засуетился, быть может оттого, что Софья Сергеевна мельком глянула, вежливо кивнула, а руки не подала. Вот он и поторопился, ринувшись вперед; оторвался от остальных, прибывших вместе с ним в его же автомобиле – небесно-голубом «Москвиче». В глазах Николая Валентиновича, светлых, почти прозрачных и глубоко посаженных, промелькнула некоторая неуверенность в себе.

Он очутился в узком проходе между глухими стенами, одна из которых, белого кирпича с фигурной кладкой по карнизу, явно принадлежала соседнему дому, потом набрался смелости и прошел немного вперед. Тихо было во дворе у Софьи Сергеевны, спокойно. Николай Валентинович перевел взгляд на перспективу стройных деревьев, хмыкнул про себя и незаметно пожал массивным плечом.

Ему, человеку с положением, показалось это странное жилье – ухоженный сад и облупленный, обветшалый дом неподходящим местом для такого крупного специалиста, каким была Софья Сергеевна. Неужели она при довольно высоком окладе не в состоянии была хоть раз в жизни потратиться на ремонт!

Хотел ухмыльнуться, а ощутил смятение. Он чужим оказался здесь, в сером с иголочки костюме, в модном галстуке, тщательно подобранном в тон к рубашке. Глянул под ноги и увидел, что зеркально вычищенные туфли его примяли коврик недавно политой травки, нежной, отливающей шелком. Нарочно ее, что ли здесь развели, чтобы оживить скучный проход во двор.

Тут ступил за калитку следующий гость, молодой инженер Сева Дягилев, и сразу, будто с неба свалилась, налетела на него рыжая дворняжка Доня, завертелась, запрыгала. Сева гладил ее, тербил уши, хлопал по теплому, пахнущему псиной пузу.

– Я вижу, вы знакомы, – поднял соболиную бровь Николай Валентинович.

– Еще бы не быть знакомым с такой собакой! – уселся на корточки Сева, а Доня мигом перевернулась, вскочила и ткнула холодный нос ему в губы. – Эта собака – замечательная собака. Это чудо природы, а не собака!

Николаю Валентиновичу стало скучно. Он отвернулся и стал смотреть, как приближаются к ним, семена на каблуках-шпильках две дамы. Одна из них не утерпела и притянула к себе, осторожно захватив в пучок, несколько веток плакучей ивы, отчего заходило ходуном все дерево.

– Прелесть какая! – тихо прошептала она.

Тут каблук ее подвернулся, и она упала бы, не подхвати ее Софья Сергеевна со словами:

– Осторожно, Верочка, осторожно, наш двор не предназначен для модельной обуви.

– Так вот, – отдышавшись от перенесенного испуга, заговорила та, которую называли Верочкой, – хотите или не хотите, Софья Сергеевна, а мы к вам. И сразу скажу, помолодели, поправились и похорошели при спокойной жизни.

– Лесть! Лесть! – перебила Софья Сергеевна. – Хорошенько и молодеть мне уже не приходится. Это, дорогие мои, по вашей части, – она обернулась к выходявшей из машины последней гостье, – проходите, проходите скорей, Ольга Павловна. А теперь выкладывайте все, как сюда попали да еще с таким шиком? – метнула взгляд на Николая Валентиновича. – Впрочем, сначала нужно войти в дом.

Она повела в дом «девочек», как тайком, про себя, называла бывших сотрудниц, хотя «девочки» уже лет пять как держали в секрете свой возраст.

Николай Валентинович и Сева тем временем углубились в сад, там озирались по сторонам. Протасенко было совершенно ясно, что Сева в этом доме свой человек. Ишь, как вьется возле него эта дворняга, где они ее только выкопали. Хотя, настоящая, породистая собака вряд ли прижилась бы в этих условиях. Но как же так могло получиться, что долговязый шеночек Дягилев прижился? Странно, странно, не ожидал такого Николай Валентинович.

Могло быть и даже мерещилось когда-то, что будет совсем наоборот. Не кто-нибудь, а именно они, Николай Валентинович с супругой, станут своими людьми в этом доме. Пусть бы он не сумел, захлебываясь от восторга возиться с хозяйской собакой, но для вечерних бесед за накрытым к чаю столом, для серьезных разговоров об очередных задачах лаборатории... Впрочем, что ни делается, все делается к лучшему. Пусть он сегодня не самый желанный гость, он выпьет чашу до дна, а потом, хоть трава не расти, какое ему дело до Софьи!

А дело-то было! Это его стараниями был практически завален прошлогодний отчет. Досконально зная все слабые стороны работы, Николай Валентинович составил умное и тонкое письмо в главк, и постарался, чтобы оно окольными путями попало в руки нужного человека. Нужный человек умел читать между строк, понял, чего добивается и на чью должность метит Протасенко, а поскольку Николай Валентинович в новое время был нужней и важней устаревшей Софьи, то и предложенная им партитура была соответствующим образом осмыслена и разыграна.

Николай Валентинович долгое время тревожился, ловил институтские слухи. Не просочилась ли где информация о его непосредственном участии в деле со злополучным отчетом. Позже успокоился, затаился в ожидании и дождался. Софья Сергеевна, наконец, догадалась, чего от нее хотят, и ушла.

В лаборатории растерялись, многие огорчились, хотя продолжали работать так, словно ничего не произошло. А затем состоялся крайне неожиданный для Николая Валентиновича разговор, где ему пришлось делать вид, будто он полностью со всеми согласен и ничего не имеет против поездки к бывшей начальнице.

Дело, побудившее их появиться на улице Садовой, было непростым, требовало уловок и дипломатии.

Как правило, уходящему на заслуженный отдых сотруднику всегда устраивались торжественные проводы. Так было принято по давней институтской традиции. С Софьей Сергеевной почему-то получилось иначе. Не было ни собрания, ни речей, ни памятных, в пухлых с золотым тиснением, адресов и полагающихся к случаю подарков. Виновница предполагаемого торжества исчезла тихо, незаметно, словно ее никогда и не было в институте, и бывшие ее сотрудники молчаливо уткнулись каждый в свою работу. Но Протасенко не торопился занять освободившийся письменный стол начальницы, остался на прежнем месте.

Правильно он поступил. Заседание ученого совета, где должны были утвердить его в должности заведующего лабораторией, еще не состоялось, а без такого заключительного аккорда Николай Валентинович оставался всего лишь «исполняющим обязанности». Пускай это была обычная формальность, но он не хотел, взгромоздившись раньше времени за стол Бабки, вызвать тем самым ненужные разговоры и косые взгляды.

И стоял этот стол непривычно пустой, холодный. Уборщица подходила к нему каждое утро, вытирала пыль с матовой поверхности. Верочка поставила было горшок с кактусом, когда-то пожертвованным в лабораторию самой Софьей Сергеевной из ее лекции, но с кактусом стало еще хуже, будто и вправду кто-то умер, и Вера Алексеевна поспешила убрать его на прежнее место, на подоконник.

Об уходе Софьи Сергеевны без традиционных почестей шептались в углах, в коридорах института, но как-то стыдливо и неопределенно. Лишь однажды Сева, наверняка по молодости, не сдержался и брякнул громко, но обращаясь к одному человеку – Михаилу Потаповичу Зайчику, мол, с Софьей Сергеевной не по-человечески поступили.

– По-свински поступили, – уточнил его мысль Зайчик.

Бывает же! В самом деле, ну что это такое! Солидный, пожилой человек, грузный дядька с очками в круглой оправе на толстом носу, ко всему прочему – Михаил Потапович, и на тебе – Зайчик! Его и Кроликом, и Зайцем, и как только не называли, но главное прозвище его совершенно не было связано со смешной фамилией. Миша-Не-Греми-Щепями, – вот как отметили Зайчика за одно хитрое устройство в его характере.

В углу, в самом дальнем конце комнаты сидит, бывало, Михаил Потапович, отгороженный от остального мира приборами, перепутанными проводами. Так тихо сидит в закутке, что иной раз бывает неясно, там он или не там. Но случись какая неувязка, конфликт какой-нибудь – вдруг напомнит о себе. И пойдет добиваться справедливости, и пойдет резать в глаза правду-матушку!

Оглянуться, придти в себя от неожиданного наскока народ не успеет – нет его. Снова сидит в своем углу. Одинокий, сосредоточенный.

На этот раз Зайчика поддержали. Охотно и радостно развязались языки, все, перебивая друг друга стали громко говорить, что Софью Сергеевну до неприличия быстро забыли, а ведь она – подумать только – почти полвека отдала институту! С глаз долой, из сердца вон? Так получается? Думали, спорили, чуть не переругались, постановили ехать к Софье Сергеевне. Не любит официальных мероприятий, ладно, Бог с ней. Что мешает собраться у нее дома, в спокойной, дружеской обстановке, поговорить о науке, о перспективах лаборатории. Ей это будет приятно.

Неожиданно для всех, Николай Валентинович страшно засуетился, проявил активность при обсуждении разного рода деталей предстоящего торжества и даже взял на себя обязательство уговорить приехать директора. Уж к кому – кому, а к Софье Сергеевне тот всегда относился с большим уважением.

3

Михаил Потапович Зайчик родителей не помнил. Говорил дед, воспитавший его, что только и успел отец любушке-жене сына подарить да и погиб где-то на Перекопе под врангелевскими пулями, а мать, спустя два года, тиф прибрал.

Эх, что теперь вспоминать, кому это интересно. Самому Зайчику детство и юность казались далекими и даже чужими, будто не с ним, а с кем-то другим было. Да и что там было! ФЗУ, вечерняя школа, техникум и война.

Войну Зайчик не любил вспоминать. Спрашивали его:

– Как воевал?

– Воевал, как все, – ответит и замолчит, или переведет разговор на другую тему.

Раз, под вечерок, в скором времени, как вернулся он с фронта, сидел на лавке возле старого деда, отдыхал. Дед возьми и толкни его в бок:

– Глянь!

Глянул Зайчик, а по другой стороне переулка с двумя полными ведрами воды идет соседка Валя и плешет из ведер на босые ноги. Сама из себя налитая, на каких таких харчах в войну поднималась, неведомо. Поравнялась с соседями, ведра на землю поставила:

– Здравствуйте, – говорит.

А сама глазами!.. Будто не глаза у нее, а какое огнестрельное оружие. И вся она – пожар. Хватай ведра, лей на голову, на рыжие косы. Нос в веснушках, плечи, открытые по летнему времени, тоже в веснушках.

– Послушай сюда, Валентина, – говорит дед, – а давай я тебя за Мишку просватаю. Вона, какой кавалер! Голова, руки, ноги – все на месте. Полный комплект.

– За такого кавалера хоть завтра! – хохочет, стреляет глазами.

Отсмеялась, легко подхватила ведра и дальше пошла, а дед:

– Женись, Мишка, дело говорю. Ждала тебя девка.

Женился Зайчик на рыжей соседке, с ней судьбу нашел. Первое время ее Зайчихой звали, но она не обижалась.

– Не волчиха же, – скажет, и весь ответ.

И такая она, Валя, была золотая и ладная баба, что вот скажи Зайчику, что он мог не встретить ее, так он взял бы и умер. Об одном он просил: «Ты смотри, Валечка, не расти больше». Но ее по молодости тянуло вверх. Стала Валечка на полголовы выше своего Зайчика, а после второго ребеночка в два обхвата плотней.

Поселились в старом дедовском доме. Дед не зажился. Вскоре после свадьбы отвезли его иссохшее тело на кладбище, положили рядом с женой и дочерью. А еще через некоторое время вернулся Зайчик на старое место в лабораторию Софьи Сергеевны, где работал перед войной в должности техника. Он мечтал о высшем образовании, пытался не раз хотя бы на заочное отделение подать, да где там. Дед в наследство не дом – халупу оставил, надо было строиться и все самим, все своими руками.

Брали ссуду, потом выплачивали. Валентина Петровна детской медицинской сестрой работала при роддоме. Оклад. А такого, чтобы за выхоженного младенца награды в виде десятки в карман белого халата класть, такой моды в те времена не знали. Да и горда была Валентина Петровна.

Зайчик был замечательным мастером. Каждый прибор в лаборатории был создан, собран и отлажен его золотыми руками. Ни один опыт не проводился без его участия. Все это было лестно и приносило, как говорится, глубокое моральное удовлетворение, но семейный бюджет постоянно трещал по швам, и латать образовавшиеся дыры с каждым годом становилось все трудней и трудней.

Зайчик пытался работать на сторону. Один смех. Принесут ему в починку приемник, он две ночи просидит, а за работу ничего не возьмет

– Неудобно, – скажет он Вале, – сосед по-человечески ко мне, а я с него стану деньги лупить? Неудобно.

– Зачем соглашался? – спросит Валя, а сама посмеивается.

Интересно ей получить ответ от мужа. А ответ такой:

– Так ведь дело в чем, – скажет Зайчик, – мне это самому азарт, смогу я или не смогу разобраться в такой схеме?

И не знал того хитрый приятель, что Зайчик на этих приемниках все, что можно в радиотехнике изучить – освоил. А вскоре телевизоры пошли, Михаилу Потаповичу понадобилась уже целая библиотека специальных книг.

Жизнь не ласкала Зайчиков, но все равно, они хорошо, они ладно жили. Дом со временем отстроили. Дети их, сын и дочь, были здоровые, какие-то по-особому отмытые.

Все шло хорошо до тех пор, пока не стало плохо. Зайчик стал выпивать. Нет, нельзя сказать, чтобы он сделался алкашом. Приходил домой вовремя, вел себя вполне прилично, не куражился, но почти каждый день набирался до определенного градуса, и в таком градусе предстал перед ясными очами супруги.

Чего ему надо было, какое такое он горе размачивал, этот счастливчик, принесший с войны, как говорил покойный дед, и руки, и ноги, и голову – полный комплект; этот счастливчик, за которого без всяких проволочек вышла первая на всю округу девка и родила ему здоровых таких колобков, крепышей, всем мамашам на зависть. Это чего ж ему надо было, Зайчику Михаилу Потаповичу?

Началось в те годы, когда закончился в семействе Зайчиков восстановительный период. Дом, наконец, подвели под железную крышу, во дворе был вырыт глубокий колодец с деревянным срубом, с откидной крышкой и воротом, и соседки бегали к Валентине Петровне за водой, говоря, что она у них холодней и чише, чем из колонки.

На работе у Зайчика было хорошо поставленное дело, к нему относились с почтением и уважением. Не только в лаборатории, приходили из других отделов не кто-нибудь – Ученые (Зайчик это слово выговаривал с большой буквы), приходили именно к нему советоваться или звали на консультацию.

Дочь окончила школу с серебряной медалью, поступила в институт и уже крутила амур с молодым лейтенантом. Сын подошел вплотную к школьному финишу. Отец и сын часто спорили. Сын говорил:

– Что ты возишься с этим колодцем? Через год в каждый дом водопровод протянут, кому он будет нужен?

– Так ведь не в колодце дело, – втолковывал сыну Зайчик, – ты посмотри, сколько народу к нам приходит. Вроде бы за водой, а на самом деле, может, и не за водой, а просто поговорить, посоветоваться.

– Мудришь, батя, люди могут и так придти, а колодец просто нерациональная вещь. Сколько ты на него сил и времени потратил.

Сын фыркал носом и уходил, а Зайчик обижался. Возможно, рассуждения сына были правильными, а справедливости в них не было. Получалось, будто Зайчик всю жизнь распылал без цели, без смысла, без выгоды на одни ненужности вроде колодца, а теперь пришли умные люди и говорят: «Ты, братец, все чепухой занимаешься. Дело надо делать, деньги делать, а не так, чтобы для одного только морального удовлетворения».

Зайчик обиженно думал вслед уходившему сыну: «Ты, милый, не в старой дедовской халупе вырос, а в хорошем доме. То-то». Но мысли эти были неубедительными. Какая-то хитрая bestия нашептывала на ухо, что высшего образования он так и не получил, и именно потому не получил, что растратил время на дом, на... а-а, будь он трижды неладен... колодец, на ремонт чужих приемников и телевизоров, и они ему ничего, кроме славы дельного мастера, не принесли.

«Разве этого мало?» – спрашивал он в воображаемом разговоре с сыном. И слышалось, будто сын отвечал: «А то много!» «Чего же ты хочешь?» – снова спрашивал Зайчик.

Он не знал, чего хочет сын. И в этом тоже была несправедливость. Он стал обобщать и увидел, что разных сортов, на любой вкус несправедливостей вокруг него разлито море. Затевавший на эту тему разговоры с людьми, ему отвечали: «Так испокон века ведется, – добавляли, – чужак, – и пожимали плечами».

Нет, в чужаки записываться у Зайчика не было никакой охоты. Он дотошность свою чудачеством не считал, ему важно было понять смысл всего вокруг него происходящего. А происходило неладное. Народ, словно с цепи сорвался. Хамство кругом, в очередях глотки друг другу перегрызть готовы. Один лопатой деньги гребет, неизвестно, откуда

они у него берутся, другой ему завидует, а потом радуется, когда хапугу ОБХСС за шкирку возьмет да и посадит.

Зайчик не был завистником, и чужому горю никогда не радовался, он разобраться хотел, откуда оно пошло явное неравенство, недопустимое при советской-то власти, несправедливое, и, по всему виду, несправедливое.

Загрустил бедный Зайчик, а загрустивши, стал выпивать. Закончится рабочий день, он по дороге домой и заглянет в пивнушку, там полно знакомых, разговоры туда-сюда, глядишь, спор начнется. Иной раз дурной до невозможности, на тему, например, говорил ли эмир Бухарский на французском языке или не говорил. Один будет с пеной у рта доказывать – говорил, другой, грохая кулаком по стойке и гневаясь неизвестно на кого, уверять противное. А если вдуматься, какое им дело, и той и другой стороне, до лингвистических способностей давно сгнувшего эмира Бухары!

Нет, подобного рода споры Михаила Потаповича никогда не привлекали. Он искал и находил мужиков иного соображения, людей рассуждающих – философов, способных объяснить происходящие в обществе перемены.

В тот горький для себя период он думал так: была война, и было трудно, а какие были люди! Это же люди были! С тобой разделить последний кусок хлеба? Держи последний кусок хлеба. Тебя раненого из огня к своим вытащить? И ташили. И не спрашивали, делать добро или не делать, а просто делали.

В годы ратного труда верил Зайчик, что так будет всегда. Плохому в лицо скажут: плох; хорошего поддержат, люди станут как братья не по религии, не именем господ Бога, а по совести, в стране, омытой кровью, освобожденной ценой человеческих жизней.

Но когда увидел Зайчик, что плохому живется лучше, чем хорошему, стал он думать: как же оно так могло получиться, – воевали-воевали, а справедливость не восторжествовала, мир не стал лучше. Одни говорили:

– Оставь, люди есть люди. Они всегда такими были.

Он возражал:

– Не всегда.

– А когда? Вот скажи, когда люди были другими?

– Во время войны.

Кто-нибудь неопределенно протянет:

– Так то война... тебе, что, опять на войну захотелось?

И пойдет гулять спор. Однажды среди философствующей братии нашелся один и в упор спросил Зайчика:

– Тебе чего надо?

Зайчик стал думать и протрезвел. Действительно, чего ему надо. Лично ему, чего надо от людей?

Ведь, по правде говоря, чем без толку воздух сотрясать и выискивать явные и неявные недостатки окружающей тебя жизни, не лучше ли поискать средство, как эти недостатки искоренить? Думал трезвый, взявший голову в руки Зайчик, да так ничего и не придумал. И дома поддержки не было. Валентина Петровна его жалела, жалея, говорила:

– Не понимаю я про эти дела, Миша. Просто люди разные на свете. Одни хорошие, другие плохие. Какая у кого конституция, тот так и живет.

Сын добавлял:

– Ты, отец, зря встречаешь! Тебе больше всех надо, да? Ты свое дело делаешь? Ты – честный человек? Так и радуйся, а премудрости эти оставь другим, кто умнее нас с тобой и лучше, чем мы, разбирается.

Отец внимательно прислушивался, а затем говорил сыну. По традиции от войны плясал, намертво она в его поры вьелась:

– На фронте было просто. Ты получил приказ, боеприпас получил. Враг – вот он. Так иди и бейся с врагом, пока сердце в груди стучит. Убьют, значит – убьют. Не убьют – жить будешь. А теперь? Приказа нет. Оружия тоже нет. Нет такого закона, чтобы иметь при себе оружие. Враг... какой же он мне враг, если одного со мной роду-племени, такой же русский человек.

Сын шурил темные глаза и задавал все тот же философский вопрос из пивной:

– Ты чего развоевался? Обратило на войну захотел?

– Да я не об этом, – досадовал Зайчик, – мне, чтобы совесть у людей возродилась. Как ты считаешь, мы бы победили, если бы каждый думал только о себе? Ни в жизнь! Так бы и остались под немцем. Да и не было бы уже нас никого. Или ты считаешь, что мы дошли до Берлина только потому, что за нами стояли заградительные отряды?

– Нет, лично я так не думаю, но, отец, пойми, – сын для убедительности прижимал руки к груди, – было другое время. И люди были другие.

– Как другие, какие другие! Да вот же он я, перед тобой сижу, какой был, такой и остался. А ты – мой сын, одна закуска.

Сын смеялся.

– А вдруг прокисла? И вообще, батя, не разводи демагогию.

Туго приходилось Зайчику. Связать свои мысли, чтобы понятный текст получился, он не мог. Он думал еще вот о чем: собственно этот «враг», какой он тебе враг, если ходит вместе с тобой на работу, так же как ты, получает зарплату, и каждый месяц расписывается в ведомости. Только ты свои кровные, не отходя от кассы, считаешь и прикидываешь, сколько там за долги, взятые на прошлой неделе, надлежит изъять из общей суммы и как распределить остаток, чтобы в следующем месяце новых долгов не наделать, а тот, другой, небрежно пихнет ее в задний карман, мол, чего там, какие это деньги, это пустяки.

Он живет где-нибудь неподалеку, и все у него такое же, как у тебя – жена, дети... Но ты видишь и чувствуешь, что он не такой, как ты человек, он совершенно другой человек. И ни в одном сне тебе не приснится жить так, как живет он. Откуда у него что берется? И ты его не спроси, нет у тебя такого права – спрашивать. Он на дороге не грабил, с ножом в темную ночь не ходил. Он где-то нашел утечку. Ма-аленькую утечку. От нее и страна вроде не обеднеет.

Хорошо ему! Время идет, он нос задирать начинает, тесно ему становится. Он, истекая слюной, начинает примеры приводить, как в Европе да в Америке при капитализме живут, как они жить умеют, как у них все есть, а у нас ничего нет. Он презирать, презирать начинает этих вот психов ненормальных с их ввешенной в поры сознательностью и энтузиазмом. Сделать что-нибудь себе самим на пользу ни ума, ни смелости, а брюзжания и визга по поводу и без повода на сто человек хватит.

Ах, как ненавидел их Михаил Потапович, что ты с ними будешь делать! Не стрелять же на самом деле. «Эй, – скажут, – с ума соскочил, это же Иван Степанович! Да что он тебе, мешает? Человек, как человек, хозяин. В дом, что плохо лежит, ташит? Так и ты таши, если оно плохо лежит. Не ты – другой подберет».

Да, в таких условиях он ничего не мог сказать сыну. С одной стороны в затылке стучало про закваску, вдруг и правда прокисла; с другой он ведь сам лично в сорок пятом году посмотрелся на европейскую жизнь, какое у них там все чистенькое, ухоженное, несмотря на войну. И одеты не так, и неведомо им расхожее слово – ватник, и с едой до недавнего времени, по всему видать, было не так уж плохо. А дома! Дома – сказка!

Зайчику иногда казалось, что он со своими вопросами один такой остался. Молчуном сделался, особенно на работе. Но изредка, если неведомо становилось перед лицом явной несправедливости, выходил из угла и «гремел цепями». Часто невпопад, за что получал в спину иронические взгляды.

4

Софья Сергеевна привела «девочек» на террасу. Усаживала, суетилась, велела, чтобы на столе ничего не трогали, а то потом черт сломит ногу в этих бумагах. Собственно вручную свалила на крышку сундука груды папок, приговаривая, что это хлам, хлам.

Вера Алексеевна и Ольга Павловна удивленно поглядывали, тшечно пытались расшифровать странное выражение, промелькнувшее в глазах бывшей начальницы, перевели заинтересованные взоры на небольшую тетрадь в руках Софьи Сергеевны. Показалось, она хочет что-то сказать, но внезапно поджала губы и унесла ее с глаз долой.

– Ну? – обратилась она к Верочке, когда бумаги были убраны.

Начались переговоры. Вера Алексеевна и Ольга Павловна осторожничали, недоговаривали, путались в словах, но из всех недомолвок вырисовалось одно: торжественный вечер нужен всем, не только ради Софьи Сергеевны они надумали его устроить. Вот нужно собраться, хоть караул кричи, хоть разбегайся в разные стороны, до чего неуютно стало в лаборатории.

Неожиданными были эти речи. Что ж такое получается? Была Софья – было хорошо. Ушла Софья – стало плохо. Зачем же допустили, чтобы ушла? Странно, не огорчение, она ощутила чувство мелкого серого удовлетворения. Пусть их. Так им и надо.

Хотя, с другой стороны, будучи человеком справедливым, понимала: ни Вера, ни Ольга сделать ничего не могли. Не их вина, не с них спрос. Положа руку на сердце, она иной раз ловила себя на чувстве вины перед ними за свой внезапный уход. В такие минуты мерещились ей широко раскрытые глаза молоденькой лаборантки Женечки Фетяскиной, в них были и боль, и упрек, и готовые брызнуть слезы. Что они сегодня собираются праздновать, какое такое достижение! Смешно, ей-богу. И отказать нельзя.

Софья Сергеевна сделала вид, будто тщательно обдумывает решение, хотя мыслей в голове не было никаких. На террасе притаилось затишье. Потом, неожиданно для самой, она сказала:

– Бог с вами, устраивайте свой вечер, если вам так хочется, – растерянно огляделась по сторонам, – но нужно как-то все это организовать...

Тогда Верочка и Ольга Павловна закричали, чтобы она ни о чем не тревожилась, что они уже много кое-чего закупили и приготовили, что с этого момента они, исключая Протасенко (ему необходимо вернуться по делам в институт), поступают в полное распоряжение Софьи Сергеевны и что к семи вечера все будет готово.

Бурная деятельность развернулась сразу после отбытия Николая Валентиновича. Гадели, перебивали друг друга. Софье Сергеевне стало казаться, что в жизни ее ничего не изменилось, и не приготовлением праздничного ужина она будет сейчас заниматься, а даст последние указания к проведению очередных опытов. Дурная минута прошла. Все-таки она была довольна, что о ней вспомнили.

– Я добренькая, – приговаривала, – потому что соскучилась без вас, свинушки вы такие. Забыли меня совершенно.

– Свинушки, свинушки, – радостно соглашались дамы. Тарашили глаза, будто заново увидели в ней нечто такое, чего не разглядели за долгие годы.

К делу! Вера Алексеевна стала разгружать сумки.

– Вот колбаска. М-м-м, какая колбаска! Ее нужно сразу же в холодильник. Так... это фирменное соленье Ольги... Севка, по лапам! Оставь рыбу в покое!

– Понюхать уже нельзя.

– Нюхай и клади на место. Это... – она взяла в руки большой сверток, – это потом. Куда бы спрятать?

Софья Сергеевна догадалась, что в пакете неизбежный подарок и досадливо покрутила головой.

– Ничего, ничего, – остановила готовящийся по этому поводу выговор Ольга Павловна, – так надо, – и унесла сверток в комнату.

Севе вручили список недостающих продуктов, и он ринулся бежать в магазин, но Софья Сергеевна остановила его:

– Потерпите минут десять, – шепнула, – историк явится, вместе отправитесь.

Сева отметил, что «историка» она подала без обычной иронии, послушно сел в уголок. Софья Сергеевна перехватила его взгляд и вздохнула. Постепенно она перестала вслушиваться в общий разговор. Возле нее о чем-то спорили, она не принимала участия в препирательствах, она видела перед собою сына.

Вот он снимает очки, протирает их долго, терпеливо, рассматривает на свет, не торопится спрятать за стеклами близоруко сошуренные глаза.

– Ты странный человек, – говорит он матери, смотрит на нее ласково, склонив голову к левому плечу, – ты считаешь, что право на жизнь имеют лишь точные науки, а

остальное – ерунда на постном масле. Прогресс человечества определяют не одни технические усовершенствования, но и открытия самой природы духа.

– О-о-о, занудил!

Он надевает очки, поправляет их, прикасаясь к дужке длинными, как у музыканта, пальцами, собирается говорить.

– Полно, полно, – отмахивается Софья Сергеевна, – лекции в Доме Знаний читай, не мне.

Уже вечер. Они сидят у стола в ее комнате с большим окном, их разделяет пятно света из-под грибка зеленого абажура. На противоположной стене покачивается тень от головы Андрея Константиновича. Большая, преувеличенно лохматая.

– Прости, мама, но ты иногда проявляешь такое невежество по отношению к гуманитарным наукам, что мне становится стыдно за тебя.

– Да пойми ты, – вскипает она, – я ничего не имею против твоей гуманитарии и начитана не меньше твоего. Я имею зуб против тебя. Да! Зарылся в каких-то скифах, знать кроме них ничего не желаешь. А вокруг тебя жизнь, жизнь! – она, как заслонкой, машет перед лицом ладонью, – ты ее не видишь.

– А ты сама? – хитро поглядывает на мать Андрей Константинович.

– Что я? – теряется Софья Сергеевна. – Неужели ты хочешь сказать, что моя наука... – она высокомерно и отчужденно смотрит на него, – милый, результаты моих исследований всегда находили себе применение.

– Во-во, применение. Вещность. Пощупать можно. А вот я тебе сейчас скажу... Нет, ты выслушай. В свое время вы определили технологию производства: механизмы, оптика, средства коммуникации, оружие, наконец. Прописная для тебя истина. Вы были и остаетесь необходимыми. Но пойми, в наше время мало одного умения производить...

– Хм, – она смотрит по-прежнему высокомерно и отчужденно, – ты хочешь сказать, что скоро отпадет потребность в техническом прогрессе, и взамен понадобится армия болтунов вроде тебя?

– Я не болтун.

– Ты? А вот я тебе скажу. Как-то раз Верочкина дочь сидела у нас на работе и учила историю. Я взяла посмотреть ее учебник. Батюшки! Историки, эрудированные, умные! Вы не в состоянии написать приличный учебник даже для детей. Что за текст, что за словоблудие. А ребенок вынужден это читать!

– Мама, ты же знаешь, что к школьным учебникам я не имею ни малейшего отношения. Там своя кухня.

– Кухня. Вот-вот. «Лучше я посижу во временах Адама и Евы, чем вступать в «кухню»». А единственное место, где бы ты мог с пользой внедрить свои знания – это именно школьный учебник.

– Внедрить...

– Да. Любая крупица знаний должна находить себе применение.

– И даже твой последний отчет? – вскидывал он по-детски обиженные глаза.

– Да, да! Что ты цепляешься к этому несчастному отчету? Придет и его время.

Она долго и внимательно смотрит – верит он или не верит ее словам. Но он отодвинулся и сидит так, что ей видно теперь только нижнюю часть лица сына. Губы сжаты, глаза прячутся в тени абажура. Ничего не разобрать. Он молчит. Потом снова начинает.

– Я давно хочу спросить тебя, мама. – Андрей Константинович говорит очень тихо, – ты, признанный авторитет, ты ушла из института, а человек... ну, хорошо, хорошо, я не буду уточнять. Однако я сужу по твоим же рассказам, неталантливый человек занял чужое место. Это что, тенденция? Мода пошла толковых, талантливых специалистов заменять... как бы помягче выразиться... специалистами «второй свежести»? Ты можешь ответить?

Она вскидывает голову. Равнодушно, словно ждала этого вопроса, отвечает.

– Могу. – Поднимается с места и начинает ходить по комнате. – Мое время и вправду закончилось, – она выставляет вперед ладонь, защищаясь от его возможного протеста, – не спорь, не пытайся мне возражать. Надо быть честным хотя бы перед собой. Я должна была уйти.

Софья Сергеевна подходит к окну, сдвигает в сторону занавеску. За нею на широком подоконнике, выстроившись в ряд, стоят горшочки с редкими кактусами. Она берет в руки один горшочек и начинает внимательно разглядывать округлое растение все сплошь в мелких белых крапинках.

– Смотри-ка, последний бутон со дня на день готовится расцвести.

– Мама, мы говорим не о кактусах, – досадливо морщится Андрей Константинович.

Она послушно ставит горшочек с растением на место, задерживает занавеску, садится.

– Что тебе сказать... Наука не стоит на месте, Андрюша. До недавнего времени мы все делали своими руками. Чтобы поставить опыт, мы должны были изобрести и сконструировать прибор. Сколько раз мы с тобой ругались, когда я дотемна задерживалась на работе, а потом ты не хотел слушать, стоило мне начать оправдываться и рассказывать про очередной опыт. Теперь на работе так не задерживаются, – она усмехнулась, – мы подтянулись на новый технический уровень. Кому сегодня нужен ученый одиночка? Никому не нужен. Вот он и уходит в прошлое. Да и вся созданная нами кустарщина тоже уходит в прошлое. Нынче на первом месте производственные связи, а это, – она стала загибать пальцы, – договора, сметы, планы, докладные записки... Самое главное – сроки. Страшное дело – не уложиться в срок, – она тяжело вздыхает. – Тут хочешь – не хочешь, требуется деловой человек. Такой чтоб вертелся, вертелся, вертелся, чтобы справлялся со всей этой бюрократией. И еще... Впрочем, это уже не интересно. – Софья Сергеевна тяжело поднимается с места, снова ходит по комнате и явно пытается увести разговор. – Ты презрительно назвал Николая Валентиновича специалистом «второй свежести». Андрюша, поверь мне, это не так. Он деловой человек и по-своему даже талантлив. Он видит цель, идет напролом...

– Вот! Вот! – обрадовано закричал Андрей Константинович и ткнул пальцем в сторону матери, – напролом!

Софья Сергеевна промолчала, потом остановилась за спиной сына и положила обе ладони ему на плечи.

– Слушай, давай сменим тему, мне надоело переживать, честное слово. Иная печаль у меня. Гложет и гложет, вот это печаль, так печаль.

Она наклонилась над ним, хотела заглянуть в глаза. Он увернулся от ее рук и стал смотреть в сторону.

– Не надо, мама.

– Не пойму. Мужик как мужик, а живешь бобылем возле маминой юбки. Вот помру, кто станет тебе борщи варить и котлеты жарить?

– А ты не помирай.

– Косая не спросит, – говорит Софья Сергеевна и вдруг начинает мелко по-старушечьи смеяться.

– Ты чего? – вскидывается Андрей Константинович.

– Так, ничего. Вспомнилась одна история.

Однажды Софья Сергеевна пошла на хитрость. Пригласила в гости Верочку и Севу. Верочка нравилась Софье Сергеевне. Умница и собой хороша. Не случайно в лаборатории любили ее поддразнивать, напевая: «на щечке родинка, полумесяцем бровь». У Верочки и родинка, похожая на мушку, сидела на месте, и атласная бровь имелась в наличии, да еще к этому роскошные русые волосы и карие с огоньком глаза. А вот личная жизнь не удалась. Верочка с мужем была в разводе, и воспитывала дочку одна. Софья Сергеевна рискнула попытаться свести эту чудесную женщину и закоренелого холостяка сына. Как знать, а ну, если судьба!

Не судьба. Верочка посидела с ними за чаем, за разговорами, – прелестный вечер тогда провели, – ушла. Зато Сева подружился с Андреем и прикипел к их дому. И, что самое удивительное, Софья Сергеевна никак не могла разобраться, отчего так, его, взятого технаря, Андрей Константинович неожиданно увлек историей. Софья Сергеевна оставила мысли о сватовстве, марьяжных усилий ее никто не заметил, с Сеовой стала простой и сердечной в домашней обстановке.

(Продолжение следует)

ПОЭЗИЯ

Алина ТАЛЫБОВА

Алина Талыбова – журналист, поэт, переводчик. С 1998 года регулярно печатается на страницах журнала «Литературный Азербайджан». Переводила Китса, Стивенсона, Киплинга, О. Уайльда.

Автор трех сборников стихов и переводов: «99-й год» (2000), «Притяжение небес» (2005), «Московская баллада» (2010).

Стипендиат Международного Литературного Фонда (2004). Участница Четвертого Открытого фестиваля поэзии в Ташкенте (2005), по итогам которого состоялся ряд публикаций в журнале «Звезда Востока», альманахах «Малый Шелковый путь» и «Арк». Публикуется в различных зарубежных изданиях и альманахах: «Интерпоэзия» (США), «Зарубежные записки» (Германия) и др. Участница IV и V Международных поэтических фестивалей в Грузии (2010, 2011).

Проводи меня, Ташкент

* * *

...Есть странный час
на перекрестке ночи
И дня,
 есть потаенный переулочек
Во Времени – свернув в него однажды,
Ты забываешь год, число, эпоху
И имена друзей,
Названья улиц и месяцев...
Свернув в него однажды,
Ты понимаешь, что попал в кино,
В котором звук пропал среди сеанса.
Кругом лежит беззвучный Старый Город,
Там, где дома касаются плечами
Друг друга...
Шелестит листва немая,
Беззвучно мяч стучит об известь стен,
Коньки грохочут по камням беззвучным,
Беззвучные беседуют соседи...
Пластинка кружится, дрожит игла,
Но с губ ее ни звука не слетает.
Вот женщина седая стул выносит,
Садится возле своего подъезда
И поправляет сползший с плеч жакет.

(Через мгновенье включают в мире свет
И озарятся стрельчатые окна).

И нас с тобою поглотит парадное...
И ты очнешься в темном влажном чреве
Его, и над твоею головой
Как позвоночник – лифтовая шахта
Возносится, дрожа от напряженья,
Куда-то вверх, под купол мироздания,
К аорте Дома...
И виртуальный ветер,
Бушующий в галактиках,
влетев,
Разбитой форточки в квадратный рот,
Вздымает ребра лестниц, как дыханье...

О, сколько же вокруг нас параллельных
Миров, сознаний, аур и т.п.,
Упрятанных друг в друга как матрёшки!..
(До сердцевины этого расклада
Пока еще никто не доходил).
И, как и подобает человеку,
Я знаю лишь,
что ничего не знаю
О мире,
но одно я знаю точно:
Все это я –
 фасады и листва,
И дети эти, и ларьки, и кошки,
Разлегшиеся с видом королевским
В подножье мусорок...
И темь подъезда,
И женщина в продавленном шезлонге,
Глядящая вдоль улицы пустой
Последние две тыщи лет, примерно,
Никто, никто не проходил по этим
Камням...
(Воспоминания не в счет).

И я – стена, и на моих щеках
Нарезана вот эта вязь тугая
На мертвом языке,
 и южный ветер
На мне вздувает виноград сухой
Как волосы на лбу...

Прощание с Ташкентом

...Проводи меня, Ташкент,
За руку возьмишь случайно.
Утоли моя печали
Шедрой горстью бус и лент.

Приколи туда, где сердце,
Розу пышную, как ложь,
Расцелуйся и посмейся,
И воткни мне в бок, как нож,

Память о твоих деревьях,
Запрокинутых до звезд,
О великих потрясениях
Почв и душ...
Сомни как воск

Время, что шуршит в арыках
Прошлогоднею листвою.
Чужестранцев многоликих
Разноцветною тоской

Накорми с руки бумажных
Журавлей...
Скрути как жгут
Нас, сегодняшних с вчерашним,
Намети сугробы шкур –

Чтоб бежать, держась за стремя,
И валиться в пыль во тьме,

Чтобы дал хлебнуть из шлема
Золотого
Искандер –

Тот, двурогий и крылатый,
Уносящийся к звездам...
Чтоб смотреть с тоскою жадной
Вслед нездешним поездом, –

Утоли моя...
А впрочем,
Ничего не утолай –
Пусть мои терзает ночи
Эта смуглая земля

В этих розах, изнемогших
В тесных створках медресе.
Из мириад твоих прохожих
Я такой же, как и все.

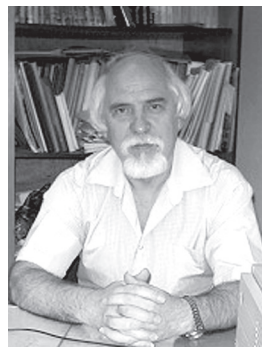
Разве что бессонной рифмы
Отрастивший третий глаз.
Ах, Ташкент –
опасной бритвой
Ты мелькнешь у самых глаз.

И снова из-за фюзеляжа,
Из-за моря – боже мой!.. –
Мне Ахматова помашет
Загорелую рукой.

проза

Владимир ВАСИЛЬЕВ

Васильев Владимир Германович (псевдоним Василид 2) родился в 1948 году в городе Рыбинске. Писатель, поэт, член Союза писателей Узбекистана. Публиковал свои произведения в журналах «Звезда Востока», «Нева», «Знамя», «Полдень. XXI век», «Экономика и жизнь», «Молодая смена», «Народ и демократия», «Человек и политика», «Корреспондент». Отдельным изданием вышли книги «Легенда о серебряном человеке», «Листья травы», «Магический треугольник», «Операция „Биомен“», «Зона молчания».

Васильев автор поэтических сборников «Полет стрелы», «Встреча»; лауреат премии «Интерпресскон-91». Финалист Международного конкурса пародистов памяти Александра Иванова. Кандидат технических наук. Живет в Ташкенте.

ПРОСТИ ИМ...

Фантастическая повесть

*Негоже людям смешивать миры,
Которые вовек несовместимы.
Случайный сбой божественной игры
О, Боже всепрощающий, прости им!..*

– Леноша! Елена! Елена Владимировна! Шеф, блин горелый, но... очень вкусный! Ты в своем уме?

– Пока что да, мой Ромео! – с максимумом иронии в голосе пролепетала я.

Этот Ромка несносен! Мало того, что соблазнил свою шефиню, то бишь меня, на целых пять лет старше него, так еще и пытается диктовать мне условия научного эксперимента! Моего эксперимента!.. Ну ладно, нашего! Но кто в этом доме хозяин?..

– Куда ты лезешь? Это я должен! – все еще пытался он сопротивляться. Но я-то предвидела результат.

– Мужчина должен защищать свою женщину, – насколько могла обаятельно напомнила я. – Ты и будешь защищать меня. Я очень надеюсь на тебя, Рома...

Я знала, что против этого аргумента он не сможет устоять.

Ах, мужчины, как вы наивны...

* * *

Заледеневшие деревья тихо позвякивали и потрескивали голыми ветвями. Недавно прошел «ледяной» дождь. Должно быть холодно, но я этого не ощушала... не ощушал...

На склеротических узловатых пальцах корней, вцепившихся в мерзлую почву, скрючилось мертвое тело мужчины средних лет с перерезанным горлом. А кто я? Ворона на ветвях? Или воробей?.. И вдруг стало ясно: я – последняя горькая усмешка, вырвавшаяся из уже безмолвно хохочущего горла. Я – его дух. Потому и не реагируют ветви на мое присутствие, ибо бесплотен. Но не бесчувствен! И вижу, и слышу, и обоняю, и температуру воздуха знаю – минус десять по Цельсию. Только холодно мне не от температуры, а от жалости к тому, кто потерял меня. И к тем, кто потерял его...

Убийца ушел недалеко. Пробирался, довольный собой, по горной тропе, начинавшейся метрах в ста от лошинки, где остался труп. Шел, приплясывая, благо тропа была хорошо знакома. Я ощущал его ликование, как птица – восходящие потоки воздуха, но мне был неприятен всплеск таких эмоций. Возможно, потому что еще недавно я был духом убитого? Не без того, но я знал, что дело не только и не столько в этом. Эти чувства были чужды мне, не находя отклика среди множества моих собственных частот. Но не воспринимать их я не мог, ибо воспринимал все.

Например, я чувствовал, как в тревоге сжимается сердце девушки, из-за которой меня (его?) убили. Она ничего не знала точно (если б знала – вмешалась бы), но чужая недоброе. Я попробовал накрыть ее золотым дождем своей любви – она даже улыбнулась, вспомнив о светлых наших минутах, но ненадолго – тревога пересилила. Сам я и был источником ее тревоги – от меня к ней тянулся серебряный лучик, постепенно темнеющий.

Чужая я, что и мама тоскливо поглядывает на дорогу, и холодный озноб временами изнутри пробегает по ее спине.

– Эй! – попытался я предупредить убийцу, который занес танцующую ногу над покрытой каменной крошкой ледышкой.

Но он не услышал меня. Дух был глух. Потому что на других частотах работал. С ограниченным доступом к информации.

Расплата была штрих-пунктирной: шмяк об камень – точка, полет в пропасть – тире, шмяк о скалы внизу – точка... И окончательное для него тире – можно читать и как минус.

А я обнаружил рядом брата по информационно-волновой жизни. Ошеломленного неожиданным освобождением и еще не сориентировавшегося в пространстве бытия.

Мне пришлось срочно принять образ его недавно поверженного врага-соперника.

– Ты? – удивился он, рефлекторно принимая свой, пару мгновений назад живой облик. При этом, разумеется, никто из живых нас наблюдать не мог – не по Сеньке шапка.

– Я... – изобразил я усмешку, не растеряв еще человеческих умений. Впрочем, дух ничего не теряет. Архив бытия, так сказать.

– Живой? – разочарованно удивился он.

– Скорее, бессмертный, – хмыкнул я вполне по-человечески.

Он внимательно посмотрел на меня, потом – на мой труп, следом с опаской – на свой, живописно раздрызганный на дне пропасти.

– Стало быть, – наконец, осознал он, – я теперь тоже... бессмертный. Тогда зачем было все это? – повел он виртуальной головой в сторону оставленного мира, который временами тоже смотрелся довольно виртуально, потому что воспринимался нами уже в гораздо более обширном частотном диапазоне, смертельно опасном для живых биоструктур. Человечество даже теоретически помыслить существование таких частот в реальном мире не могло. Что за реальность, где пространство стремится к нулю, а время к бесконечности? Как, вообще, такое можно помыслить, а тем более измерить? Пространство порождает время, а время – пространство. Они – как электрическое и магнитное поля в поле электромагнитном. И все же считают, что емкость может быть равна нулю, то есть существует лишь магнитная компонента единого поля, или индуктивность может быть равна нулю, а, стало быть, есть только электрическое поле. Идеализация реальности. Вот в диапазоне подобных идеализаций для времени и пространства мы с моим полевым коллегой, бывшим врагом, и существовали. То бишь могли или пространство свести к бесконечно малой величине, или время. Открывающиеся возможности моделируйте сами.

Он помолчал и кивнул сам себе, поняв, зачем...

– А вот тут, Леноша, ты, мне кажется, неправа, – донесся до меня голос Ромы.

Какая, к черту, Леноша? Я же... А ведь он прав! Из наблюдаемой реальности начала фокусироваться молодая женщина на лежанке. Вроде бы она была голой, но всякого рода датчики, как прикрепленные к телу, так и нависающие над ним настолько густо занимали пространство вокруг, что ее вполне можно было назвать и одетой.

И мой дух осознал, что ему подопечен не только парень, чей труп лежит сейчас на корнях дерева, но и эта женщина, которая вполне жива. А как только осознал, все и вспомнил (вспомнила?): и эксперимент по гипнорегрессии, и свою роль регрессируемой в нем, и то, что Рома как ведущий эксперимент вполне имел право и даже был обязан общаться с духом. Нет, он общался со мной, находящейся в состоянии наведенного гипноза, но я-то из этого состояния знала, с кем он общается, на самом деле. Или не на самом деле? На этот вопрос и должен был ответить эксперимент. Гипнорегрессия – это соприкосновение с реальным прошлым или психическое воплощение желаемого или предполагаемого? Или даже продиктованного гипнотизером?

– В чем я не права, Ромео?

Я так называла его, когда хотела поиздеваться. Не злобы ради, а чтобы поставить на место.

– А в том, что «никто из живых нас наблюдать не мог». Я же наблюдаю все, что с тобой происходит. Вернее, с той структурой, которую ты называешь духом.

– Ученый, а такие глупости говоришь, – пожурила я коллегу. – Ты видишь и слышишь то, что техника перевела в доступный тебе диапазон, то, что способен воспринимать, плюс адаптированное к твоему восприятию то, что доступно технике. А ей доступно очень немного. Я в полной мере поняла это только сейчас.

– Но каким-то образом этот дух-многостаночник общается с твоей душой, находящейся в твоём теле! Если бы ее там не было, ты умерла бы! Да и аппаратура считывает информацию с тебя.

– Да, он со мной общается, но не я с ним, – подтвердила я свои ощущения. – У него больше для этого возможностей и умения. Широта спектра доступных частот не отвергает узкой полосы для общения с живой душой. С душой, пребывающей в живом теле. Кстати, аппаратура считывает информацию из пространства. Часть коего занимаю я.

Духу это было ясно а priori, а бормотала я для себя и Ромео. Впрочем, приборы фиксировали все частоты и, возможно, потом мы определим частоту общения вечного со смертным. А пока нанодатчики внутри тела и датчики вне него фиксировали все, что могли зафиксировать. В том числе, и источник информации о существовании духа. Если он был в моем женском сознании, то все эти жизни после смерти – фантазии психики, а если ко мне это видение пришло извне, то есть надежда, что оно и, правда, вне.

Эксперимент предполагал углубление в «мир иной», потому аппаратура помогала зову из неизвестности. Это можно было интерпретировать и как пинок под зад, и как похлопывание по спине. Впрочем, спина уже исчезла, и дух имел вполне волновое воплощение. Мой коллега-собрат по несчастью и бессмертию тоже бликовал неподалеку.

– До встречи! – двинулся я в направлении пинка.

– Как бездарно профукано, – ответил он и двинулся своим путем.

Если быть точным, то я свернул пространство к нулю, и времени у меня стало не впрокорот. То есть все время существования духа из дискретного перешло в непрерывное, и он, то есть я, мог осознать себя как вечное существо. Это тоже надо было уметь – быть всеми и всегда. И женщинами, и мужчинами, коим несть числа, и ящеркой, и медузой, и драконом, и птицей, и деревом, и травой, и планетой, и галактикой – всем этим сущностям тоже несть числа. И дух был ими всеми сразу. Потому что был точкой свернутого пространства в бесконечном времени. В матрице событий, в нем существовавшей.

А если сжать в точку время?..

Экран заполнил типичный «белый шум», то есть бессмысленное мельтешение сигналов. То ли нашей аппаратуре не удавалось расшифровать то, что поступало на вход, то ли это самое мельтешение происходило и в мозгу моей Леноши?

– Леноша, ау-у-у!..

Прошли сутки... Медики сменились. Провели контроль состояния – никаких проблем по их части. Для чистоты эксперимента я включил глушилки, экранирующие помещение, которые были предусмотрены при постановке задачи. Путать наводки с полезным сигналом мы не собирались. Обнаруженные нетипичные сигналы не исчезли и вовсе никак не прореагировали на глушилки. Это значило, что источник находится не вне нашего помещения, а внутри него. Возможно, это именно то, что мы искали? А что мы искали? Ответ на сакраментальный и даже неприличный в авторитетной научной компании вопрос: есть ли жизнь после смерти тела? Всякие гипнорегрессоры-писатели задолбали своими «свидетельствами» от пациентов.

И что мы имеем? А то, что Леноша на самом деле пережила нечто, связанное со смертью. Слава богу, не с ее смертью. Слишком похоже на информацию от гипнорегрессоров. Это может быть и порождением психики, извлечшей из памяти прочитанное в книгах гипнотизеров, и действительным воспоминанием, всплывшим из... А кто ж его знает, откуда оно всплыло, из каких архивов? Но до чего же это выглядело реалистично! Молодцы мы, что умеем не только слышать пересказ пациента, но и видеть то, что видит он! Вот только теперь перекрыли смотрелку-то...

Отвернувшись от нынешнего экранного «белого шума», я вглядывался в запись того, что видело «вечное существо». Оно это умело – быть всеми и всегда, а я не умел, и поэтому в голове моей мутилось, кружилось и качалось одновременно. Оно при этом и ошущало соответственно, а мне таких ощущений не дано. Смертный вечному не товариш...

А на что же мы тогда рассчитывали? Ну, во-первых, на сам факт обнаружения или не обнаружения. Во-вторых, на то, что...

Я посмотрел на Лену. У нее было лицо глубоко задумавшегося человека.

Да никаких «во-вторых» не было, потому что мы даже гипотетически не предполагали столкнуться с «вечным существом». Ну, дух, душа и прочие сущности подобного класса предполагались, но ожидалось, что это будет нечто гораздо более простое, типа «архива» реальной жизни. А вот о свертке пространства или времени мы даже гипотетически не думали. Что такое пространство и время – вселенские сущности или атрибуты, и что рядом с ними душа – абстракция, философско-поэтическая метафора? Ну, были гипотезы об ее устойчивой волновой полевой структуре. Однако сие совершенно не подразумевало, что такая структурочка способна замахиваться на основы бытия. Так, может быть, все это – только слова, субъективные иллюзии? Но я же сам видел и вижу – голова циркулем танцует. Мало ли от чего она танцевать может?

На вторые сутки, несмотря на идеальные показания приборов, медики забеспокоились – с пищей еще можно было потерпеть, но без воды организму долго не протянуть. Она же почти двое суток не пьет! Хотя и никаких выделений организма не наблюдается. Эксперимент на такой срок рассчитан не был. Предполагалось, что, в крайнем случае, за несколько часов все будет завершено. Возможно, я как руководитель эксперимента давно должен был его прервать? Но странное поведение аппаратуры настораживало меня чрезвычайно – я не мог решиться, боясь разрушить то, что восстановить буду не в силах.

Они принесли капельницу и поилку. Закопошились, забормотали вокруг, оттеснив меня. Медсестра попыталась подsunуть руку под голову Леноши, чтобы приподнять ее чуть, и поднесла к губам поилку. Но ни рука, ни поилка не смогли приблизиться к цели.

– Что за черт! – возмутилась медсестра неожиданному препятствию. Поилка скользнула по невидимой твердой поверхности в нескольких миллиметрах от лица Лены, и немного воды пролилось. Струйка скользнула по щеке и затерялась на подушке. А рука медсестры так на подушке и осталась, не сумев проникнуть под затылок.

Попытка иглой капельницы проникнуть сквозь преграду также потерпела крах – погнулась игла и повторно чертыхнулась медсестра. Повернулась ко мне и возмущенно спросила:

– Это что такое?!

Будто я все это организовал. Бедную женщину можно понять – она хотела помочь, а тут какая-то чертовщина.

– Черепаха может в панцире укрыться, моллюск – в раковине, а человеку куда деваться? – ответил я.

– Человеку врача слушать надо, а не в раковину прятаться! – с полной уверенностью в своей правоте заявила медсестра.

– Получается, что надо верить датчикам, а не своим привычкам, – прокомментировал присутствовавший при этом врач. – Этот пациент явно не нуждается в нашей помощи. Хотя я не могу понять, почему. А вы? – обратился он ко мне.

– Возможно, потому, что она сжала в точку время, – пожал плечами, ответил я.

– И что это значит? – поморщился он.

– Вот, видимо, это и значит, – махнул я рукой на Елену, без дураков и преувеличений Прекрасную. Она была словно бы подсвеченной изнутри.

– Да, – кивнул доктор, – она прекрасно выглядит. – Идем, мать... Тереза.

И они очень по-семейному удалились в свой отсек. Фамилия медсестры и, впрямь, была Терезина.

А я уже не сомневался в том, что сказал. Леноша нашла способ дать мне понять, что происходит.

Прошло еще двое суток. Я оброс, потому что не хотел отлучаться от Лены – я же на посту, и должен оберегать ее от всяких зловредных случайностей. Еду мне приносили. Туалет был предусмотрен рядом.

А Леноша по-прежнему швела. И аппаратура это подтверждала.

Через неделю за бороду мою уже можно было, если постараться, дергать. Я старался, потому что больше ничем заниматься не мог.

На восьмой день меня ознакомили с решением Ученого Совета о прекращении эксперимента в связи с его бессмысленностью и опасностью для здоровья участника.

Я ответил, что только через мой труп. Мне гарантировали, что с этим никаких проблем не будет. Когда пришла комиссия по отключению, то на территорию, отведенную для эксперимента, войти не смогла. Хотя двери были открыты. Они кричали и требовали прекратить безобразие. Я пожимал плечами. Потому что и сам не понимал происходящего. Вернее, догадывался, зная Ленку, но, как сие вершится, понятия не имел.

– Мы отключим питание! – пригрозила комиссия.

И попыталась. К трансформатору, питающему институт, подойти они не смогли. Я в окно видел.

– Мы же с голоду помрем! – догадалась «мать Тереза» и вышла в дверь совершенно свободно, чем была искренне удивлена. Но обратно вернуться не смогла. За ней потянулись остальные. К концу дня мы остались вдвоем. Особо негативных эмоций по этому поводу я не испытал – фактически мы и так были вдвоем.

Я приготовился ждать ее еще тридцать лет и три года, не очень хорошо понимая, как продержаться без еды – ведь сам видел, что двери с той стороны ничего не пропускают. Однако к вечеру парень в камуфляже подкатил к дверям столик на колесиках и протолкнул его ко мне. Сам пройти не смог, распластавшись по невидимой поверхности. Матюгнулся и отступил назад.

Было вкусно. Но я не злоупотреблял, решив сэкономить провиант – вдруг дверь пропускать перестанет, или решат, что кормить меня не стоит. Хлебушко да печенье отложил на черный день или на светлую ночь. Ночью зверский аппетит просыпается, хотя ему спать положено. Видать, я родом из ночных хищников. В какой-то из прошлых жизней. Похоже, что они таки были... эти прошлые... Леноша вернется – объяснит.

– Ау! Давай уж, Ленош, возвращайся... Или все-таки – тридцать лет и три года?

И тут белое мельтешение на экране сменилось сплошным ярким пятном, осветившим темное помещение, как прожектор – света я не зажигал, а было уже около трех ночи.

Я чуть прищурил глаза – все же слишком ярко светилось, но ничего, кроме сияния не увидел. Вскоре сияние стало менее интенсивным, и на экране начало проступать лицо. Сначала только контуры и намеки на человеческие черты, а потом – вполне даже человеческое, Леношино личико! Ура!.. Заработало!.. Хотя нет, не личико, а очень даже убедительный лик, потому что, сохраняя все Леношины цвета и оттенки, он светился. Не так, как на иконах схематично изображают нимб вокруг условно человеческой головы, а каждой клеточкой. И видно было, что это не отраженный свет, в каком мы видим друг друга, а внутренний. Полное впечатление, будто лицо состоит не из плоти и крови, а из света и тени. Я даже посмотрел на лицо лежащей Лены, дабы сравнить, и удостоверился в верности своего ощущения: вот – плоть, вот – свет.

А лежащая Леноша вдруг хитро улыбнулась, легко выйдя из многосуточной летаргии, словно чуток подремала, и сказала:

– Познакомься, Ромео, – это мое истинное духовное лицо...

– Оно прекрасно, – не мог не признаться, – но целовать я предпочел бы твое настоящее физическое.

– Не зарекайся, извращенец! – хмыкнула она. – Ты понятия не имеешь о духовных эмоциях.

– А они есть?

И духовный лик, и физическое лицо Леноши наградили меня жалостливой снисходительной улыбкой, какими мамыши одаривают своих возлюбленных чад, прощая им младенческую неразумность.

Мог бы и сам сообразить, что духовное и эмоциональное – одной природы, информационной.

– Ну, и где ты шалтай-болталась все это время? – поинтересовался я старательно спокойно, будто она вернулась с недолгой прогулки. – Начальство тут в неадекват ушло.

– Да знаю я, – кивнула она деловито. – Потому и вернулась, чтобы тебе существование не усложнять...

Помолчала чуток, рассматривая меня, и заявила:

– А борода тебе идет: не папан, но муж, достойный... внимания.

При других обстоятельствах я был бы вдохновлен сим признанием, но сейчас мне было искренне наплевать, как я выгляжу.

– Ерунда! – отмахнулся я. – Побреюсь – опять не буду достоин.

– Сдается мне, что ты теперь изнутри бородатый, – хихикнула она.

– Уходишь от вопроса, Елена Владимировна! Где была?

– Это невозможно объяснить, – призналась она уже серьезно. – Это надо пережить...

Что я тебе и предлагаю сделать прямо сейчас... Освобождай меня, выводи из эксперимента. И пока установка под нашим контролем, ты пройдешь моим путем. Вернее, своим, но в ту же сторону. И обратно. Я буду тебя ждать. А то я могу лопнуть от невозможности обсудить то, что теперь знаю.

– Это не страшно? – глупо ляпнул я. Ляпнул, потому что, на самом деле, никакого страха не испытывал, а можно сказать, бил копытами от любопытства и нетерпения.

– Не бойся, мальчик, – вдруг изрек лик с экрана, – я тебя встречу... поцелуем...

Язык мой балаболит, а руки делали дело, выводя Леношу из эксперимента. Конечно, основную часть вела автоматика, но человеческий пригляд за ней никогда лишним не был. Впрочем, все шло по регламенту.

Примерно через час я освободил ее от датчиков на теле, и Лена с явным удовольствием поднялась, потирая ладонями тело.

– Отлежала чуток, – призналась она.

А ведь могли образоваться и пролежни, если бы не был предусмотрен специальный вибромассаж на лежанке и звуковой массаж от встроенных источников.

А может, и не могли, если это световое и духовное все держало под контролем. Кстати, Лена встала и отключилась от аппаратуры, а лик все так же ехидно светился на экране. Чудесны дела твои, господи...

– Может, тебе массажик провести, – деловито поинтересовался я.

– Я те проведу! – хмыкнула она и погрозила пальчиком, потом показала головой на лежанку: – Ложись давай!

– Уже?.. Ты погоди, – понял я. – Мне сбегать кой куда надо, а то оконфужусь тут в бессознанке.

– Беги, дурень! – разрешила Лена, пробормотав вслед: – Какая ж тут бессознанка? Сплошная беспросветная сознанка.

А у меня в процессе справления нужды вертелись в голове строки Вознесенского:

«Душа – совмещенный санузел,

Где прах и озноб душевой...»

Только не душа – совмещенный санузел, про нее мы ничего толком не знаем, а сам человек... Некоторые и не совмещенный вовсе, а типичное отхожее место... Наш санузел был не совмещенный, а смежный – с отдельными дверями для каждого функционала. Я помылся, вытерся, а одеваться не стал – что уж там... Будто мы не любовники. А время дорого.

– Хорош, – одобрила Лена и подтолкнула меня к лежанке.

Телу было удобно.

Она ввела мне в вену нанодатчики, и, пока они распределялись по организму, оборудовала меня с головы до ног макродатчиками – и контактными, и бесконтактными. Слава инженерам – сейчас для снятия электроэнцефалограммы не требовалось вводить в мозг электроды. Все, что имеет изменяющийся электрический потенциал, излучает, и измерение этих излучений – задача уже научно-техническая, на данный момент решенная.

Лена запустила программу тестирования аппаратуры и подмигнула мне заговорщицки.

После психопаузы, которой не почувствовал, но знал, что она существует, первое, что я увидел, был ее светящийся образ во всей ошеломительной красе. Не только «светлый лик», который на экране выглядел на несколько порядков тусклее, но и все остальное, что я впитал взором, уносясь.

Я даже не покосился на оставленную духом собственную живую плоть. Мне сейчас, чтобы попасть в мир иной, надо зацепиться за память о прошлой смерти давно уже мертвой плоти. Из живой – туда пути нет. Хотя сие – более позднее объяснение, в тот момент я об этом не знал. Я не мог оторваться от созерцания Световой Леноши и не мог не броситься к ней. Это даже не магнит, а Светлый Коллапсар.

– Ух, облобызаю! – успел я услышать издевательскую телепатограмму и меня поцеловали...

– Жив, Ромашка? – услышал я заботливое вечность спустя.

– Уж и не знаю, как это у вас называется, – ответил я, выныривая из нирваны. Хотя нет – нирвана, теоретически, – вечное бесчувствие, а я был в вечном блаженстве, жаль, так недолго. – Жив ли, мёртв ли или ни жив, ни мертв?

– Недолго? – усмехнулась Светлая Леноша, услышав мои сетования. – Век прошел, однако, человеческий.

– Как это? Я не вернусь в свое время? – честно испугался я.

– Смотря, кто есть ты? Ромашка вернется на свою грядку. Во-первых, здесь свои законы времени, во-вторых, век прошел не с тобой, а с его смерти, – мысленно отослала она меня к тому, кто стал проводником моим в этот мир. И тут я его почувствовал во всей глубине. И весь мой духовный оргазм, как корова языком слизнула... И лепешкой сверху припечатала.

Тому, с чьим духом я сейчас воссоединился, еще было по-человечески страшно. Он прихватил этот страх из жизни, с которой только что расстался. А поскольку праведни-

ком не был, будучи профессиональным душегубом, наемным убийцей то есть, а официально – палачом, то и получить на этом свете предполагал по заслугам, ибо «не убий!» в первых номерах греховных идет. Мне даже любопытно стало: на кой ты злодействуешь, раб божий, если ожидаешь неминуемой страшной расплаты за это? И тут же понял: на той, что лишая жизни, чувствуешь себя равным богу или черту, то есть существом, стоящим над человеком. Раб всегда жаждет возвыситься до хозяина, но так и остается вздрюченным рабом. А высота пугает перспективой низвергнуться.

Но я не дал ему заморочить меня (нас?) низменными эмоциями. Переключил его дурацкий страх на свое неумное любопытство. И поволокло меня... Поволокло в канализационные глубины жития. Я не стал задерживаться на его злодеяниях – во-первых, ничего интересного, во-вторых, оказалось, что я про них все и так знал. Ну, как на голограмму посветишь нужным образом – она тебе всю картинку в мельчайших деталях и предоставит.

Потом дед, отец отца, обнаружился – великий воин, врагов неслитано на поле брани положивший и сам на последнем polegший. И жена его, мужнину кольчугу надевшая и ворога до границы с другими воинами гнавшая. Мстиславой прозванная соратниками...

И по материнской линии пошло ветвление...

Так раскрывались духу моему все ручейки, сливаясь, дарившие жизнь мне. Все корешки, на коих держалось древо моей жизни, бывшее лишь корешком для следующей, моей же. Предки мои, оказывается, незабвенные...

Самым странным было ощущение того, что это не чужие, пусть родственные, жизни, а единая моя, каждый момент коей я мог воскресить и проследить от начала до конца конкретного воплощения. И если бы кто-то из них обратился ко мне, как к оракулу, написал бы всю жизнь в подробностях, но... только никто из них меня уже не спросит. Слепой идет, прозревший стоит. После драки кулаками... ушибы трут. Я почесал указательным пальцем свою светоносную репу. Вот если бы протиснуться к ним сквозь время...

А становление моей личности продолжалось, все обширней укореняясь в почве прошлого. Тяжелой и темной, как всякая почва. И червяки сомнений в ней копошились – жирные и прожорливые. Кто я? Свалка информации, архив или нечто живое?

Ощущаю себя живым. Даже слишком – все, кто умерли, во мне живы. Правда, жизнь свою изменить уже не могут – «нет уж, нет уж – умерла, так умерла»... Но обмыслить ее, прочувствовать – пожалуйста, извольте без ограничений во времени. Однако анализ идет не по человеческой шкале ценностей, не по пользе для ежемоментного человеческого бытия, хотя и в этой пользе греха нет, а по тому, насколько приподнял ты свой дух над кормушкой основных инстинктов. Каким чувством дух обогатил, каким знанием, каким житейским опытом. А ценнее всего для духа – редчайшая способность живого чутя свое вечное. Та жизнь дорога для духа, что с ним живую связь осуществляет. Хотя бы неосознанно. А если уж кто сознательно на контакт идет, то, вообще, Просветленный.

Мне стало по-настоящему страшно, когда понял, насколько слепоглухонемо я жил. И не только я, но и большинство моих предков. Это я уже дискредитирую вечный дух по его воплощениям. Была среди нас пара-тройка ведьм и по отцовской линии, и по материнской, которые чутя дух свой и умели слышать его. Сожгли ведуний, кого на костре, кого в хате. Хорошо, деток успели оставить, которых добрые люди спасли, а то бы потерялось в роду нашем умение. Оно же, как все у людей, что достойно вечности, в генетической программе прописывается. Свет вам, мои прапра и прапрапра! Спасибо, что чую вас в себе!.. Не вами ли мое научное направление определилось?.. И за это благодарю. Чем отплатить осилоу?

Вдруг почувствовал, что любой из ведьм сейчас стать могу! Эх... Нет, боязно... Не страшно, а именно боязно ввалиться, куда недостойн. Хоть я – это и они, но не совсем: индивидуальность духа сохраняется и единство присутствует. Это как ноты в симфонии – каждая по-своему звучит, но все вместе – совсем другое. А убери одну нотку – фальшь ползет. Хотя с нотами – упрощение. Их всего семь, а нас, единственных и неповторимых, – лукошко, бочонок да плошка. Планетарных масштабов лукошко...

Вообще, это духовное бытие можно с большущим упрощением уподобить многопрограммной работе компьютера: ты себе в Ворде текст набираешь, а комп трудолюбивый в это же время из Интернета что-то качает или решает какую-нибудь задачку. Упрощенно, потому что в компе «как бы одновременно», а в духе – одновременно на самом деле. Ведь я и себя живого наблюдал рядом с Леношей, и рассказывал ей, что со мной происходит, хотя она и сама видела, но я же еще и интерпретировал.

Теперь я понял технологию блокировки входа в наше помещение: это был фильтр для духовного в любом его проявлении – психика, инстинкты, рефлексy – все это не пускало своих носителей через наш порог, потому что мы выставили свою защиту. Сначала – Леноша, теперь – я, осознав, что к чему и почему. Для нас, духов, это – пара пустяков. А столик с пищей – добро пожаловать... К сожалению, и пуля – тоже, если вовремя не поставит блок на пуляние. Но для пуль, игл и прочих гадостей работает другая защита – микро- или даже наносдвиг защищаемого объекта-субъекта по времени. Нельзя уколоть или застрелить то, чего в настоящем еще или уже нет. Образ зрительный есть, а самого трансформатора или Леноши – нет. Сдвигаясь во времени, он передвигается и в пространстве.

Световая Леноша, тем временем, если здесь уместно говорить о времени, терпеливо дожидалась, пока я окончательно ориентируюсь в новом для меня пространстве-времени, где одно превращалось в другое и обратно.

Я наблюдал за белым шумом на экране и радовался, что, несмотря на коллапс то во времени, то в пространстве, контролирую ситуацию в экспериментальном отсеке. А на самом деле – и во всем мире. Не определяю, а контролирую. И, по крайней мере, самозащиту могу обеспечить, как это сделала Леноша при поползновениях сверху.

Интересно, что она сейчас вполне комфортно пребывала в двух ипостасях одновременно: в световой (волновой? Информационной?) и во плоти. Причем, я знал – ипостаси общаются между собой. И это – то новое, что открыл наш эксперимент. Уж не знаю, каковы будут последствия. Пока они спасли нас от посягательств напуганных бюрократов от науки. Надолго ли? Поживем – увидим, если поживем.

Да, Ромео прав – мы неожиданно для себя установили, вернее, расконсервировали канал связи между человеком смертным и человеком вечным, родовым. Их, вечных, кстати, совсем немного, потому что большая часть человечества – родственники, а все родственники едины в Человеке Родовом, как ручейки и речки – в море, как корни – в дереве. Странно, что мы с Ромкой оказались не родственниками. Возможно, в этом повинны наши расовые различия?

Духовная сущность Человека Родового, во-первых, вполне материальна и безраздельно подчиняется законам материального мира, во-вторых, эти законы в области ее существования проявляются специфически, то есть не так, как в экологической нише Человека Смертного, а как им должно проявляться. Ведь, вообще-то говоря, человеку нет места в области применения квантовой физики, но от этого не перестают существовать ни человек, ни ньютонова, ни квантовая физика. Всяк сверчок отлично знает свой шесток. Духовный сверчок тоже отлично знает свое место. Он не прыгает из жизни в жизнь, а усложняется и развивается от жизни к жизни, соединяя в себе все, что накоплено предками с двух родительских сторон, а потом соединяется с другим потоком жизни и образует новую духовную сущность. Как все сложные саморазвивающиеся системы в мироздании, каждый родовой дух подчинен закону, научным языком выражаясь, цефализации, а по-человечески – закону усложнения. Человек Родовой, он же Человек Вечный, един во множестве личностей – он и индивидуум, и коллективный субъект. Впрочем, и человек якобы смертный точно так же есть результирующая множества своих предков на генетическом уровне. И он един во множестве...

Сложновато для трепетной девы? Во-первых, не дева. Во-вторых, как еще изъясняться доктору медицинских наук, анализирующему предварительные результаты своего научного эксперимента?

А чтобы стало понятно и домохозяйкам: нет души индивидуальной, а есть лишь коллективная.

И странный, а может, и страшный вывод напрашивается из этой логической цепочки: когда все люди породнятся, останется одна душа на всех, вернее, дух. Надо определяться с терминами, а то путаница с пути логического сбивает. Душа – это информация о конкретном смертном человеке, которая после смерти подключается к общему родовому духу и осознает себя им.

Может, хоть тогда наступит единодушие? Утопия!.. Однако куда деваться от объективной реальности?

Хорошо это или плохо – не знаю, такова логика развития Человека Вечного. Если я ничего не напутала.

Еду мне доставляли. Попытки проникнуть за незримую преграду оставались безрезультатными, потому что «синдром Рудольфа Сикорски» («синдром Экселенца») – неизвестную угрозу надежней ликвидировать, чем ждать, когда она станет очевидной – вовсе бушевал за пределами защищающего нас пространства. Собственно, для этого не надо быть сверхдухом, а достаточно знать своих современников. Поэтому нам не оставалось ничего иного, кроме как неизвестное сделать общеизвестным, дабы не «экселенцы» принимали решение, а коллективный разум или, на худой конец, коллективные эмоции демоса. Если не задействовать демос, то демократии никогда не будет.

И я, не дожидаясь возвращения Ромки из мира иного, принялась перекачивать всю информацию по эксперименту, фильтруя из нее в отдельную папку доступную для демоса часть, на свой ноут. Он имел выход в Интернет в отличие от задействованных в эксперименте компов. Информационная безопасность в целях охраны приоритета на открытие. А мы застолбим приоритет путем открытой публикации... И, чтобы быть предельно понятной народу, комментировала публикуемые материалы перед видеокамерой, встроенной в ноут.

Я изредка поглядывала на своего Ромео. Он явно сколлапсировал время, потому что борода его нисколько не выросла, а жаль, потому что очень была ему к лицу. И взрослила, хотя бы внешне уравнивая наш возраст. Странные комплексы для дуры, только что бывшей Человеком Вечным и сейчас с ним связь не потерявшей. Видать, у нас все отдельно: дура – в своем кармашке, а Вечный – в другом. Мы с тобой два берега...

Ромео вернулся быстро, и я сразу поделилась с ним своим ощущением бушующего «синдрома Экселенца». Он сразу же подтвердил мои ощущения своими. Он даже незримо присутствовал на нескольких закрытых совещаниях, где нас объявили: кто – мутантами, кто – пришельцами то ли из других миров, то ли из другого времени. Все отлично подкованы в фантастических ужастиках благодаря Голливуду и его местным бастардам. Больше всего их пугала наша неуязвимость, в ранг коей они возвели нашу относительную защищенность. Неуязвимый страшен, потому что не такой, как все, даже если приветливо улыбается. А чего это он так подозрительно улыбается, уж не задумал ли чего опасного?

А поскольку неуязвимого не уничтожишь, хотя, возможно, попытаться стоит, то для начала нас решили изолировать, то есть не выпускать из помещения, куда мы их не пускаем. М-де – как аукнется, так и откликнется, получается. Мы их не пушаем, они – нас. Стоят два придурка и держатся друг за друга.

Мою инициативу по организации гласности нашего открытия Ромка тоже поддержал и тут же подключился к процессу – свою часть принял перекачивать. И в четыре руки да в два компа начали трансляцию в Интернет на несколько сайтов сразу с пометкой «Для срочного распространения! Научное открытие!».

У нас имелись железобетонные факты изменения реальности, против которых не попрешь и не станешь пытаться объяснить их сновидением или сдвигом психики под действием аппаратуры. В комнату нашу никто войти не может – факт, трансформатор отключить – тоже очевидность. То есть эксперимент защищает сам себя, сохраняя условия для существования. Стало быть, реально существует нечто, способное на такую самооборону. Это ясно не только нам, но и тем, кто нас испугался.

А может, они правы, что боятся? *Мир иной* обнаружил себя (или мы его обнаружили) и вошел в непосредственный контакт с нашим прежним миром, который больше таковым не останется, даже если *мир иной* опять спрячется.

Что же будет?..

Мы посмотрели друг на друга, пытаюсь обнаружить изменения прежнего облика, знакомого, кажется, до мельчайших деталей, потому что детали эти были любимыми. Вроде все на месте, на первый взгляд. А на второй, оказалось, что лицо Ромео начинает слегка светиться изнутри, будто *тамошний* его образ медленно проступает сквозь здешний. Это было красиво.

Да, это было прекрасно! Леноша стала божественно женственна! Гораздо прекрасней, чем на том свете.

И... мне показалось, что я чувствую еще чье-то присутствие. Кого-то очень родного, без кого дальнейшая жизнь невозможна. И в удивленном взгляде Леноши тоже проступало это ощущение.

Не произнеся ни слова, мы поднялись и, держась за руки, пошли в комнату отдыха. Там не было видеокамер точно.

В Леноше всегда присутствовало это ошеломительное свечение. Помню, когда я впервые пришел к ней в группу на работу, чуть не ослеп: открыл дверь и обалдел – она повернулась ко мне с вопросом в глазах, а от лица ее исходил свет. Не только от глаз или улыбки, а от всего лица, а может, даже и от всей фигуры. Тогда я сразу и бесповоротно влюбился. Позже я рассказал ей об этом, а она смеялась, явно мне не веря, и целовала, признаваясь, что тоже влюбилась с первого взгляда, но долго не позволяла себе это признать.

Теперь же Леноша светилась так, что в комнате, где мы не стали зажигать света, было светло. Особенно, когда сбросила с себя одежду.

Я вспомнил ее объятия в *мире ином*, когда она обняла меня здесь – это было столь же ошеломительно блаженно и пронизывало меня насквозь, как какое-то поле – магнитное, электрическое, гравитационное или все сразу, хотя это было порожденное нами поле любви. Мне так думалось, вернее, ощущалось, потому что мысли смешались и ушли на второй план, а потом и вовсе исчезли вслед за временем и пространством.

Вернулись мы в мир только к утру, а вернувшись, мы твердо знали, что мир изменился, потому что в нем зародился новый дух, который объединит наших Родовых Человеков. Не убьет, не зачеркнет, а сделает новой единой сущностью, как не исчезают компьютеры, включаясь в единую сеть, а обретают новые возможности.

Мы оба знали, что у нас родится сын. И уже любили его.

Правда, мир еще не знал, что настолько изменился. Он был занят совсем другим – перевариванием нашего открытия, информация о коем уже разнеслась по Сети и смутила умы. Кто-то верил, кто-то – нет, но обсуждали все. Естественный процесс. Главное, что отмахнуться от проблемы уже не было возможности, и нельзя уже молча придавить нас в приступе инстинкта самосохранения. Если все человечество не впадет в этот приступ.

Отслеживать все дискуссии в интернете у нас, естественно, не было времени. Заглянули на знакомые научные сайты. Выложенные там высказывания были очень осторожны, мол, информация требует проверки, возможна фальсификация. Нормальная научная реакция, основанная еще Фомой неверным. На это мы и рассчитывали – проверяйте, помогите нам разобраться. Правительственный сайт молчал, видимо, ожидая вразумительной реакции научных консультантов. А остальной интернет штормило – всем же интересно, есть ли *тот свет* и что там творится.

Что там творится, в полной мере и мы пока не знали – только заглянули туда краешком духа смятенного смертного. Там казалось, что все знаем, но большая часть информации, очевидной там, здесь не могла быть интерпретирована из-за отсутствия соответствующих понятий и слов. Осталось только ощущение присутствия, досада от собственного убожества и некоторая надежда на то, что со временем, когда наш эксперимент перестает

нет быть экспериментом, превратившись в часть жизни, в процесс истинно духовного познания, появятся и понятия, и слова, и мироощущение, сформированное новым знанием.

Ужасало лишь то, что пока эксперимент не может стать частью жизни не только по научно-техническим причинам, а, главное, из-за чрезвычайной дороговизны оборудования, которое в обозримый исторический промежуток времени не подешевеет. Если, конечно, человечество не пересмотрит экономические приоритеты. А чего ради ему их пересматривать? Скорее всего, элита оставит эту возможность для себя, став еще более элитарной и недостижимой для большинства. Хотя, возможно, и это – путь, ведущий к прогрессу – ведь тот, кто побывал там, прежним не останется, как не остались прежними мы с Леношей. Но в какую сторону пойдут изменения в каждом конкретном случае, предсказать невозможно. А вдруг и в духовном мире идет борьба за... За что они там могут бороться? За обладание вечностью? За более правильный путь развития и взаимоотношений между смертной и бессмертной сущностями?.. Приходится признать, что в порыве удивления и первого знакомства мы ничего не узнали о социальной сфере *мира иного*. Есть ли она, вообще? Каковы ее особенности? Если есть социум, то должна быть и социальность – законы существования и сосуществования... Ох, как много еще нам надо узнать! Позволят ли?..

– К нам Гость! – сообщила вдруг Леноша с торжественностью в голосе.

Послышался энергичный топот, мы повернулись в сторону входной двери. Она была открыта, и холл перед нашей комнатой просматривался хорошо. Тем более что мы уже стояли возле входа. Интересно же наблюдать такое. Раньше только в кино доводилось.

Громила в броне, распахнувший ударом ноги дверь, смотрелся одновременно грозно и карикатурно. Грозно, ибо был огромен и страшен, а укороченный автомат в его ручищах подрагивал в готовности изрыгнуть смерть. Нашу, кстати, если неправильно, на его взгляд, себя поведем. Карикатурно – потому что со стороны «балет» с автоматом в руке выглядит нелепо.

Телохранитель впился в нас орлиным взглядом, не сомневающимся в своем праве убивать. Мы спокойно наблюдали за ним, не пытаюсь скрыться. Он поводит дулом из стороны в сторону и, не спуская с нас настороженного взгляда, тигриным скоком прибил к нашей распахнутой двери.

– На пол! – рыкнул он так требовательно, что любой тигролев позавидовал бы.

Звук доносился чуть приглушенно – звуковые колебания приходили в наше будущее, слегка растеряв свою амплитуду.

Мы усмехнулись и не подумали подчиняться. Вот до какой наглости неуязвимость доводит. Громила оторопел и возмущенно слету ткнулся дулом автомата в дверной проход, явно не ожидая сопротивления. А должен был ожидать, не удосужился изучить опыт коллег. Видимо, срочно собирался.

Дуло скользнуло в сторону, как по обледеневшему камню, и боец, потеряв равновесие, ткнулся мордой в невидимое препятствие. Щека и губы – в смазанный блин, глаза – навывкат, палец произвольно дернулся, рявкнул сдвоенный выстрел, и пара пуль полетела вдогонку друг за другом, рикошета от бетонных стен. Как еще он умудрился весь рожок в полет не выпустить? Припал на одно колено, но мгновенно вскочил и уставился на нас. От выстрелов мы, конечно, вздрогнули, но позы не изменили. На лице Леноши я заметил ободряющую улыбку. Ей явно было жаль этого слона в посудной лавке.

В холл заглянул второй телохранитель, мгновенно оценив диспозицию.

– Первый! Что тут у тебя?

– Черовщина какая-то, – сверкая взглядом, ответил тот.

– Не чертовщина, а эффекты разбалансировки пространства и времени, – решительно вошел в холл Гарант и Верховный, коего мы привыкли лицезреть на портретах и экранах телевизоров. Явился и все объяснил в соответствии со своим статусом. И когда референты-консультанты успели снабдить его нужными формулировками? Не зря свой хлеб едят и маслом с икоркой намазывают. Впрочем, формулировка наша. Но ведь ее надо было выудить из потока информации!

Гарант наших гражданских прав на телохранителей даже не покосился, а сразу же воззрился на нас с приятной во взоре и добросердечностью в улыбке.

– Я прав? – обратился он непосредственно к нам, имея в виду свою интерпретацию «чертовщины».

– Ближе к истине, – кивнул я. – Всей ее глубины никто не знает.

– Уйдите за ту дверь! – приказал он телохранителям и уточнил направление большим пальцем, направленным за спину. Он удалял их даже из холла. – И никого ни при каких обстоятельствах не пускать, сколько бы я здесь не пробыл! Ясно?

– Так точно! – дуэтом доложили оба и быстро покинули помещение, закрыв за собой дверь.

– Здравствуйте, Елена Владимировна и Роман Викторович, – с легким поклоном поздоровался Президент. – Примете меня в свою компанию?

– Добро пожаловать, – мило пригласила Леноша. Ох, уж эти дамские угодники! – Если с добром пришли, – добавила моя гостеприимная.

– Уж не знаю, добро ли желание разобраться в феномене не из третьих трансляций, а лично? Но я к вам с этим.

Леноша все же вопросительно глянула на меня, и мы, почувствовав единодушие, с помощью духовных наших субстанций, уже породнившихся, на несколько секунд восстановили баланс времени и пространства, как выразился наш многоуважаемый гость.

Он подчинился моему приглашающему жесту и беспрепятственно вошел в нашу комнату. Во избежание неожиданностей мы вернули дисбаланс.

– И каким образом вы предполагаете разбираться? – спросил я. – В диалоге, то есть триалоге?

– В вашем материале прозвучала ключевая фраза: «Это невозможно объяснить, это надо пережить». Я пришел именно для этого.

Он испытующе посмотрел на нас – не станем ли возражать?

– Вы – первый, кроме нас, – заметила Лена, – но уверены, что не последний. Однако у других нет ваших возможностей. Вы должны знать, что запрещаете людям или что позволяете.

– И мы не устанавливали монополии на познание, – добавил я. – Если вы приняли решение, то мы готовы помочь вам его воплотить.

– Тогда начнем, если не возражаете, – решительно двинулся он к лежанке в зоне эксперимента. Из нашей информации было ясно, как это происходит. По крайней мере, внешне.

– Начнем, – кивнула Елена Владимировна. Она была строга, как врач с пациентом. Гарант сразу присмирел и даже взгляд изменился – из лидерского стал типично пациентско-кроличьим. Со мной она была ласковой.

После стандартного медицинского контроля приступили к процессу эксперимента. Ввели нанодатчики, пока они распространялись по организму, обвешали Гаранта макродатчиками. Все должно быть под контролем, особенно, в случае столь ВИПового пациента. Не дай бог что – потом десять шкур сдерут. Да и сами власы рвать на себе будем.

– Ни пуха! – напутствовала Лена и включила аппаратуру.

Гарант шепнул:

– К черту! Нет, лучше к ангелу... – и погрузился.

Мы уже приготовились наблюдать очередное чудо, как он открыл глаза и отчетливо произнес:

– И как с этим жить?

– Вы о чем? – в первый момент не понял я. По хитрой чуть заметной улыбке Леноши я заподозревал, что она догадывается – о чем.

– Как жить человеку смертному мы худо-бедно поняли, – ответил он, встретившись с моим взглядом. – Жить, как живется или как может, а вот как жить Человеку Вечному, который ни вечность организовать не может, ни жизни своих смертных воплощений? Ну, до сих пор не мог. Да и теперь возможности минимальны. Все ж такие суверенные и неприкосновенные! Фу ты, ну ты!..

– Вы не поняли, что невозможность им напрямую вмешаться в нашу жизнь и нам – в их – это «защита от дурака»? – удивилась Леноша.

– Защита от дурака?

– Ага, – кивнул я, – двусторонняя. От дурака духовного и бездуховного. С инициативой. Оба должны естественно созреть друг для друга.

– Естественно, это как? – спросил носитель мудрости.

– А так, как получилось, – ответила за меня Леноша. – Смертный осознал идею, возможно, подсказанную ему вечным, нашел ее технологическое и техническое решение и встретился с собой вечным. Произошло слияние двух частей единой сущности.

– Надолго ли? – поставил очень правильный вопрос Гарант.

– Кто ж знает? – пожал плечами Елена Владимировна. – Поживем, если позволят, увидим, если заметим.

– Не успели всю ситуацию осознать, слишком быстро вернулись, – прокомментировал я.

– Да нет, я все успел, что смог и хотел. Я же вернулся к исходному моменту, разве вы не поняли? Если нам подвластны время и пространство, то такие эффекты легко достигаются. Мог бы и в прошлое вернуться, но, мне кажется, это было бы неправильно. От проблемы не убежишь, ее надо решать.

Я посмотрел на размер файла записи эксперимента – его объем был вполне сопоставим с нашими файлами.

Он, освобожденный Еленой от датчиков, уже сидел и заметил, куда я смотрю.

– Позвольте, я сотру эту информацию, – решительно сунулся он к компу и действительно удалил свои файлы.

– А как же?!.. – вскрикнула Леноша, для которой каждая крупинка информации по эксперименту стоила несоизмеримо дороже любых драгоценностей.

– У вас будут другие испытуемые, – пообещал Гарант, – я позабочусь, а информация обо мне совершенно секретна в целях государственной безопасности. Не обижайтесь, пожалуйста, – обаятельно улыбнулся он ей.

Лена вздохнула и развела руками, мол, ох уж мне эти ваши секреты.

Он был государственно мудр, но недостаточно информирован – все данные по эксперименту сразу дублировались по нескольким адресам во избежание случайной потери и преднамеренной порчи. Что мы и поимели. Разочаровывать высшее должностное лицо не стали, ему необходимо быть уверенным в собственной мудрости, дабы без комплексов управлять другими.

– Так-так-так, – задумчиво протакал он. – Я назначаю вас обоим моими научными консультантами – в этой сфере, разумеется.

– И чем это нам грозит? – поинтересовался я.

– Вы получите все условия для продолжения работы и... вас будут охранять.

– Нас охранять?! – удивилась Лена.

– Для статуса. Чтоб всем ясно было... Я же понимаю, что вы легко уйдете из-под лобой охраны, если возникнет необходимость. Но поиграйте какое-то время в солдатики. И надеюсь, что не откажете мне во встрече, когда я попрошу. Впрочем, взаимно – я тоже всегда в вашем распоряжении. Нам теперь трудно будет друг без друга... И ваш пресловутый «естественный путь» не продолжится без нашей с вами совместной деятельности, ежели мы решим, что он должен быть продолжен. Пока для меня это не очевидно. Возможно, это только вы созрели, восприняли и воплотили идею, а остальным еще зреть и зреть. А что будет, если незрелых пустить в этот огород?

– Почему-то мне кажется, что для незрелых этот путь закрыт, – признался я в невесть откуда взявшемся ошущении.

– Что значит, закрыт? – резко повернулся ко мне Гарант. – Может быть, тот, кто не готов, не вернется в мир сей? Или не попадет в тот? Что ожидает незрелого – смерть или разочарование?

Ответов у нас не было. Их можно было получить только в эксперименте. Но если есть риск, имеем ли мы право его продолжать?

Политик умел загнать оппонента в угол.

– Ладно, – заключил он, – дорогу осилит идущий. Топтаться на месте мы уже не можем. Тем более зная, что человек вечен... Я пошел, труба зовет, а вы снимите зашиту со всего, кроме непосредственно себя и аппаратуры, дабы луддиты не разбушевались. Сильно подозреваю, что таковые уже нашлись, и строгоют дубинки. Институт должен продолжить нормальную работу. Он ведь не только на вас двоих держится?

– Разумеется, – ответила Елена Владимировна, – у нас много интересных ученых.

– А вы, – усмехнулся наш мудрец, – как говорится, будьте проще, и народ к вам пойдет. Ну все, уехал. Будем на связи. Вот вам мой телефон, протянул он мне навороченный аппарат. – Канал защищен. Потом будет и второй. Работаем, коллеги!

И быстро покинул помещение, по пути отключив зашиту на входе. Пожалуй, он прав: чем дольше мы шарахаемся от мира, тем активней он будет шароухаться от нас.

В коридоре послышался удаляющийся радостный топот, за окном замурлыкал мотор. И правительственный лимузин покинул институтский двор. Мы знали, что Верховный уже сделал категорические распоряжения относительно нашей безопасности. Незвестно – дошли ли они до всех исполнителей и всеми ли были приняты как руководство к действию? Посему мы не торопились покинуть сию юдоль науки. Нам было еще чем заняться, например, скинуть информацию по путешествию в мир иной нашего высокого гостя и закрыть доступ к ней. И, естественно, превыше человеческих а тем более, исследовательских сил – не поинтересоваться духовным путешествием Верховного. Вдруг что-нибудь новенькое обнаружится?

Мы, как чуяли! Даже не «как», а просто чуяли, ибо обнаружилось!

Дух завис над толпой рычащих одетых в звериные шкуры людей. А может, еще полулюдей? Они увлеченно топтали ногами и тыкали заостренными палками и дубинками в кого-то, лежашего на земле. Видно было, как он сучит ногами. И вдруг эта толпа зверолюдей оказалась сверху.

Дух в первый момент недоумевал – никак не ожидал ощутить себя в роли жертвы, но быстро сообразил, что, увлекшись охотой, его носитель случайно оказался на чужой охотничьей территории. Он бы и сам не простил такого чужаку... Наклонившись над поверженным, охотник на несколько секунд оказался беззащитным, за что и поплатился. Теперь жертва валялась в стороне, никого не интересую. Ее очередь наступит позже. Все правильно, все справедливо – таков закон жизни... Но вдруг умирающий охотник ощутил в себе кого-то другого. Или это кто-то другой удивленно обнаруживал в себе охотника? И у каждого из них была своя правда и своя справедливость, стремящиеся к гармонии, без коей единства не достичь. А как без единства существовать единому, хоть и многодушевному духу?

Выходили мы из института с некоторым внутренним напряжением, хотя точно знали, что ничего с нами не случится. Не предполагали, а именно знали. Интереснейшее мировосприятие, словно два видеоряда сразу видишь: то, что происходит в общечеловеческом «сейчас» и то, что происходит в будущем. На самом деле, для нас все было наоборот: «будущее» – это сейчас, а «сейчас» – это прошлое. Очень удобно для исключения нежелательных контактов любого рода.

Сопровождающие лица обнаружили сразу. Они и не скрывались, но и не навязывали своего общения. А нам до фонаря.

Гарант в долгу перед нами не остался – институт забурлил от научной жизни: к нашим исследованиям приобшились самые разные специалисты. По нашим субъективным оценкам больше всех ломали голову над феноменом физики, тшашиеся понять и объяснить механизм обмена информацией между мирами. Для нас двух миров вроде бы и не было, ибо оба мира находились в нас. Но физиков мы понимали – субъективные ощущения в формулах не изложишь, а нужны были именно формулы, потому что все субъективное имеет объективные корни. Зародилась в муках психофизика, но полноценные роды хоть какой-нибудь теориейки катастрофически задерживались, и никакие «сечения» – ни «кесарево», ни «золотое» помочь не могли.

Ну, на самом деле, как можно объяснить, что одна и та же сущность способна одинаково воспринимать и «пульс вселенной» в $2 \cdot 10^{-18}$ Гц, и «бешеные террагерцы» полевых колебаний, убийственные не только для биологических, но и для многих физических систем макро– и даже микромира. Как можно было, вообще, их обнаружить? И не только обнаружить, а практически одновременно ошущать. «Одновременно», правда, при отсутствии времени. Точнее при его локализации. Этого же не объяснишь. А физики и психофизики пытались. Честь им и хвала.

А мы делали свое дело – воссоединяли Человека Смертного с Человеком Вечным. А дальше они уж пусть сами между собой разбираются. Дважды путешественники в мир иной «не вернулись». Это их личный выбор. Перед экспериментом каждый давал подписку об отсутствии претензий, потому их и не возникало, хотя мы все равно ошущали свою вину.

С Гарантом мы встречались еженедельно. Было о чем посоветоваться. В политику мы не лезли, но философские и социальные аспекты нашего нового бытия и личный опыт жизни в двух мирах каждому из нас был крайне интересен. Им и делились.

А мы вдвоем ждали нашего сына. Как же мы любили друг друга и его!

Там, в духовном мире, это выражалось в том, что мы всё полнее сливались воедино, как две мелодии сливаются в одну фантазию на тему любви. Там мы моментально находили друг друга, если хотели, а хотели всегда, и испытывали при этом неизъяснимое блаженство. Духовный резонанс называется.

А на девятом месяце через все СМИ пролетела утка, которая накрывала, что у двух монстров родится Антихрист, о котором предупреждал Иоанн Богослов. А этого нельзя допустить. Президент усилил нашу охрану, но... Ясно, что мы были неуязвимы для простых смертных, можно было бы и не беспокоиться, но сможем ли мы защитить и младенца? Мы не знали. Девяносто девять процентов уверенности – это не сто.

Мы взяли отпуск и уехали на дачу. Сопровождающие нас всюду уже почти родные лица разбили палаточный лагерь неподалеку. Мы всегда были в поле их зрения. Учитывая ситуацию, ничего против не имели. С нами в доме жила врач-акушер. На всякий пожарный... А на непожарный дежурила машина скорой помощи. В ближайшем поселке во вполне приличной больнице была оборудована палата для рожениц, она ждала Леношу.

Лес, озеро, отличная рыбалка и купание после нашей рабочей гонки (и куда спешили?) были для нас земным воплощением рая, коего, нам теперь точно известно, нет на небесах, если не считать за него духовный мир. А рай обычно мыслится человеком как место вечного блаженства для человека. Мы и блаженствовали. Не снимая защиты.

Живот у Леноши был большой и почти идеально круглый, словно она земной шар проглотила. Ну, не планету, так глобус. Когда она плыла на спине, было умирительно и смешно. Я и хихикал, про себя. Беременные – такие обидчивые. Успел убедиться по неосторожности.

Однажды, когда она выходила из воды на берег, я с удивлением заметил, что вижу сквозь нее озеро и остров метрах в двухстах от берега.

– Эй! Ты где? – крикнул я. – Почему ты прозрачная?

– А ты, думаешь, не прозрачный? – хмыкнула она, из чего я понял, что она понимает происходящее.

Я посмотрел на свою ногу и увидел сквозь нее траву, на которой сидел. Здросте, приехали. На автомате вскочил и бросился к любимой жене, даже удочку, с которой сидел, из рук не выпустив. До меня уже почти дошло! Я обнял Леношу, и она прошептала:

– Сейчас нас будут убивать...

Да, я тоже их «увидел». Хорошо, что наши телохранители в стороне и не успели заметить киллеров. От приготовленного для нас оружия они бы не спаслись. А мы?... Нас здесь уже нет.

Но взрывную волну мы еще успели ошущать, чуть-чуть. Хотя, на самом деле, это была не взрывная волна, а наше представление о ней.

Леноша рожала долго, как мне показалось. За это время я не раз с благодарностью вспомнил наставления акушерки, учившей нас уму-разуму. Мы с Леношей дуэтом и дышали-пыхтели, и всякие упражнения делали, и тужились, и звали на помощь, зная, что никто не поможет... В этом первозданном мире помощников не было. Ни врачей, ни скорой помощи, ни повитух, ни ведьм. Здесь были только мы, пока вдвоем. Ему никто, кроме нас, нужен не был. Всю свою утробную жизнь он духом своим ошущал только настороженность, и агрессивность других людей. Он был несправедлив, потому что чувствовал пока лишь главные эмоции: любовь – от нас, и потенциальную опасность – от прочих. Вот в момент явной угрозы, когда ракета уже летела в нас, а у мамы от стресса начались схватки, он и укрылся вместе с мамулей своей. Спасибо, что меня не забыли. Впрочем, и не могли забыть, потому что Человек Вечный был у нас один на всех.

Мне даже горячей воды приготовить было не в чем, холодную – Леночке попить – в ладонях, черпачком сложенных, из озера носил. Хотя зажигалка в кармане оказалась. Я не курил, но на природе считал необходимым иметь источник огня.

С последними потугами наш долгожданный все же явил себя новому миру и объявил о себе громким ором.

После того, как я искупал сына вместе с собой в озере, он стал похож на человека. Посмотрел на меня внимательно и улыбнулся. Или мне показалось? Желаемое – за действительное?

Но я, отбросив сомнения, улыбнулся в ответ и сказал громко и торжественно, чтобы и Леноша слышала (она как раз внимательно поглядывала в нашу сторону):

– Ну, здравствуй, Владимир! Владей этим миром! – и поцеловал его в попку, а потом в животик.

И поспешил к Леноше.

– Я тоже хочу с ним... в озеро, – попросила она.

– Твоя воля – закон, – провозгласил я закон этого мира, положив ей на грудь сына. Он там сразу очень удобно устроился. Поднял их обоих на руки – это было тяжело, но носимо, и поспешил к воде. На глубине стало легче, совсем легко. И я понял, что в этом мире все новорожденные будут принимать водную купель вместе с матерью и отцом – в озере ли, в море ли, в реке ли – в природном водоеме. И это будет ритуал единения с планетой. И видел, что моя семья совершенно не возражает против такого ритуала.

А где же наш дом?

Попав сюда, мы сразу начали рожать, и озаботиться жилищем времени не было. Благо, что стояла летняя жара, ночью – теплынь. Теперь же я целенаправленно окинул окрестности изучающим хозяйским взглядом. Мы пребывали на том самом острове, что был виден с берега, только выглядел он диким и прекрасным, в отличие от своего изрядно облысевшего далекого потомка (или близнеца?) из другого пространства и времени. На том скал не было – так, отдельные каменюги, а на этом гордо высилась коренастая горушка.

Я вывел своих ближних на берег, Леноша уже вполне бодро шагала сама с ребенком на руках, я только страховал их. Усадил в тенечке на мягкой травке, а сам пошел к горе. Мои поиски быстро увенчались успехом – в нескольких метрах от подножья темнел вход в пещеру. Спасибо, Ветер, хорошо поработал. Впрочем, поднявшись туда, я понял, что и вода постаралась – в глубине бил небольшой родничок, образовавший ванночку примерно двух метров в диаметре. Как по заказу. А может, и, правда, по заказу?..

Ну, вот и дом наш...

А тот – прежний?.. Может же быть у Человека Вечного много домов. Возможно, он еще вернется в каждый из них?..

*Там, где нас с тобою нет,
Мы разумны и бессмертны.
Я – твой свет, и ты – мой свет
В каждом миге разноцветный...*

ПОЭЗИЯ

Лариса ЮСУПОВА

Лариса Юсупова в 1978 г. окончила режиссерское отделение Ташкентского института культуры. В 1989 г. вышел первый детский сборник поэтессы «Мамин праздник», в 1994 г. издана детская книга «Находка», а в последующие годы – сборник стихов «Непослушайка», книжки-раскраски: «Мамин выходной», «Про нельзя», «Синий карандашик», «Про Танюшку», детская сказка «Отпуск Бабы-Яги».

Лариса Юсупова переводила стихи Тураба Тулы, Айдын Ходжиевой, Кутби Носировой, Кавсар Турдиевой и других узбекских поэтов. В начале 90-х годов совместно с композитором Алиёй Тахтагановой Ларисой Юсуповой был создан цикл песен на языке фарси.

И только память выстоять сумела

Два романса

Все позади. Подведена черта,
И сердце то стучит, то замирает,
Как жизнь начать мне с чистого листа,
Оно еще не понимает.

Забуть. Умом холодным дан наказ,
Но в киноленте памяти неспешной
Любви былой и день, и миг, и час
Стоят перед судьбой нагой и грешной.

Какая тишь в природе и душе,
Исполнена торжественной печали.
Жизнь заготовила давно клише,
Чтоб по нему теряли и встречали.

Исчерпаны прощальные слова,
И немотой гортань оледенела.
Все замерло. Пока нема молва,
И только память выстоять сумела.

* * *

Падают навзничь в кошмарах столбы и дома,
Гонит нагою меня по дороге зима.
Чашу свою каждый сам осушает до дна,
В доме моем поселилась хозяйкой Вина.
Села за стол и, твердя за вопросом вопрос,
Ночи мои обратила хозяйка в допрос.
Утро разбила и день, как струну, напрягла,
В общем, она отравила мне жизнь, как могла.
Стала я тихой, сгорбила плечи свои,
Стала прошенья просить у забытой любви.
Стала молить за голодных и сирых я Бога,
Стала идущим хорошей желать я дороги.
Стала я кошку жалеть лишь за то, что та кошка,
Стала кормить я бездомных собак понемножку.
...Села за стол, на хозяйку свою покосилась,
Куда она делась, как вдруг испарилась?
В сумрачной кухне усталая спит тишина,
Стол опустел, за которым сидела Вина.

* * *

Как больно плакал дождь,
Как не шадил себя
И нарочито безобразил лужи
За их нарядность.
Лил печаль, скорбя,
Суля живому
Неуместность стужи,
Он истекал бедой.
Оплакивал как мог
Бесчисленность смертей
И безутешность,
Но лишь росткам,
Желтеющим помог,
Поторопив их
Тихую неспешность.
И приняли его печаль цветы,
И билась оземь
Их нагая нежность,
И ветер подстрекал
Дрожащие листы
К последнему полету
В неизбежность.

Комната смеха

И ступили мы в обитель
В ту, где домысел правитель,
Где во все колокола
Бьют немые зеркала.

Зеркала кривой стеною –
Ты смеешься надо мною,
Хохочу я над тобою,
Мы смеемся над собою.
А когда отхохотались,
В зеркалах еще смеялись
Полутени, полублики,
Полурожи, полулики.
Даже шли когда мы к двери,
Зеркала нам вслед смотрели...
И от их кривого взгляда
Смеху были мы не рады.

Все гротескно и смешно,
Нарочито и грешно
Плечи, головы, глаза –
Ничего узнать нельзя.
Дикий хохот, все трясется,
Только мне одной неймется.
В зеркалах все криво. Косы
И ответы и вопросы:
В этой линзе все толсты,
В этой – длинны и худы.
Там чудны и малорослы,
Тут – как будто две глисты.

Флюсом рот перекосило,
Не лицо, а просто рожа,
Нос на сторону прибило.
Боже! Милосердный, Боже!
Что мне в голову вступило...

Разве рожи – просто рожи?
Все они с душою схожи.
Все – последствия причины
И исчадьё чертовщины.

Носим злое мы с собою,
Словно бритву за спиною,
А потом сквозь нас, похожи
Выступают в линзах рожи.
Эта рожа бьет ребенка,
Та гребет одной гребенкой
Всех к ногтю, всё под стандарт,
Рожа-псих, палач, педант,
Рожа вора и стяжателя,
Лицемера и предателя,
Потешаются паяцы
В зеркалах косых, как зайцы,
Мысли в зеркале прокисли,

Вкось и вкривь зависли мысли.
Их потешная ничтожность
Есть кривая с нами схожесть.
В них отдельная как сущность,
Отражается бездушность.
Проступает вне сомненья
В смехе предостереженья.

Эй, очнись! Метаморфоза,
В линзах кроется немая,
Сквозь веселье проступая,
Смехом страхи все смывая.
Это наши все портреты,
Наши помыслы раздеты.
Это наша жизнь без маски
В злобе, в страсти и опаске.
Эти монстры в нас родились,
В зеркалах и отразились.

Никуда не исчезает
Хитро спрятанный оскал,
Волчьей злобой выступает
В вечной памяти зеркал.
И ничто не растворится,
И бесследно не пройдет...
Валит, валит, веселиться
К зеркалам кривым народ.

Я сама себя ругаю,
Я себя не понимаю.
Но немые зеркала
Мне сказали: «Ты права».
И позвали: «Подойди-ка».
Я смиренно подошла.
Было вроде далеко,
Но уперлась лбом в стекло.
– Это, – зеркало сказала, –
Лишь иллюзия дороги.
Я испуганно молчала.
Зеркала глядели строги.
И без слов они вкушали
Миражи моих видений.
Как колоду тасовали
Яви суть, судьбу сомнений.
И безмолвные внушали:
Это тайна не твоя.
Эта тайна зазеркалья –
Словно небо и земля,
Соль столетий и преданий
Обойдется без тебя.
Уходи! Живи, как знаешь.
Но, сдувая пыли шквал,
Берегись, коли заглянешь
По ту сторону зеркал.

проза

Галина ВОСТОКОВА

ПЕРЕСЕЧЕНИЕ

Повесть

3

Ираида Львовна только-только намазала лицо питательным кремом и, вклепывая его в распаренную кожу, удобно устроилась в кресле. А тут звонок. Она раздраженно глянула в сторону двери: «Ну что за день сегодня? Кого опять черти принесли? Ни раньше, ни позже! Может, не открывать? Жалко крем...» Но посетитель попался настырный – не успевала отзвенеть трель, звонок включался снова. Ираида Львовна посмотрела в дверной глазок – черты лица исказились, но милийская фуражка подсказывала, что ее обладатель – участковый инспектор, а раз так – никуда не деться. Ираида Львовна отерла лицо салфеткой и с лучезарной улыбкой распахнула дверь:

– Ах, простите, сразу не услышала звонок – стираю в ванной, вода льется...

– Ничего, ничего. Я ненадолго.

Хозяйка лишь сейчас заметила, что за широкой милийской спиной маячит мелкая фигура их нового почтальона.

– Гражданка Сурепкина?

– Нет, Сурепкин – мой муж. Я – Юсупова.

– Муж на работе сейчас?

– Да, собственно... Он в издательство пошел. Скоро будет.

– Кто еще с вами здесь проживает, и кто прописан?

– Никто.

– А вот этот товарищ утверждает, что здесь, кроме вас двоих, проживает еще Симон Лахвари, которому поступает основная масса корреспонденции. И он у вас не зарегистрирован! Что скажете?

Ираида Львовна облегченно вздохнула, улыбнулась еще раз и заговорила тоном учительницы начальных классов:

– О, наш милый почтальон бдит не там, где следует. Мой супруг – известный писатель. А знаете ли вы, что писателям свойственно работать под псевдонимами. Гайдар, Ахматова, Чуковский...

– Да? И «Чуковский» – псевдоним? Вот не знал! – с детской непосредственностью воскликнул участковый. – Ну, если писатель... А что он пишет?

– Фантастические романы! – гордо провозгласила хозяйка.

– О! Как интересно!

Оставшись одна, Ираида Львовна снова намазалась кремом, накрыла лицо горячим махровым полотенцем и погрузилась в полудрему. Сейчас Семочка уже привык к псевдониму, сросся с ним. А ведь это она придумала его, такой необычный и звучный, она собственными руками создала имидж Симона Лахвари. Нельзя ведь – обложка

космического романа и вдруг такая плебейская нашлапка: «Семен Сурепкин». Неэстетично. Снижается уровень восприятия, а значит, и ценность в глазах общественности.

Ее тетка жила в Тбилиси и упоминала как-то про древний грузинский род Амилахвари. Звучная фамилия пришлась Ираиде по душе. Но прямо так, «Амилахвари», подписываться было, наверное, рискованно. Горячим кавказцам могло не понравиться присвоение имени. А вот слегка изменить или, на худой конец, усечь – не возбранялось. И уж «Семена» переделать в «Симона» для завершенности образа было делом совсем пустяковым.

Она высмотрела себе Сурепкина на четвертом курсе, вдруг заметив новенького на узкоспециальных лекциях по филологии. «Кто такой?». «С физфака, кажется». «А у нас что делает?». «Ерундит. Интересуется просто, вроде бы!» И дальше шло пожимание плечами. Станный молодой человек. Но, с другой стороны, жалко, что ли? Ходит, и пусть ходит. Никому не мешает. Внешними данными Семочка не смог бы привлечь внимание Ираиды. А вот загадочностью поведения – пожалуй!.. Нормальные студенты только и думали, как бы слинять с лекций, этот же чудик сдает досрочно лабораторные по оптике, выкраивая часы, чтобы посидеть у них. Да еще затевает дискуссии с преподавателями. Впрочем, все к лучшему. Ирочкина группа с большим уважением стала относиться к своей специальности. А сама она, узнав, что Сурепкин уже публикует рассказы в местной прессе, решила заняться им всерьез. Сделала ставку, вообразив, что призвание ее жизни – быть женой известного писателя.

Увы, Сурепкин оказался женатым. Как быть? Ирочке было достаточно единожды представить себя хозяйкой «литературных четвергов» в доме маститого прозаика, каковым Семочка обещал стать, и отказаться от него стало немислимым. Подумаешь – жена! Поженись – разойдутся. С крошечной дочкой сложнее – алименты платить до восемнадцати. Но надо во всем видеть положительные факторы. Здесь положительным было то, что Ираиде можно было не рожать детей. Есть дочка – и хватит. То есть потребность Семена в воспроизведении потомства удовлетворена, отцовское чувство есть на кого расходовать. А свой ребенок? Столько хлопот, бессонных ночей, денег, наконец... Куда там алиментам! И потом: с дитем разве могут быть нормальными условия для творческой работы? Для воплощения гениальных Сенечкиных замыслов?

Ираида так и сказала, едва почувствовав его к ней симпатию:

– Милый Сема, до каких пор ты будешь мучиться вечерами в читалке или «красном уголке»? Женись на мне, и я обеспечу тебе все условия для творческого роста.

При этом она иронично улыбалась, чтобы можно было все перевести в шутку.

И хотя Сурепкин по молодости не замечал, где он пишет и кто вокруг – было бы что-то в голове, он, ничуть не сопротивляясь, позволил увести себя из семейного общежития в просторную квартиру Ирочкиных родителей, с девичьей, превратившейся в его личный – мечталось ли? – кабинет.

Лишь теперь – стареет, наверное! – Симон Лахвари стал привередлив к рабочей обстановке. Здесь чувство вины кольнуло Ираиду Львовну, поскольку минувшей весной, пока супруг отдыхал и работал в Доме творчества, она приготовила ему сюрприз – сделала ремонт кабинета. Знала бы, чем это окончится, ни за что не взвалила бы лишние хлопоты на свои хрупкие плечи. Мастера успели, завершили ремонт к возвращению Семочки. Чисто. Светло. Но он, сев к письменному столу, за две недели не смог выжать из себя ни страницы. Видите ли, на старых обоях были причудливые рисунки – то ли иероглифы, то ли иные финтифлюшки, которые стимулировали творческий процесс. А новые, с простым узором, притупляли воображение, раздражали. Через месяц обычно уравновешенный Сурепкин закатил жене форменную истерику на тему: «Как ты могла, не посоветовавшись со мной, покупать обои?!». Потом он извинялся, говорил, что, скорее всего, сам виноват, и не в обоях дело, а это он попросту исписался. И больше никогда ничего не создаст! Ираида Львовна не знала, что и делать.

Плановый сборник фантастики с заявленным и утвержденным объемом уже отнесен в издательство. Вовремя. И у редактора, Комаровой, нет к качеству будущей книги практически никаких претензий. Разве что один рассказ выбивается из ряда своей примитивностью. Так это случилось и у классиков. Но дело было несколько в

другом. Рассказ был «рыбой». Написанный еще в студенчестве и опубликованный давным-давно, единожды, в молодежном сборнике, он уже основательно пообтрепался от блуждания по разным папкам. Сурепкин-Лахвари добавлял его к своим новым произведениям, относимым в издательство, для увеличения объема. А пока суд да дело, Семен Львович писал свежий рассказ и заменял им «рыбу». Просто и удобно. Но тут отлаженная схема готова была дать сбой. Не творилось. Лахвари дергался. Ираида чуть не плакала, глядя на него.

– Семочка, да Бог с ним, с рассказом. Выкинь и все. Не обеднеем.

Семен Львович закипал раздражением:

– Тебе легко выкинуть!.. А был бы твоим!..

– Ну не выкидывай, оставь. Пусть будет, как есть.

– Чтобы сказали, что из-под пера Мастера уже всякая дрянь полезла?.. Что исписался?.. – И уже тише, почти обреченно, добавил: – И правда. Ни одной идеи...

– Нет! Неправда! – негодуяше закричала Ираида Львовна.

И вдруг у нее возникла интересная мысль.

– Милый, походи погуляй. Тебе надо развеяться. Если в кино ничего путного, сходи к кому-нибудь в гости. Или, на худой конец, просто дойди до парка и три раза прокатись на «чертовом колесе». Постарайся ни о чем плохом не думать. Глядишь – и образуется все.

А что? Идея не лишена смысла. Надо встряхнуться. Сурепкин привык доверять жене и в стратегии, и в тактике.

Ираида Львовна, выпроводив его, достала коробку с письмами читателей. В них она ориентировалась куда лучше супруга. Среди регулярно пишущих был такой – Александр Тилепин.

Сначала Ираида Львовна отвечала ему на каждое послание. Ее даже забавляли наивно-мудрствующие высказывания и вопросы. Она, изображая из себя известного прозаика, строчила на красивых листах из почтового набора о своем творческом становлении, о писательских привычках и режиме дня, придумала даже оригинальное кредо. Потом наскучило. Бегло просматривая очередное письмо, Ираида Львовна бросала его в быстро заполняющуюся коробку. И вот среди оставленных без ответа, она припоминает, мелькнул какой-то фантастический сюжет. Но в то время пренебрежительно подумалось: «И этот туда же... Без суфлеров обойдемся. Семочкина голова сотни таких стоит!». А теперь пришлось подтянуть поясок и поскрести по сусекам. И уж, конечно, супругу ни слова о письме. Не примет ни за что *такую* помощь. Скандала не избежать. Как все обставить? Ладно, придумается.

Она извлекла нужный конверт. Так-так... «Антибоин». Нормальный сюжет. Без гениальных прозрений. Но то, что надо.

Ираида Львовна, открыв дверь, пододвинула мужу домашние тапочки, из кухни уютно тянуло запахом кофейка.

– Ну как? Проветрился? Иди перекуси. А потом поговорим.

Семен Львович с надеждой посмотрел на нее:

– Что-то придумала?

– Потом-потом, – подтолкнула она его к дымящейся чашечке с пухлой коричневой пенкой.

Разговор был долгим. Симон Лахвари не сразу, но поддался убеждениям жены. А представила она ему все так, будто видела сон недавно. И во сне капитан космического корабля Бенни Хьюд избавил от войн целую планету с помощью антигравитационного аппарата. И про любовь там было. Командира – к красавице-туземке...

– Если б приснилось *мне*... – уже соглашаясь, проговорил Семен Львович.

– Какая разница? «Муж и жена одна сатана!».

– Да... Но... – он еще немного сопротивлялся: – Может, это уже было?

– Нет! Точно.

В прекрасной памяти жены Семен Львович не сомневался. Да и история с «Антибоином» занимала его все больше. Он повыспрашивал у жены подробности. Она терла лоб, напряженно их *вспоминая* – докрашивая присланное Тилепиным собственными измышлениями.

– Ладно, ладно, достаточно, а-то мне и делать-то нечего будет, – замахал рукой Симон Лахвари, шагая к кабинету. В его глазах уже вспыхивали огни вдохновения.

Неужели, все завершилось благополучно? Ираида Львовна мысленно послала Тилепину «спасибо» и решила в следующий раз, если придет письмо, обязательно на него ответить. «Антибоин» был написан быстро – Семен Львович три дня не отходил от письменного стола и с чувством удовлетворения отнес его в издательство. Как раз успел, чтобы заменить «рыбу». А теперь уже и корректура подоспела...

Шелкнул звонок входной двери. Ираида Львовна поднялась с кресла, но пошла не навстречу мужу, а в ванную – отереть крем, умыться, подкраситься. Она предпочитала, чтобы Семочка не видел ее косметических ухищрений.

– Ируня, ты кого-нибудь ждешь вечером?

– Да. Костя придет с гитарой – новые песни показать. Ну и еще человека три-четыре... А что?

– Рассчитывай тогда и на Комарову. Корректуру не успели с утра получить. Я не стал дожидаться. Она вечером захватит. И с нею еще одно юное дарование собирается зайти. Лариса Алаторцева. Мне попадались ее рассказы. Акварельно. Вполне сносно...

– Да. Девочка пробивается в писательский круг. Придет – так придет. Может, ожидает «четверги», скучновато у нас становится. Она поет? Интересно в общении?

– Представления не имею. Посмотрим.

Но Алаторцева оказалась стеснительной и молчаливой. Комарова познакомила ее с хозяевами. А она, вместо слов о счастье быть представленной столь знаменитому писателю, вдруг сказала:

– У вас одинаковые отчества... Легко запомнить.

Оживляжа не получалось. Едва ли два десятка слов выдавила из себя Алаторцева, да и те отражали причину ее появления на «четверге»...

Ларисе было скучно. Хозяину, кажется, тоже. Это их сближало. Ираида Львовна выглядела дамой манерной и типично-салонной. Она очень старалась поддержать то и дело прерывавшуюся беседу, подвела ее к теме параллелей между литературой и живописью: реализм – натура; эссе, поток сознания – импрессионизм... Стала настаивать, чтобы высказался каждый. Лариса внутренне сжалась. Со своим инженерным образованием она не сильна была в теории литературы, хотя тема и показалась ей заслуживающей рассмотрения. И когда очередь дошла до нее, предпочла, извинившись, сказать, что не готова сейчас к такому разговору. Зато Тома Комарова целый доклад прочитала. Но ей и карты в руки – с Литинститутом-то.

Потом некий Костя, пел песни на испанском. Музыка была вполне самостоятельной, голос слабеньким, что немного скрашивалось эмоциональностью исполнения. Костя перебивал аккорды ударами по корпусу гитары, затем затопал ногами, но эффекта не получилось, потому что пол был застелен пушистым ковром.

– Молодец! Люблю! – воскликнула Ираида Львовна.

Лариса вслед за всеми вежливо поаплодировала. Кажется, настал удобный момент. Костя выскочил покурить на веранду. За ним вышли обе его приятельницы. Поднялась и Ираида Львовна – заварить свежего чая. Лариса пересела ближе к Симону Лахвари, в кресло, согретое хозяйкой.

– Симон Львович, у меня к вам огромная просьба, – она потянулась за сумочкой, достала надписанную заранее книжку рассказов. – Вот, может, найдется время полистать?

– Прочитаю, – он положил сборник на журнальный столик рядом с телефоном.

– Но это не все. Еще... Если сочтете рассказы приемлемыми... Мне хотелось бы, чтобы именно вы дали мне рекомендацию в Союз писателей.

– А не рано ли?

У Ларисы кровь прилила к щекам.

– Не знаю... Сказали, что можно.

Хорошо – Комарова помогла:

– Семен Львович, у нее уйма публикаций в «толстых» журналах. А на днях получаем «сигнальный» второй, сдвоенной, книжки. Там половина сборника – ее.

– Ну, тогда, конечно. Вы не волнуйтесь, девочка, – он дружелюбно протянул руку, чтобы хлопнуть Ларису по коленке, но, глянув в сторону кухни, не завершил жеста. – Угошайтесь конфетами. Я встречал ваши рассказы. Мне нравятся. Рекомендацию, как подготовлю, передам Тамаре. А уж вы с ней держите связь. Думаю, все будет в порядке.

Остаток вечера был еще скучнее. Лариса выполнила свою задачу, внутреннее напряжение ее отпустило, и она могла позволить мыслям течь, как им заблагорассудится: завтра надо бы пройтись по магазинам и подобрать платье для беременных – пора!

4

И в обоих рядах писателей, и за столом президиума Лариса углядела лишь несколько знакомых лиц. Лахвари пришел, когда уже слушали отчетные доклады. Он сел через ряд от Ларисы. Она улучила момент, когда он повернулся в ее сторону, улыбнулась ему, кивнула, здороваясь.

Литераторы говорили о творческих командировках, встречах с читателями, путевках... Все это пока не ее. Лариса думала, придется ли ей что-то рассказывать о себе. Если да, то хорошо бы поменьше. Новое платье уже, кажется, помялось с боков. Подташнивало. Заметна или нет пока ее беременность? Дома она собиралась сказать об этом вечером. Как воспримется родителями будущий внук? Мама, конечно, сразу расплатится. А потом? Обрадуется? Сейчас уже, наверное, пироги в духовку посадила. Любимые дочкины, с курагой. Поздравлять с приемом в Союз...

Стало шумнее.

– Товарищи, – сказал секретарь Правления, усиливая голос, – у нас на повестке дня последний вопрос. Прием в члены СП Ларисы Георгиевны Алаторцевой. Поднимитесь, пожалуйста, Лариса Георгиевна, пусть люди с вами лично познакомятся.

Лариса встала, повернулась налево, направо, кивнула, переждала шумок, все еще не зная, что говорить. Но говорить ничего не пришлось, секретарь зачитал ее биографическую справку, перечислил публикации, фамилии рекомендующих. Спросил, кто и что хочет добавить к характеристике.

И тут началось нечто кошмарное.

– Так-так, товарищи, – донеслось с кресла возле окна, – принимаем, значит, в наш коллектив?! А знаете ли вы, кого принимаем?

Выкрикнувший это был Ларисе незнаком, бас его не вязался с поднявшейся сухой фигурой. Тон не обещал ничего хорошего.

– О! – услышала Лариса за спиной. – Игнатъев в своем репертуаре. Сейчас спектакль устроит. С фейерверком!

По залу прокатился смехок.

– Зря хихикаете. Думаете, раз – Игнатъев, так ничего путного не скажет?!

– Пожалуйста, Виктор Кузьмич! Только по делу, – сказал секретарь. – Что у вас там?

Тот торжествующе замахал над головой каким-то журналом и серыми листами корректуры с пометками на полях.

Лариса разглядела на обложке цифру «десять». Журнал с ее рассказом. Ну и что? Но сердце противно сжалось.

– Вот! – Игнатъев подошел к столу президиума. – Вот, обратите внимание. Здесь рассказ ее, – он ткнул пальцем в Ларисину сторону. – А здесь корректура всеми нами глубоко уважаемого Симона Лахвари. С тем же рассказом. «Антибоин». И название – то же!

– Ну-у, мало ли случается совпадений, – успокаивающе протянул секретарь.

– Совпадений?! – воскликнул-взвopil Игнатъев. – Не полнитесь сопоставить. Фабула – один к одному. Имена героев. У нее – Бенишев, у него – Бенни... Совпадение?

– Вот это да! – все поверили в плагиат оскорбительно быстро.

– Симон Львович, милый, вы не переживайте, мы защитим вас от этой дряни!

– А скромница на вид!..

– В тихом омуте...

– Верх наглости – у Симона же взять рекомендацию!..

Семен Львович сжал пальцами больно пульсирующие виски. Может, Лариса видела сон одновременно с Ируней? Но каким образом? Прodelки заезжего гипнотизера? Новоявленного «Снюся»? Бред. Жалко девчонку. Даже если и виновата. А почему, собственно, «если»? Виновата, конечно. Как к ней попал его рассказ? Он и не показывал его никому. Кроме Комаровой. Они, кажется, близко знакомы... Но даже если Тамара давала Алаторцевой посмотреть его рукопись – гнать в шею таких редакторов! – как у той хватило ума слямзить рассказ из плановой книги. Неужели бывают такие дуры? Вон, слезы в глазах... Сейчас будет истерика. Зачем ей это понадобилось?

- В суд надо дело передать, – кипели страсти.
- Какой суд? Погодите! Разобраться сначала надо!
- Это Юрий Ильич пытается заступиться.

Лариса сидела не шелохнувшись. Уговаривала себя: «Спокойно! Спокойно! Нервничать нельзя – вредно ребенку. Праздник на сегодня отменяется. Придется оправдываться, доказывать. Кому? Что? Как? Балда! Польстилась на готовенькое. Но откуда Тилепин знал о рассказе Лахвари? Был опубликован в каком-то периферийном издании? Пусть. Но зачем Тилепину было подкидывать ей чужой использованный сюжет? Такая пакость...».

Тошнота подкатывала все сильнее. Зажав губы ладонью, она быстро вышла из зала, слыша за собой:

- А чего разбираться? Факт налицо!
- Товарищеский суд...
- Комиссию создадим.
- Надо по срокам сдачи в производство проверить!
- Ну уж! Не Лахвари же у зеленой девчонки рассказ перекатал!..
- Вон как выскочила! Пулей! Хорошо – не успели в Союз принять!
- Такого у нас еще не было!

* * *

Шурик выключил свет, лег на свое спартанское ложе и стал разглядывать оконное стекло, затянутое морозным узором. В его углу по светлому дробящемуся пятну угадывалась луна. Игольчатые белые цветы могли бы украсить даже свадебный наряд Снежной королевы. Но что же получается: если б стояло это стекло само по себе на улице – оставалось бы пустым, никаким. Значит, Шурикино дыхание, существование здесь, его тепло создало чудесные узоры. А интересно, если бы здесь был другой человек, отличался бы рисунок на стекле? Был бы резче? Изящнее?

Захотелось горячего сладкого чаю. Но из-за нескольких глотков выходить во двор, отпирать кухню, ждать, пока закипит вода... Сахар! Шурик рассмеялся, вспомнив случайно подслушанный разговор двух нянечек. Повариха, экономя на детских компотах и киселях, насобираала сахар в полотняный мешочек. И – вот дурочка! – пристроила его пока в кладовку. А поварихин же собственный кот облюбовал это место для своей нужды. И когда заметила она что-то неладное с сахаром, тот уже безнадежно пропах кошачьей мочой. Представляете? Чуть не плача, она ссыпала сахар в унитаз. Бедные ребятишки! Но ей – так и надо!

Сон улетучился. А ведь эта забавная история вполне заслуживает обнародования. Чтобы неповадно было! Кому же из сатириков подсказать? В пальцах так и засвербило. Шурик включил свет, достал лист хорошей бумаги и начал писать: «Уважаемый... – имя писателя он добавит позже, – пишет Вам Александр Тилепин, экономист по образованию, но литературовед по призванию. Правда, сейчас, так уж получилось, я работаю дворником... Так вот, хочу я подсказать Вам тему для фельетона...»

(Конец)

ПОЭЗИЯ

Юрий РОМАНОВ

Юрий Степанович Романов родился в г. Мичуринске, детские и юношеские годы провел в Ташкенте. После окончания средней школы учился в Рижском высшем военно-морском училище, служил на Балтийском флоте. Окончил факультет журналистики ТашГУ (НУУз). Работал в газете «Ташкентская правда», журналах «Экономика и жизнь», «Сельское хозяйство Узбекистана». Профессиональный журналист.

Печатался в «Литературной газете», журналах «Смена», «Звезда Востока», сборниках издательства «Колос», «Узбекистан». Член Союза журналистов Узбекистана.

Здесь моя юность

Чайхана

Какое благо – плов с горохом!
 А после плова – зеленый чай.
 И чайхана, где не торопят.
 Сиди хоть полчаса, хоть час.
 И старики, как изваянья,
 Несуетливы и легки.
 И пиала как знак признанья,
 В ладони дружеской руки.
 Какое благо – плов с горохом!
 А после плова – зеленый чай.
 И слышу: «Пейте на здоровье.
 Кок-чай полезнее врача».
 – Рахмат, не так уж я недужен.
 Но чаю все-таки поплюю,
 Хоть врач куда мне не нужен.
 Я чаепитие люблю.
 И не спеша, не обжигаясь,
 Наполнив пиалу на треть,
 И ничему не удивляясь,
 Я буду слушать и смотреть.
 И постигать я буду снова
 Простую мудрость бытия
 Весь мир засох бы, право слово,
 Когда бы не было питья.

Вторая родина

В краю, где реки,
Горы, грифы,
Сады, арыки, тополя
Невольно обретают рифмы –
Вторая родина моя.
И тут не только память сердца,
Как нагруженная арба, –
Здесь моя юность,
Друзья работа и судьба.

В тени под старой урючиной

Когда урюковое зарево
Над старым городом встает,
Я начинаю как бы заново
Вести годам своим отсчет.
И все, что пройдено и прожито –
Биографический баланс –
Незабываемое прошлое,
Не уходящее в запас.
И то, что было или не было,
И незаметно, и на виду,
Я из формата черно-белого
В формат 3D переведу.
И взвешу самой точной мерою,
И оценю по существу,
И может, что-то еще сделаю,
Ради чего теперь живу.

Взгляд

Был этот взгляд, как озарение,
Как вспышка молнии в окне.
Как луч внезапного прозрения,
В тот миг, открывшегося мне.
И я, как будто зачарованный,
Еще совсем не зная вас,
Стоял, беспомощно прикованный
К шальным зарницам ваших глаз.
И было тихо и торжественно
В моей развершейся груди.
Туда, как в храм, входила женщина,
И я молил ее – входи.

Старик

В степи гроза.
А в кишлаке затишье.
Серпом свернувшись,
В небе месяц спит.
И описав дугу над самой крышей,
Фонтаном брызг рассыпался болид.
Деревья задыхаются от зноя,
К сухим арыкам ветви опустив,
И воздух пахнет жженою сосною,
Хоть соснам здесь не принято расти.
Старик, седой как лунь, белобородый,
Сорвал травинку, пальцами размял.
«Ай-ай-ай-яй, совсем яман* погода! –
Подумал беспокойный аксакал. –
Пускай бы ветер из своей отары
Хотя бы пару туч сюда пригнал».
Подняв глаза, с надеждой смотрит старый
На Млечный путь – небесный перевал.

* * *

Заткан золотом звезд
Небосвод голубой.
Сколько лет, сколько верст
Между мной и тобой.
Сколько белых снегов
И унылых дождей.
И неверных шагов
И ушедших друзей.
Сколько славных дорог
И невзятых вершин.
И досады, что мог,
Да не все совершил.

Сокровенное

Деревья сохраняют семена,
Потомству дарят свет земные существа.
И сокровенный звук хранит струна,
К которой прикасался Страдивари.

* Яман (ёмон) – в переводе с тюркского – плохой.

проза

Вика ЧЕМБАРЦЕВА

Вика Чембарцева – поэт, прозаик, переводчик. Родилась и живет в Кишиневе. Член Союза писателей Москвы. Член Ассоциации русских писателей Молдовы. Участница Форумов молодых писателей России (2009-2011), V Форума переводчиков стран СНГ и Балтии (Ереван 2011). Лауреат Международной литературной премии «Серебряный стрелец 2010» (Лос-Анджелес), 8-го Международного литературного Волошинского конкурса (короткая проза, 2010), V международного конкурса молодых российских поэтов зарубежья «Ветер странствий» (Рим, 2010), Казахстанской литературной премии «Алтын Калам-2011» в номинации «Иностранная литература», участница Супертурнира международного конкурса поэтов «Пушкин в Британии 2011» (Лондон). Автор поэтического сборника «Тебе...» (Кишинев, 2010). Публиковалась в коллективных сборниках, литературно-художественных журналах «Дружба Народов», «День и ночь», «Дети РА», «Октябрь», «Новая юность», «Звезда Востока», «Вайнах», «Русское поле», «Дарьял», «Театральный мир», «Нива» и других.

КАТИНКА

Рассказ

Люди, чьи судьбы, так или иначе, вошли в нашу жизнь, иногда совершенно необъяснимым образом на долгие-долгие годы выпадают из нашей памяти. И бывает вдруг брошенная кем-то случайная фраза или обрывок мелодии, начинают проявляться в цепляющихся друг за дружку мыслях именами, лицами, событиями. Сначала неуверенно и блекло, потом все четче и яснее обрастая тугим объемом. Так в раскрытой книге приподнимаются под неожиданным порывом ветра листы кальки, беззащитно обнажая страницы, испещренные твердыми знаками судьбы. И как все книги в жизни – по своей дурацкой неистребимой привычке – мне захочется прочесть ее с последней страницы...

* * *

Мы ехали уже примерно час, а пейзаж за окном все так же томил зрение неизбежной однообразностью. Темный пробор дороги делил русоволосую степь надвое. От горизонта и до горизонта – сухой шершавый пергамент азиатской равнины, глубокая опрокинутая пиала неба и струящиеся солнечные ветра. Мои весенние сны о казахских степях сбывались до мелочей, с той лишь разницей, что запах дикой полыни невозможно было сновидеть так явно.

– Понимаешь, я не считаю, что мне нужен посредник, когда я обращаюсь к Богу. Каким бы именем я его не называла, я знаю, что он бережет меня. Как бы я к нему не обращалась, я уверена, он меня услышит. Мне нет необходимости, следуя обрядам, ходить в церковь и исповедоваться в своих грехах. Если я искренна сама с собою, если я осознанна в каждом моменте своего существования, я уже говорю с Богом, и он уже слышит меня.

Женька, чуть опустив голову, посмотрел в зеркало заднего вида:

– Да нет же, Нинка! Это самообман, уловка. Ты просто пытаешься найти оправдание себе. И может, это просто твой стыд – ты не можешь озвучить перед чужим человеком то, в чем каешься сама перед собой.

Я протиснулась ближе к водительскому сидению. Дина повернула ко мне голову:

– Я говорю ему то же самое.

– Блин! Да вы никак не можете понять, что именно в приходе в Храм, в исповеди и есть победа над гордыней. Человек отдает себя на суд другому. Тому, кто, пожурив для приличия, – ну тут уж зависит от мудрости батюшки! – позаботится о твоей душе, обеспечив ей неподсудность на небесах.

– Да, да! Или наложит на тебя епитимью. И отлучит и от церкви, и – получается – от Бога? Зачем мне это нужно?! Зачем мне просить у Господа о здравии моих близких за деньги? Зачем мне просить приобщения к Богу крещением за определенную плату? Вымалывать его безусловную любовь. Ты думаешь, Бог лучше услышит меня, если я куплю себе посредника для общения с ним? Какой-то абсурдный алгоритм: бросил монетку – получи то, что заказывал, нет монетки – нет и прикупа. Атракцион божественных услуг. Нет, Евгес, не понимаю я этого.

– Елки! Да ты же говоришь совсем не о том! Не путай религию с церковью.

– А я и не путаю. Это ты, кажется, уже не о том... Кстати, если уж говорить о церкви: в Ташкенте, в буддистском храме, нас приняли очень тепло. И чаем напоили. С конфетами, – я улыбнулась повернувшейся ко мне Дине. Она улыбнулась в ответ.

– Настоятель отдыхал, но вышел к нам и побеседовал. Он расспрашивал меня, почему мне так важно было пройти этот путь и найти храм, который и храмом-то не назовешь, и о котором не знал никто из моих многочисленных знакомых ташкентцев. А я сказала, что, наверное, это было внутренней потребностью, которая вела меня, и которую я и сама себе объяснить не смогу.

– Ну, вот. Точно такая же внутренняя потребность может быть и у христианского прихожанина.

– Да, Женьк, я согласна. Но только разговор с Богом, – который един ведь, да? – у меня происходил все-таки один на один. А настоятель просто дал мне свое благословение на пути к самой себе и к богу, пребывающему во всех нас. И, кстати, ни за четки, ни за книги, ни за диски с духовной музыкой, ни за записки о здравии родных, с нас с Юлдузкой не взяли ни одного сума.

– Да что ж ты снова! Нин-на-а! Ты же все же с буддистским настоятелем говорила! Благословение от него получила?! А он же тоже по-сред-ник.

– Да, но он не просил меня поделиться с ним своими грехами, – съязвила я.

– Вот дурында ехидосная!

– Знаешь, я просто немного изнутри знаю жизнь христианского священнослужителя. И он совершенно обычный человек. Такой же грешный, как ты и я. А может даже больше. Для чего же мне нужны его услуги, раз мы с ним ничем не отличаемся? Зачем, если мои откровения нужны только мне и тому, кто над всеми нами?!

– Ну ты и зануда! Ну, вот представь себе: человек ломает руку, у него дикие боли, и кость торчит наружу – куда он пойдет? Будет терпеть и сам перелом вправлять? Будет сам себе руку шить? Зачем, если есть путь правильнее и короче, если есть специалист, который сможет это сделать профессионально? Вот священник и есть тот врач, вправляющий душу.

– Ага, как писал мой любимый поэт: «...пытаясь вправить застарелый вывих под несудьбой прогнувшейся души...» Только вот знаешь, Евгес, врач бывает хреновым. Порой, просто как специалист, а порой, и как человек. Правда, это уже его личные счеты с тем, кто присматривает за нами.

– Все, ты меня достала, Нинк.

– А ты меня.

– Значит, будем петь песни! Запевай! – он снова глянул в зеркало и, высунув язык, состроил мне коварную рожицу. Дина небожно шлепнула его по макушке.

– А-а-арле-е-екино, арлекино, нужно быть смешным для всех! А-а-арлекино, арлекино, есть одна награда – смех!

А степь все звенела своими сухими стеблями, все врывалась в раскрытое окно знойным полынным духом. И где-то у самой кромки горизонта одинокое дерево неожиданно нарушало эту монотонную плоскую геометрию пространства. И я вспомнила ее...

* * *

...И возвратится прах в землю, чем он и был; а дух возвратится к Богу, Который дал его¹...

Примерно в середине мая приходит череда дней, отмеченных какой-то особой значимостью. В них нет шумной суеты начала весны: разноголосицы снующих с ветки на ветку птиц, обустривающих свои гнезда; ежедневно обновляющейся палитры красок и запахов, торопящейся, набирающей силу жизни. К этому времени успевают распуститься и облететь последние лепестки с яблонь, и ржавеющая сирень, раскочиваемая сквозняком, уже не рвется настырно в ночное окно. Это время разливается ощущением какой-то вселенской трагической пустоты. Время, когда умирает весна. Противоречивая смертельная тяжесть внезапной свободы.

Печально ныл колокол. Нужно было собираться в церковь. Я ушла в сад. Там, упруго обхватив вспоротую темными бороздами жесткой коры ветку, болтались витые веревочные качели, с накрепко вросшим деревянным сиденьцем. Еще те, мои каникулярные летние качели. Сколько часов моего детского одиночества было посвящено им. И этим кружащим голову полетам до самой кромки неба. И этому саду, где запахи переспевшей тягуче сладкой шелковицы, затхлых кроличьих клетушек, продымленного чернослива и теплого куриного помета, смешиваются с солнечной пылью и холодным каменным духом беспросветной темноты подвала. Закрыв глаза, я вспомнила однажды сошедшее тут на меня откровение – осознание одновременной первозданности и неумолимой конечности бытия.

...Доамне милуеште, Доамне милуеште, Доамне милуе-милуе-э-э-ште²...

Пальцы, напоминающие виноградную лозу – такие же темные, узловатые и скрюченные – держали свечу. Вернее свеча была втиснута в эти натруженные, беспокойные когда-то руки, теперь покорно сложенные на груди. Она лежала, похожая на маленькую некрасивую птицу. Пергаментные острые скулы, резко выступающий клювом нос, и синеватые провалы глаз. Простой, по-крестьянски низко завязанный платок, прижимал ко лбу ее «проходную бумажку». Отец Василий, откашлявшись, начал службу. И слезы потекли сами. Словно вдруг отворилась моя душа.

* * *

Катинка, по давним рассказам бабушки, была какой-то дальней нашей родственницей. Когда-то в молодости она была хорошенькой. Тугие темные локоны, обрамляющие миленькое лицо, аккуратные завитки прикрывающие невысокий лоб; чуть косящие глаза, доведенные неумелой ретушью до формы лисьих; раскрашенные дико-кричащим малиновым фломастером пухлые губы – главенствующее цветное пятно на черно-белой фотокарточке. Подобная фотография хранилась в нашем альбоме. Ее копия украшала стену с многочисленными родственниками в бабушкиной спальне. И с такой же точно Катинка любовно вытирала пыль в своей маленькой комнатенке на окраине села. В детстве меня всегда мучил вопрос – сама ли она раскрашивала губы на всех своих фотографиях, или это была услуга фотоателье? Но спрашивать вслух об этом я стеснялась – боялась, не сумею скрыть свое снисходительное отношение к этим вульгарным сельским художествам.

Вообще вкус у Катинки был отменный! В ранней молодости, говорили, она работала в городе белошвейкой, а потом вернулась в село и в просветах между тяжкими крестьянскими буднями иногда шила что-то родственникам и соседям. Могла на скорую руку за несколько минут скроить прямо по фигуре шикарное платье, схватив всего несколькими стежками то тут, то там. Особенно много заказов бывало осенью, когда вино уже бродило игристым мустом, и урожай был собран – самое время для молдавских свадеб. Тогда в комнатке ее появлялись полуодетые женщины, обнажая контраст темных по локоть загорелых натруженных рук и нестерпимо-белых дебелих плеч. Кто-то приносил перешить-наладить старые платья – таких было больше. А кто-то, словно

¹ Екклесиаст (XII, 7)

² Господи помилуй (молд.)

священнодействуя, вносил на вытянутых руках отрез плотного репса, привезенного из Черновиш. Тетки, тетушки, кумэтры³ и финушы⁴ приходили и уходили, оставляя в благодарность: кто свежееиспеченный хлеб, кто бутылка меда, кто кроличью шкурку, а кто и «спасибо» на растянутых в улыбке губах. Денег Катинка не брала никогда, да их, в общем-то, и не предлагали. В такие дни шумная суета комнаты к вечеру пропитывалась деревенским духом теплое женского тела: кисловатым ароматом волос, промытых ээром⁵; потной горечью крестьянского труда; волглым соломенным настоем и особым, тошнотворно-сладким запахом гусениц шелкопряда. Если мнечастливилось задержаться у Катинки в это суетливое время, мне доставались – полная коробка чудесных цветных лоскутов и обещание Катинки сшить моим куклам великолепные платья. Поэтому, заслышав от взрослых о том, что у кого-то из соседей намечается свадьба, я торопилась к Катинке с каким-нибудь пустяшным делом, выпросив у мамы позволения остаться там переночевать. И меня отпускали. Весь следующий день я многозначительно кивала, одобряя фасоны, цокала по-взрослому языком или морщила нос в несогласии, подавала Катинке ножницы и держала булавошницу. А потом солнце соскальзывало за поросший виноградниками дальний холм, и усталая Катинка выходила во двор согнать в курятник птицу. И начиналась баня! На упирающейся в землю покатою крыше сарая с утра было приготовлено цинковое корыто, до краев наполненное водой. За день вода прогревалась, и вечером мне позволялось до опупения плескаться в теплой, обласканной солнцем обволакивающей влаге. А еще – безнаказанно вымыливать здоровенный пахучий кусок земляничного мыла, изводя его на огромные радужные шары, неуклюжие и совершенно неприспособленные к высокому долгому полету.

Наутро шились платья старым куклам, а из белых лоскутов вдруг волшебнo появлялась кукла новая – простенькая, набитая сухим кукурузным волосом, с глазами, прорисованными отслонявленным химическим карандашом, и из жалости за эту наивную простоту – любимая мною более других.

Не шила Катинка только самих подвенечных платьев. Никогда. Никому. Ни настоящим невестам, ни моим невамделишным кукольным.

* * *

– Доамне милуеште, Доамне милуеште, Доамне милуе-э-милуе-э-э-ште...

Пение хора и сухой шелестящий шепот скорбящих. Голова кружилась от душного майского воздуха, пересыщенного дымом церковного ладана, сиротским треском оплывающих свечей и неживой резкостью формалина. Комок в горле постепенно рассасывался, и пространство церкви, колеблемое световыми волнами, льющимися из сводчатых окон, начинало напоминать театральные подмостки с перемежающимися декорациями. Ощущение наигранности, оторванности от происходящего, словно взгляд из зрительного зала. Все это притупляло переживания и глушило скорбь. Хотелось выбраться из храма, смахнуть, стряхнуть с себя это нелепое представление. В голове вдруг начала вертеться совершенно не к месту возникшая мелодия: «А-а-арле-е-е-екино, арлекино, нужно быть смешным для всех ...». И стало стыдно и неловко за свое это мелкодушное предательство. А мелодия назойливо сверлила мозг, удовлетворенно насмехаясь и гордясь своим превосходством над сознанием. Противоречие внутреннего циничного состояния с внешним трагизмом ситуации нервировало и пугало. Церковный обряд тяготил. Но выйти до завершения службы не было никакой возможности. Перед глазами поплыли какие-то фрагменты из прошлого, связанные с приблудившейся мелодией. И я обессилено ухватилась за мелькнувшую мысль. Мысль о разговоре, который всего какой-то час назад, перевернув мою картинку мира, пошатнул уверенность в том, что все в жизни подчинено четким понятиям о хорошем и плохом, верном и не верном, белом и черном...

³ Кума (молд.)

⁴ Крестница (ласкательное молд.)

⁵ Кисло-молочная сыворотка (молд.)

– А ты не знала?! Вай де капул меу!⁶

– Нет. А кто мне мог рассказать, если все это тщательно скрывали?!

– Ну, пока вы детьми были, у ваших даже язык не поворачивался это сказать. А теперь я думала, что ты уже обо всем догадываешься... Знала бы, промолчала б. Вот же бес попутал. А чего же, ты думаешь, она столько лет у вашего двора топталась? Это все из чувства вины. Так грех свой замаливала. Перед матушкой Параскевой, перед сыновьями – дядьками твоими, – перед мамой твоей и теткой. Они когда из Дану⁷ переехали, матушка Параскева еще матушкой не была. И дед твой никаким священником не был, он только-только директором школы назначен был. В соседней Кажбе. Вот там-то они и спутались. Яртэ мэ, Доамне⁸! Она до того дошла, нерушината⁹, что встречала его утром на краю поля и там прямо и согрешали по несколько раз. Так люди говорят. А потом она его до ночи у себя держала. Одному Богу известно, что они там делали такого, да только дед твой возвращался домой дурной и злой. Выпивал он с Катинкой на пару – она тогда и сама попивала и его к этому приучила. Ну а потом домой он возвращался и скандалил – тарелки швырял, кричал, как малахольный, детей пугал. Из детей у них тогда только Ленуца – мать твоя – и маленький Раду были. Близнецов Марийку и Джикушора, она уже потом родила. Нет, руки на матушку он не поднимал, конечно. Ни боже упаси! Воспитанный все ж таки человек, городской, образованный. Но вот так вот нервы ей, бедной, трепал. Оф-оф-оф... Какое-то время матушка ничего не знала. Ну, так добрых людей всегда полон свет. Село... Пришла какая-то кумэтра, все доложила в подробностях. А матушка ее взяла и выгнала. Святая женщина! Думнезеу со ерте!¹⁰ «Слышать, говорит, ничего не хочу. И знать не знаю! Как глазам вашим не стыдно и губам не противно мерзости такие мне говорить?! Уходите вон со двора!» Да... вот так прямо и выгнала. Но на следующий день к обеду пошла в Кажбу, нашла дом Катинки, во двор зашла и, молча так, в глаза той посмотрела. Та засуетилась – боялась, что что-то натворит матушка перепугалась насмерть, споткнулась, растянулась на дорожке, выронила миску с кукурузным зерном. Миска, рассыпая зерно, по двору покатила прямо к ногам матушки. А матушка миску подняла, подошла к той Катинке, встать помогла и миску в руки всунула. Развернулась и ушла домой в свое село. И в тот же вечер за Нику пришли. Арестовали деда твоего. Кто-то донес на него, мол, рассказал он в пьяной компании анекдот про Сталина. В двадцать четыре часа арестовали и выслали в Сибирь лес валить. Оф, вяцай вяца!¹¹. В сорок восьмом это было...

Старуха замолчала. Уставилась в притолоку когда-то карими, а теперь выцветшими до бледной желтизны глазами. Мелко со всхлипом, словно ребенок, вздохнула, отерла лицо тыльной стороной ладони, потом сноровистым движением развязала, оправила и снова низко повязала платок.

– А дальше что, тетя Виорика? Что дальше было?

– А дальше... Они когда пришли его забирать, Параскева воду из колодца набирала. Так и застыла: рукоятка крутится, цепь вниз полетела с ведром, как бесы в него уселись. А она стоит и как окаменелая. Ни слез, ни звука, ни вдоха. Тут Катинка во двор ворвалась. Уж кто ей там, в Кажбе, обо всем сообщил – не знаю, да только слухи по селу от кумэтры к кумэтре разносятся, как колорадские жуки над картошкой. И вот: одна стоит у колодца ни жива, ни мертва, а другая по двору ползает, причитает и в ногах у душегубов этих валяется, умоляет ее забрать, а Нику жене и детям оставить. Один из этих в форме Катинку ногой пнул, чтобы отпустила, значит. Не помогло. Он пистолетом на нее замахнулся, покраснел, стал кричать, что расстреляет на месте за то, что врага народа покрывает. Его второй вытолкнул со двора, а то неизвестно, чем бы все закончилось. В общем, посадили Нику в автомобиль тот и увезли. И только машина за соседним домом в улочке скрылась, дети на крыльцо выбежали – Раду с Ленуцей. Они в Каса Маре¹² в сундуке прятались, пока

⁶ Горе на мою голову (молд.)

⁷ Село на севере Молдавии.

⁸ Прости меня Господи (молд.)

⁹ Бесстыжая (молд.)

¹⁰ Прости ее Господи! (молд.)

¹¹ Ох, жизнь есть жизнь (молд.)

¹² «Большой дом» (молд.) – Нежилая комната для гостей и проведения обрядов, в которой молдавчане держат все ценное, собирают приданное.

беззаконие это на дворе творилось. Бедные детки на крыльцо, а тут матушка Параскева из оцепенения вышла, да как заголосит! Волосы на себе рвать начала, заметалась, как безумная. Дети плачут, ничего не понимают, но неладное чувствуют. Катинка с карачек вставать начала, волосы растрепанные ладонью приглаживать – пора убираться, все не ко двору она тут. А матушка Параскева как кинется ведро колодезное руками быстро-быстро вытягивать, сорвала, отшвырнула его в сторону, цепью шею обвила и уже на край колодца взбралась, готовая кинуться вниз. Тут Катинка как закричит детям: «Репеде фужищ ын касэ¹³!» Да сама как бросится к матушке Параскеве. Слава Домнулуй¹⁴ успела-таки поймать ту. Не дала согнуться. И душу живую спасла, и детей круглыми сиротами не оставила. Господи помилуй! Кто бы подумать мог о таком! Вот ведь, нечестивица распутная тогда была, а сопернице своей греха совершить не дала. В общем, вынула она Параскеву из петли, в дом завела, уложила и еще три дня ухаживала за ней непрестанно. У Параскевы от нервов жар поднялся, помутнение головы произошло и ноги отнялись – никого она не узнавала и только стонала тихонько: «Нику, Нику, открой окна, детям нечем дышать в темном подвале». А позже оказалось, что она уже тяжелая близнецами была. Ничего, выходила ее Катинка. Как насадка над ней тряслась. И за детьми смотрела, и по двору, по дому всю работу делала справно. Через месяц Параскева уже ходила потихонечку. А еще через сколько-то недель Катинка с кровотечением в районную больницу попала. Она, значит, тоже понесла от Нику перед его арестом. Только оставлять плод не стала. От одного греха и другой грех на душу взяла. Пошла к бабе Онике, и та ее вычистила. Да видно, плохо вычистила. Нагноение началось, и кровотечение открылось сильное. Еле спасли. И теперь уже Параскева за той в больнице ухаживала. Потом Катинка из Кажбы к нам в село перебралась. Поначалу угол у Лучии-хромоножки снимала. Батрачила по дворам. Но обязательно к матушке Параскеве приходила и по хозяйству, и с детьми помочь. Параскева вроде, даже предлагала ей совсем к ним жить перейти. Но Катинка отказалась наотрез. Уж не знаю, как и о чем они там договорились, да только когда близнецы у матушки родились – Джукушор и Марийка, – дядька с теткой твои, Катинка с раннего утра и до поздней ночи у Параскевы оставалась. Потом, в пятьдесят третьем, Нику из лагеря освободился и сразу уехал в Одессу в семинарию. Окончил семинарию и вернулся в село уже батюшкой. Как раз старую церковь сельскую из зернохранилища снова храмом сделать позволили. Так и стал он – Пэринтеле¹⁵ Николае, а Параскева – Мэтуша¹⁶ Параскева. Катинка продолжала у них работать, да и не работать даже, – платы она не получала за это – просто помогала матушке по дому да с детьми, и на службах в церковном хоре пела. Голос у нее божественный был. Да ты же и сама помнишь. А к праздникам полсела она обшивала. Так, вот, и жили. И ни разу больше Катинка с батюшкой Николаем наедине не оставалась. Ни разу! Только он на двор – она с глаз долой, в сарай. Он в сарай – она голову опустит и мимо него в огород спешит. Он мимо огорода пойдет – она уже в подвале с чем-то возится. Не знаю, уж как они все это уладить смогли, но вот прожили всю жизнь так бок о бок. Потому она, Катинка, и стала вам своей. Член семьи прямо. Потому вы – внуки – ее бабкой своей и считали.

– Да, я думала, она нам троюродная по деду.

– Вот, вот. Все ваши так думали. И лукавый меня дернул же так-то проболтаться, а?! Ну, да теперь уже все равно. Все они покоятся у ангелов в обители. А Бог милосерден и простит меня за эту болтовню. Мне тоже уже...скоро. Я знаешь, одного не могла понять долгое время, как она могла простить ей – Параскева Катинке-то. По мне, такая жизнь хуже ада. Господи прости! И ведь обе его любили. Но одной пришлось смириться, а другой – уступить. Так уехала бы куда! Семейей бы обзавелась. Маре трябэ¹⁷! Все ж Катинка работающая баба была и сноровистая, и на лицо недурная. Там-то все равно семья и детей четверо ртов. Оно, конечно, Нику как батюшкой стал, достаток в доме появился большой. Да и годы тяжелые голодные прошли. И детей он поднял, и образование всем дал. Матушка от него уйти никуда бы не ушла – не положено попадье-то, да и кто ж

¹³ Быстро марш домой! (молд.)

¹⁴ Слава Богу! (молд.)

¹⁵ Отец, батюшка (церковное – молд.)

¹⁶ Матушка (церковное – молд.)

¹⁷ Большое дело (молд.)

четверых-то чужих растить будет. Ну, другое дело, что она и любила его, как безумная. Потому и простила, видать, и ему, и Катинке той. Да...любила. Вот и всю жизнь его не иначе, как Никушор кликала. Никушор то, да Никушор се. Только на людях – пэринтеле Николае. Оно, конечно, он священник. Но, господи прости, грешен всю жизнь был. Ни одной бабы просто так мимо не пропускал. Хоть за задницу ушипнет, хоть грудь потискает наскоро, хоть у забора так прижмет! И стыдно-то как, а?! Ведь никому и не пожалуешься – батюшка все ж. Потом придешь к нему на исповедь, а и сама не знаешь, как сказать – ведь он же в стыд этот и ввел-то! А ему, как ни в чем не бывало. С гуся вода. Словно и не он это вчера у ограды за юбку меня ухватил и прямо в губы, в рот – Господи прости – языком лез. Тьфу! Исповедует он меня, значит, послушает да грехи мои мне, значит, отпустит. Я с колен встану, руку ему поцелую, к кресту приложусь и бе-е-гом домой. Там на иконы покрещусь, покаюсь, и вроде как, легче станет... А что он грешен, так это его грехи, не мне им счет вести, там все ответим. Вот и он, сэрманул¹⁸, уже стоит перед Богом на коленях, исповедуется... И то подумать, и ему же как тяжело жить-то, поди, было. Это же он Катинку ту каждый божий день видел, мучился. Каждый день грех свой искупал вот этим, вот самым, как говорится – не возжелай ближней своей! И ее-то он любил же. Катинку-то. Любил, любил! Точно тебе говорю! Тц-тц-тц! Вот так вот рай земной и становится для человека адом уже при жизни... А матушка! Сердце рвалось ведь, небось, а виду не подавала. Сколько милосердия в ней было! Я так скажу – все они измучились в этой жизни. Нет, я бы так не смогла. Истинно, не смогла бы. Да... Так вот, а матушка когда помирала, за ней Катинка и ходила. И в страданиях и болях ее утешала, и кормила-поила ее, уколы какие, примочки делала. И все прошения просила за всю прежнюю жизнь. Параскева тяжело умирала. Долго. Мучилась, несчастная, словно держало ее что. Никак отойти душа ее не могла. Вот ведь говорят, что люди праведные умирают легко. А поди ж ты! Она-то, Параскева-то, душой светлая, почитай святая была – такое в жизни пережить. Ан тоже маялась. Главное дело, в полном сознании умирала. Когда я к ней заходила, она, помню, глаза приоткрывала и жалко так смотрела, болезная. Исхудавшая вся, почерневшая на лицо, недвижимая, и только глаза впалые живым блеском светятся, а там, в них боль и такое страдание ужасное, что у здорового, глядя на нее, сердце рвалось. Доамне-Думнезеуле¹⁹. Не дай Бог никому! Только совсем уже перед кончиной – утром, на рассвете – она, вдруг, на кровати приподнялась, позвала Катинку к себе и наказала той строго: «Се ай гриже де Нику! Аузь, Катинка, се ай гриже де ел!²⁰» Опустилась на подушки и померла. Так и закрыла ей глаза Катинка, молитву последнюю прочла, обмыла и свечу в руки вставила. Стало быть – ближе всего ей перед смертью сделалась. Вы-то уже потом приехали, к похоронам...

Тетка Виорика снова помолчала. Во дворе начала подниматься робкая суета. Вот-вот в церковь отправляться пора, скоро и заупокойная служба начнется.

– А ведь и сама Катинка его всю свою жизнь продолжала любить! Я ее как-то, уже на старости лет, спросила: «Неужто тебе вот так рядом с ними жить было просто?! Неужели никогда не хотелось отобрать его, врэжь²¹ им какую сделать за то, что жизнь твоя из-за него не сложилась?» Она, знаешь, что мне ответила? «Я, говорит, только один-единственный раз усомнилась, как поступить. Вот когда Параскева с цепью на горле в колодец готова была кинуться, я подумала – вот оно твое счастье, Катинка, не делай ничего, просто чуть повремени, стой столбом, и оно само собою все решится. Детей ее сама поднимешь, а вернется Нику из лагеря, будешь единственной, и свое дитя ему родишь, да еще и не одно, может. Промелькнуло это тогда в голове, словно молния меня надвое разделила. Спор внутри меня пошел: спасти или погубить. Это рассказывать долго, а тогда в считанные секунды все произошло и все решилось. Видать, Господь меня простил тогда, сберег, не дал сатане разум затуманить. Кинулась я ее спасать и слово себе дала, что всю жизнь служить этой женщине буду. За весь свой грех перед нею расплачусь сполна. А может, любовь за меня все решила. Может просто хотела я всю жизнь рядом с ним быть. Хоть и не мой он, а все каждый день его видеть могла и счастьем его радоваться. Такая уж судьба.

¹⁸ Бедный, несчастный (молд.)

¹⁹ Господи-Боже (молд.)

²⁰ Заботься о Нику! Слышишь, Катинка, заботься о нем! (молд.)

²¹ Колдовство (молд.)

Оно, знаешь, Виорика, не понять, в чем большее счастье – жить с ним под одной крышей и делить одно ложе, рожать ему детей, вместе стариться, но носить в себе камень греха, что детей сиротами оставить позволила, что не спасла ту, с которой он в церкви венчан. Или с открытой душой жить рядом, помогать, видеть, как рождаются и растут его дети, как счастливы он и та, которой я сама же жизнь для него сберегла, и радоваться их счастью. Что поделать. Душа под судьбой прогибается...и смиряется. А любить его мне никто уже запретить не может. Даже и сам Господь. Пусть и так – на расстоянии, не мой. А другой любви в жизни у меня и не было никогда».

Старуха смахнула мутноватую слезу.

– О-о-оф-оф! Вот так, Нинуца. Вот так, драга мя²²... И слово, данное матушке, она сдержала. Все то время после смерти Параскевы заботилась о батюшке Николае – и дом вела и двор, и его обстирывала, кормила, поила. Люди злые, саре н окъ²³, всякое говорили. Завидовали, наверное, что деньжиши поповские могут Катинке достаться, что обведет она детей и внуков его вокруг пальца, говорили, что спит она с ним. Но ни разу в доме она не оставалась, это уж точно, так что и слово, что себе дала, Катинка сдержала. Вам, детям и внукам, из города всего этого не видать было. Все казалось, наверное, что старик сам в силах. Но только мужчина, что всю жизнь привык в женской заботе быть, к самостоятельной жизни на старости лет совсем не приспособлен. Да и тосковал он очень по матушке. Быстро сдавать ваш дед стал, как Параскевы не стало. Да... И у Катинки, говорят, перед смертью своей он прощения попросил. А остальное уже Господь прочтет, когда с лица батюшки Николая покров снимут – все наши грехи с собой пэринтеле унес, за всех нас, представши, просить будет.

* * *

...И возвратится прах в землю, чем он и был; а дух возвратится к Богу, Который дал его...

...А-а-арле-е-екино, арлекино, нужно быть смешным для всех!..

... Доамне милуеште, Доамне милуеште, Доамне милуе-милуе-э-э-ште...

* * *

Монотонная тряска внезапно прервалась. Видимо, я задремала. Дина говорила по сотовому и расспрашивала у кого-то, на каком повороте мы свернули «не в ту степь». От буквальности фразы стало смешно. Я вышла из машины, решив не вмешиваться в начавшуюся колкую перепалку Женьки с Диной.

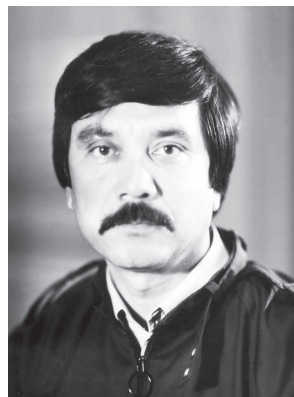
На линиях от солнца сучке черного саксаула сидела степная птица. Мое присутствие ее ничуть не смущало. Я, сама боясь спугнуть ее, отошла подальше. Земля под рослой травой, высушенной ветрами, слоисто шелушилась. Вдохнув тревожную горечь полыни, я пружинисто присела, а потом, запрокинув голову, растянулась навзничь. И тут же накренилось проколотое тонкими стеблями небо, покатила дугой подброшенная медяшка упругого азиатского солнца. И вдруг стало отчаянно жаль себя. И показалось, что я одновременно всеобъемлюща и пуста в этой чужой, бесконечной книге степей. И противоречивая первозданность и конечность мира снова, как в детстве, неумолимо обрушились на меня, придавив своей невыносимой легкостью. И хотелось плакать и радоваться, пребывать и длиться, и отчаянно благодарить Того недостижимо единого, Который всегда над нами и в нас.

²² Дорогая моя (молд.)

²³ Соль в глаза – народная присказка от завистников (молд.)

ПОЭЗИЯ

Хабибулло САИДГАНИЕВ

*...Я вас полюбил.
На ладони Вам сердце
принес*

* * *

Торжествуйте! Я вас полюбил,
Полюбил без надежды, до слез.
Торжествуйте! Я вас полюбил,
На ладони Вам сердце принес.
Оно долго дрожало звездой,
Удивляло и вас, и друзей.
Забавляло любовью иной.
Забавляло? Не трогай, не смей!
Полюбил я тебя, полюбил.
Тебе – радуги, сумерки мне.
Погубил я себя, погубил:
Не раскрыться тюльпанам к весне.
Крик любви до падения звезд,
Упадет в твою память дрожа.
Я отдам горизонт, небосвод,
Твои руки к губам бы прижать!
Торжествуйте, я вас полюбил,
Полюбил безнадежно, до слез.
Торжествуйте. Себя погубил:
На ладони вам пепел принес.

* * *

Разбился сон хрустальным утром,
 Смешались поле и зря.
 Не листья осени, а будто
 Года прошедшие горят...
 Наверно, я еще не старый,
 Коль утром на пороге дня
 Горят осенние пожары
 Вдали и около меня.
 Но шепчет музыка бессонно
 В тот миг, когда уходит мгла,
 Что радость песней обожженной
 В ночи меж пальцев утекла...

Пейзаж

Осенний дух таинственно витает
 Над погрузневшей Родиной моей.
 Холодный ветер вновь и вновь листва
 Зачитанные кроны тополей.
 Листва чинары желтой свечкой тает,
 Но, догорая, вспыхнула светлей.
 Сегодня осень с облаков слетает
 Усталой птицей на ладонь полей.

Родина

Мальчик на поле
 Под проливным дождем
 Свой рубаб оберегающий грудью –
 Моя родина...

* * *

Все.
 Я больше не могу.
 Я уста
 Твои тронул озябшей ладонью.
 Все.
 Я сдаюсь. Я устал
 Любить тебя
 Бесконечной любовью.
 Я пал,
 Как старая крепость,
 Рассеялся туман –
 Увидел враг.
 О, боже,
 Как это нелепо,
 Что ты – враг,
 А я – белый флаг.

Пантомима

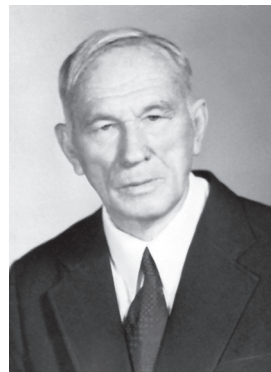
Если любить тебя перестать,
 Все встанет на свои места опять.
 Вот звезды. Луна – горбун-звонарь,
 А на столбе мерцает фонарь.
 На отшибе мой одинокий дом,
 Тишина тревожная за окном.
 Польша в темном окне заря,
 Зря просится в дом, да и светит зря.
 Сгорит на этом огне голос мой,
 Руками кричу, ведь я немой!
 Кто ж отзовется на этот зов?
 Только эхом ты откликнешься вновь.

караван истории

Николай ВАСИЛЬКОВСКИЙ

Николай Петрович Васильковский (1904-1992) – известный ученый, доктор геолого-минералогических наук, профессор, родился в городе Андижане. После окончания Среднеазиатского государственного университета в г. Ташкенте, более трех десятилетий посвятил изучению геологии Узбекистана. Последние тридцать лет Н.П. Васильковский жил во Владивостоке, работал в Дальневосточном геологическом институте АН, на протяжении почти двух десятков лет возглавлял Тихоокеанский океанологический институт.

«Воспоминания» Н.П. Васильковского посвящены его детству и юности проведенным в Фергане и представляют интерес для всех, кого интересует история родного края.

ВОСПОМИНАНИЯ О ФЕРГАНЕ

Последние годы, урывками от своей работы, я пишу свои воспоминания. И пишу не только для того, чтобы запечатлеть все самое примечательное, с чем пришлось столкнуться и пережить мне, исследователю-геологу за многие годы скитаний по горам, пустыням и морям. Чувствую необходимость поделиться ставшими навязчивыми мыслями и вопросами о судьбах народов, сложившихся не столь уж удачно, как это рисовалось в перспективе более полувека назад. Человечество – это часть природы, неотделимая от нее, а потому в ходе своего существования и развития оно подчиняется ее (Природы) законам, а не придуманным вождями или кабинетными мудрецами...

Я современник тех исключительных событий, которые в течение почти всего XX столетия все больше усложняли и уводили Советское государство от естественного хода социальных перемен. Это революция 1905 года, Мировая война 1914-1918 гг., Февральская революция 1917 г., затем Октябрьский переворот и последующее нарастание социально-политических противоречий, послереволюционные бури 1918-1921 годов. Далее НЭП, который сменила страшная эпоха самовластия Сталина, эпоха самовосхваления и самоистребления.

До 1918 года я был слишком мал. В 1918 – 1922 годах я служил в качестве полевого телеграфиста штаба 2-й туркестанской стрелковой дивизии Красной Армии, но был еще совершенно не созревшим для трезвой оценки всего происходившего вокруг. А позже учился в университете, до 1957 года работал в Ташкенте, а потом в Новосибирске и Владивостоке. В год начала Великой Отечественной войны я опасно заболел и перенес тяжелую хирургическую операцию, поэтому не был призван на фронт.

Не став непосредственным участником всех решающих событий, я был лишь их современником, оценивавшим их издали, наблюдавшим их следствия. Кровавые времена, отзвуки которых доносились до Узбекистана, оказывали побочное, хотя и страшное влияние на нашу жизнь – разруха, обнищание, голод.

Важно, что значительную часть этого времени я проводил в научных экспедициях на полевых работах в горах и пустынях. Но и там ошущались эти следствия, оценить и понять

которые мне помогала все же относительно спокойная обстановка, несмотря на природные стихии. Правда, были и тяжелые для меня потери. Достаточно сказать, что из нашей довольно многочисленной семьи выжил и дожил до преклонного возраста только я, тогда как в революцию, на войне или в порожденных революцией и войнами эпидемиях погибли: отец в 1910 году, мать, впоследствии отчим, три брата и сестра. Я пережил их всех.

Во время моих странствий, обычных и необычных для геолога, мне приходилось видеть замечательные горы, с их поднебесными вершинами и пропастями, степные и пустынные дали с равнинными и морскими просторами, наблюдать стихийные природные процессы, подчиняющиеся естественным законам. Приходилось встречать множество людей, русских и украинцев, узбеков и таджиков, киргизов, казахов и представителей множества других наций. С ними сводились знакомства, текли бесконечные беседы, мы делились радостями и горестями. И это помогло мне уловить какие-то невидимые нити, связывающие природу и столь различных людей между собой. Мне не раз пришлось быть свидетелем смены исторических эпох и необратимого процесса развития человечества.

1

Родился я в 1904 году в городе Андижане 12 декабря по старому стилю, или 25 декабря – по новому. Значит, мой день рождения совпал с датой восстания декабристов, и мне в юности нравилось, если меня называли декабристом.

Я был в семье вторым сыном. Кроме старшего брата Георгия была сестра Антонина, или как мы ее звали Ляля, моложе меня на два года. По словам матери, предшествующие моему рождению 3-4 года были лучшей порой ее жизни. Ее муж, мой отец, был чиновником, по-видимому, небольшого ранга. Но к тому времени он дослужился до чина титулярного советника и занимал должность секретаря начальника Андижанского уезда. В то время русская администрация в Туркестанском крае имела полувоенный характер, так как край был сравнительно недавно присоединен к Российской Империи и находился на положении русской колонии, причем Бухарский эмират и Хивинское ханство оставались в качестве вассальных государств по отношению к России. Мой отец принадлежал к военной касте. Носил он что-то вроде военной формы: в парадные дни даже шапка была на боку. Но, в отличие от армейских офицеров, у него были не золотые, а серебряные погоны, на которых был один просвет и три звездочки, что соответствовало чину штабс-капитана, или майора русской армии. Чин не так уж высокий, но, тем не менее, судя по рассказам моей матери, он получал хорошее жалованье. Была прекрасная квартира из шести комнат с блестящей мебелировкой, повар, горничная, она же няня, кучер, коляска и две лошади. Но всего этого вскоре не стало.

Мне четырехлетнему запомнились некоторые семейные сцены, которые я стал понимать значительно позже. Что-то происходило с отцом. Его запоздалые возвращения со службы сильно волновали мою мать, и она все чаще расстраивалась. Отец на нас почти не обращал внимания. Я помню его лишь по фотографиям, где он запечатлен в компании мужчин в мундирах, сидящих вокруг стола с бутылками и бокалами. Много лет спустя, мама рассказывала мне, что русская интеллигенция в Туркестанском крае чувствовала себя не так, как на родине, в России. Здесь была совершенно иная среда. Русские в Андижане, как и в других туркестанских городах, жили обособленно. У них была своя часть города, называемая «Новый Андижан». Железнодорожного сообщения с Россией не было до 1902 года. Главным занятием было общение на почве выпивки, иногда и разгула, как это описано в «Поединке» у А.И.Куприна. Только люди с сильным характером сохраняли полное благополучие и благородство. Слабые спивались и превращались в отбросы этой же самой интеллигенции.

Мама не все договаривала, но взрослея, я стал понимать, что на долю отца выпала худшая участь. Видимо, он обладал слабым характером, не имел достаточного опыта и знаний, чтобы найти для себя отдушину, например, в науке, к которой обращались многие интеллигенты Туркестанского края. По всей вероятности, у отца испортились отношения с начальством настолько, что ему с семьей пришлось покинуть Андижан. Мы побывали в Самарканде, в Ходженге, и, в конце концов, оказались в городе Скобелеве, ныне Фергане. Мне шел пятый год, и я хорошо помню, как мы ехали поездом в красном вагоне, точнее в теплушке,

на которой было написано «40 человек, 8 лошадей». Уже по этому можно было судить о той степени обнищания, которая постигла семью. Мать была не в состоянии купить себе и детям билеты даже в вагон третьего класса. Кончилось мое младенчество и наступило детство.

Так как я почти не знал отца, начну с матери. По приезде в Фергану мы стали жить у ее отца, моего деда Мельхинера. Фамилия нерусская, мой дед Степан Захарович был по рождению еврей. Он был из очень бедной еврейской семьи, жившей где-то в Поволжье в захолустном городишке. Еще в младенчестве он остался круглым сиротой. Его, совсем маленького, приютил у себя сельский православный священник, который, естественно, крестил его, назвав христианским именем Степан, но, зная имя отца младенца – Захарий, оставил за ним отчество Захарович. Воспитанный в семье православного священника, он был истово верующим. Я помню, как он часто стоял перед иконой на коленях и молился Николаю Чудотворцу, Деве Марии, как он, являясь главой большой семьи, благословлял нас предобеденной молитвой, без которой никто не принимался за еду.

В детстве его приемный отец дал ему лучшее воспитание, которое можно было получить в поволжском селе. Кончил он приходскую школу, а потом был устроен в фельдшерское училище. Окончание училища совпало с его совершеннолетием, его призвали в армию, где он стал ротным лекарем, и так до самой отставки он был в чине фельдфебеля-лекаря. Помню, как в праздничные дни он облачался в форму отставного ротного лекаря со шпагой на боку. Мы, дети, с уважением относились к этой шпаге даже убедившись, что она была бутафорской, совершенно тупой, и никого заколоть ею было невозможно. Я помню деда, невысокого роста, коренастого с окладистой седой бородой. Был он очень представителен в своей полувоенной форме. В обычной штатской одежде он выглядел как простой русский мужик.

Рота, где служил мой дед, в 60-е годы XIX века участвовала в Туркестанском походе, и ему пришлось вместе с солдатами пройти пешком до берегов Сырдарьи. Там, недалеко от древнего восточного городка Акмечеть, была построена крепость Перовск, и надолго обосновалась его военная часть. Из Перовска их перевели в Казалинск, тоже на берегу Сырдарьи. Там мой дед прожил много лет в военном гарнизоне. Так как он не был солдатом и вообще военным, он смог завести свое личное хозяйство, построить маленький домик и жениться. Женился он на уральской казачке Кате Мельниковой в том же Казалинском гарнизоне. В Казалинске появились дети – сыновья и старшая дочь. Из Казалинска семья Мельхинеров вместе с войском двинулась на восток. Дед вышел в отставку и временно обосновался в должности фельдшера в Ташкенте, где и родилась дочь Анна, моя будущая мать.

Вскоре семья деда оказалась в Ходженте. Там он на свои сбережения построил домик и устроился смотрителем моста через Сырдарью, сооруженного на месте брода. Ходжент в те времена был типичным восточным городом: базар, утопающие в зелени узкие улочки, окраина города вообще была сплошным абрикосовым садом. На противоположной стороне реки, у подножия хребта Могол-Тау, была галечно-шебнистая пустыня, куда невозможно было провести оросительный канал. Лишь в двух-трех узких ущельях, где пробивались небольшие родники, виднелись зеленые садики и пасушийся скот.

От Ходжента до Ташкента шел тракт, и на мосту, смотрителем которого был мой дед, было оживленное движение. Когда не было этого моста, через Сырдарью переправлялись паромом или вброд. Но паром не справлялся со все увеличивающимся движением, и было образовано акционерное общество для постройки моста. Как рассказывал дед, он внес пай (примерно 50 рублей) и стал акционером, а заодно ему поручили сбор податей в пользу этого акционерного общества. Подати должны были собирать до тех пор, пока не окупится стоимость моста. Для этого дед смастерил будку и, сидя там в тени, через окошко собирал деньги. Пешеходы ничего не платили, только конные, но главный доход был даже не от арб, за прогон которых взималось 10 копеек, а от переправы табунов лошадей и стад овец и коров, которых перегоняли в большом количестве, особенно в дни еженедельного базара в Ходженте. За сто голов овец брали 20 копеек, с крупного скота брали больше, и дед в такие дни собирал несколько десятков рублей.

Однажды, в 80-е годы девятнадцатого столетия, на Сырдарье прошел бурный паводок, снесший мост. Движение вновь осуществлялось с помощью паромов. Сумма сбора податей за переправу по мосту к тому времени покрыла затраты на его сооружение. А дед

тем временем подался в Ферганскую долину. Он узнал, что вблизи Маргилана построили Новый Маргилан, ставший центром Ферганской области. Дело в том, что русские не могли разместить Новый Маргилан около старого Маргилана, не хватало места и воды. Русская администрация решила построить новый город отдельно от старого на берегу горной речки Шахимардан-сай. Это была почти не заселенная местность на границе с полупустыней, так что никаких тяжб с местным населением не возникло. Позже город был переименован в Скобелев, в честь героя Балканской войны, а теперь это город Фергана.

В Фергане дед, на имевшийся у него капитал в несколько сот рублей, на краю города, в двух-трех километрах от центра, купил участок размером с полдесятины (больше полгектара) и построил маленький дом. В этот домик в 1909 году и перебралась вся семья Васильковских. Для меня, пятилетнего, это были необъятные владения, огороженные со всех сторон глинобитным дувалом. Дом под железной крышей состоял из четырех комнат, кухни и довольно просторной террасы, выходившей в сад. Двор был отделен от сада дворовыми службами: кухня, дровяной сарай, кладовка и прочее. Кроме сада был пустырь и огород. Сюда был проведен небольшой арык, поскольку здесь ничего не могло расти без полива. Недалеко от террасы во дворе был колодец, из глубины которого получали питьевую воду. Уровень грунтовых вод был настолько близок к поверхности, что за участком деда образовалось болотце. В саду не было настоящих садовых аллей, но в некотором порядке были посажены фруктовые деревья – абрикосы, вишни, черешни. Весь участок вдоль глиняного забора окружали пирамидальные тополя. Это был строевой лес. В огороде росли арбузы, дыни, огурцы, а по краям – подсолнухи.

2

Нужно сказать, что тогдашняя Фергана была населена главным образом чиновниками, военными, а также деловыми людьми. Кроме того в городе жили купцы, мастеровые, духовенство, учителя гимназий, городских и приходских школ. Кроме дренажной фабрики, на которой работала моя мать, было еще несколько промышленных предприятий: небольшой хлопкоочистительный завод, мельница, консервный и пивной заводы, ремесленные мастерские и железнодорожная станция. Всего в Скобелеве тогда было тысяч пятнадцать жителей. Так или иначе, большая часть населения была образованной.

Город, когда мы в нем поселились, существовал уже третье десятилетие. Распланирован он был по-европейски. Улицы были широкие, с тротуарами, обрамленными деревьями. Летом улицы были тенистыми, прохладными, особенно после полива. На окраине города стояла крепость с высокими из жженого кирпича зубчатыми стенами и прорезанными бойницами. По углам ее возвышались башни с парапетами, на которых находились пушки. Вероятно, крепость защищала город от внешних врагов, а не от внутренних, так как время восстаний прошло, а крепость была построена сравнительно недавно. Перед крепостью располагалось свободное поле – эспланада, ограниченная полукруглой улицей. От нее лучами расходились радиальные улицы. Главная из них упиралась в привокзальную площадь.

На улице вдоль речки Шахимардан-сай, была одноэтажная женская гимназия. На другом берегу реки была базарная площадь и целый ряд жилых кварталов. За ними депо узкоколейной дороги, хлопкоочистительный завод с пыхтевшей дизельной станцией, городская больница и военные казармы. Над ними возвышалась колокольня церкви, выстроенной для обслуживания размещенных в казармах трех пехотных полков, кавалерийской казачьей бригады и саперной роты.

Весь город был застроен одноэтажными особняками на одну семью. Лачуг и трущоб в Скобелеве не было. Но и двухэтажных зданий было всего пять-шесть. Население Ферганы было разношерстным: русские интеллигенты служили в губернаторской канцелярии, преподавали в мужской и женской гимназиях, греки содержали пекарни, огородниками были выходцы из Болгарии. Ремесленниками и торговцами были в основном узбеки и таджики. В базарных рядах были ряды мастерских, в которых шили ичиги, вышивали тибетейки, чеканили медную посуду, делали подковы и гвозди, подковывали лошадей и осликов. Тут же торговали детскими игрушками и восточными сладостями. В тандырах пекли лепешки со всякими приправами. На глазах публики тандыры растапливали хворостом и соломой, и пекарь на раскаленные стенки печи лепил лепешки-нон и пирожки, закрывал верхнее отверстие и через тридцать минут вынимал готовую к продаже продукцию. Мы, мальчишки,

лакомились лепешками, макая их в нишалду, которую здесь делали вспенивая сок солодки с сахаром. В особом углу базара продавали каймак-сливки, катык. Сейчас я бы сказал, что катык во много раз вкуснее, питательнее и полезнее, чем современный кефир. Довольно большая часть базара отводилась для торговли живым скотом.

В базарный день с разных сторон через весь город шли караваны верблюдов, осликов, лошадей, навьюченных разными товарами. Сотни, тысячи людей стекались на базар с продуктами из окрестных кишлаков. Какое скопление народа! Это был еженедельный праздник. На базарной площади над головами людей протягивали канат из конского волоса, по которому ходил мальчик-канатоходец. В руках он держал длинный шест (балансир), а внизу шел его отец, или дед и страховал его молитвой, вознесенной к Аллаху. Невдалеке от канатоходцев, окруженный густой толпой, сидел индийский факир с очковой змеей, плясавшей под его дудочку. Вереницей шли и пели молитвы дервиши. Кто-нибудь вслед за ними кадил пахучим дымом, исходящим от тлеющих трав. Расходились с базара поздним вечером, когда зажигали огни. Электричество появилось в 1913 году, и специальный слугитель зажигал фонари на высоких уличных столбах.

Русские и узбеки, как правило, жили дружно, что было обоюдно выгодно. Местные жители находили более широкий сбыт своей продукции и стали несколько зажиточнее. Русские же получали от них все, что требовалось в их обиходе, не только продукты питания, но и хлопок-сырец, шелк, домотканые хлопчатобумажные, шерстяные и шелковые ткани, ковры и кошмы, и многое другое. Русские учились говорить по-узбекски, а узбеки почти все овладели русским языком, причем в городах появились так называемые русско-узбекские школы, в которых узбекские юноши учились письменности, математике, счетоводству, т.е. получали среднее образование. Наиболее способные из них попали в число гимназистов и даже стали студентами.

В нашей семье принято было бывать у знакомых узбеков и принимать их у себя в гостях. Моя мама достигла почти совершенства в разговорной узбекской речи, знании узбекских обычаев, поэтому пользовалась особым уважением и даже почтением в ближайших кишлаках. Посещение гостей всегда знаменовалось угощением (дастарханом) и подарками для хозяев, конечно очень скромными. Тем не менее, делом нашей мальчишеской чести были частые набеги на бахчи, реже – на сады. Ягоды и фрукты, росшие вдоль арыков и канав, разделяющих поливные поля, считались ничейными, особенно вдали от города. Наша добыча казалась вкуснее и слаще, чем фрукты из собственного сада. Хозяева гонялись нас только в случае набегов на огороженные заборами сады, где выращивали лучшие сорта гранатов, инжира, винограда.

Сразу за железной дорогой начинались возделанные поля, и совсем недалеко от нашего квартала, у железнодорожной станции, находился кишлак Бешбола. В нем было не более тысячи человек, на три-четыре узкие улочки. Все кишлаки Ферганской долины были похожи – глинобитные заборы-дувалы чуть выше человеческого роста и дома, возвышающиеся на пол аршина над заборами. Их глухие стены выходили на улицу, окна были обращены только во двор, к дому примыкала терраса. Мебели в помещении почти не было. Главная комната называлась мехмонхона – гостиная, у бедняков она же была и спальней. Посредине комнаты был сандал – очаг для обогрева ног: в полу выкапывалось углубление, там раскладывался костер. Тлеющие угли накрывались каркасом на ножках, который покрывали ковром или ватным одеялом, чтобы сохранялось тепло. Вокруг сандала земляной пол был устлан кошмами, или коврами, в зависимости от достатка. Семья усаживалась вокруг сандала, и все вытягивали ноги поближе к углям. На каркас, покрывающий сандал, ставили чайник, посуду, ели и пили. Рядом, у ближней стены, располагался очаг, над которым висел чугунный котел. Тут же стоял кумган для кипячения воды. В богатых семьях был самовар. Дым из очага выходил через отверстие в потолке. В состоятельных семьях была специальная комната-ичкари для жены. В нее вел отдельный вход со двора, половина которого была занята виноградником. К каждому дому примыкал сад, обычно урюковый.

3

Дед потеснился и отвел нам две комнаты. Бабушка Екатерина Григорьевна после нашего переезда в Фергану прожила недолго. Отец умер в 1910 году. После смерти отца мама сохранила отношения с его родней. Я хорошо знал своих двоюродных дядьев. Один

из них – Васильковский Сергей Иванович, знаменитый украинский художник, автор пейзажей и жанровых картин из быта запорожских казаков «Поход казаков», «Казачья левада» и пр. Его картины есть в Третьяковской галерее, в Воронцовском дворце в Алушке, а в Харькове существует его картинная галерея, где хранится более 200 его картин. Я встретил его в Самарканде в 1912 году и видел, как он писал какую-то картину. В Большой Советской энциклопедии он характеризовался, как «певец Украины». Умер он в 1917 году.

Сестры отца жили в Средней Азии. Старшая жила в Ташкенте, две другие – в Самарканде. Мужем одной из моих теток по отцу был большой ученый, востоковед и археолог В.Л. Вяткин. Мы гостили у них в 1912 году, и с тех пор мне запомнился Самарканд с его древними мечетями и мавзолеями эпохи Темура и Улугбека.

Будучи штатским чиновником, Вяткин изучал язык и быт местного узбекского населения, в совершенстве владел не только узбекским, но и арабским языком, за что его высоко ценил академик Бартольд. Копаясь в старых вакуфных документах, он установил место, где находилась знаменитая обсерватория Улугбека. Там оказался пустырь, и он на свои средства стал производить раскопки и, в конце концов, раскопал остатки этой обсерватории. Помню, дом Вяткиных был настоящим музеем: все его карнизы, внешние подоконники, любые приступки и скамьи в саду были выстланы черепками битой керамической посуды, выкопанной в поселении различных веков. У него я научился различать черепки кувшинов доаравской культуры, без поливы, и с глазурью примерно VI-VIII вв. При династии Сасанидов в расцвет мусульманской культуры, посуда была уже с глазурью со вкусом расписанной изяшной росписью. Дальше – эпоха Темуридов и, наконец, близко к современной эпохе последних властителей Кокандского и Бухарского ханств – посуда с глазурью, но с очень безвкусной росписью.

Дядя Вяткин был широко известен как археолог. К нему приезжали столичные господа и приносили черепки, собранные в окрестностях Самарканда, чтобы определить возраст находки. Меня и моего брата он водил по старым постройкам, из которых хорошо запомнились медресе с минаретами на площади Регистан, ансамбль мавзолеев Шахи-Зинда и огромная мечеть с обваленным во время землетрясения куполом, построенная Темуром в честь своей любимой жены.

Хорошо помню несколько замечательных для меня самаркандских событий. Первое – посещение могилы Темура в мавзолее Гур-Эмир, его надгробный камень, установленный в центре мавзолея. Это огромный обломок полудрагоценного минерала зеленого цвета в виде параллелепипеда длиной около полутора метров. На его поверхности хорошо сохранилась надпись арабской вязью, которую, конечно, прочитал Вяткин. Второе – впервые в моей жизни я увидел автомобиль. Я глазел на него, а рядом, разинув рты, стояло еще не менее десяти мальчишек. Третье – вылазка за город на футбольный матч. Футбольная команда «Самаркандских приказчиков», как их называли, играла чуть ли не с каким-то шотландским клубом и проиграла. Футбол тогда только входил в моду. И четвертое событие – на площади Регистан мы посетили медресе Шер-Дор и взобрались на самый верх. Это была площадка диаметром около трех метров. Мы смело сели на край, свесив ноги, и обозревали кварталы старого Самарканда. Самое замечательное было то, что эта площадка, как и весь минарет, раскачивалась от слабого ветра с амплитудой, по меньшей мере, в полметра. Рядом находилось медресе Улугбека, минарет которого был наклонным, подобно Пизанской башне. Каркас его был закреплен тросами.

4

Время перед первой мировой войной было самым благодатным в Туркестанском крае. Все было дешево, фруктовые ряды на базарах ломались от изобилия. Над мануфактурными магазинами в те годы висели перекинутые через улицу полотнища с надписью «Дешевка». Таким образом, хозяева зазывали покупателей именно в свой магазин. Товары некуда было девать, шла борьба за рынки сбыта. Мы с матерью ходили по магазинам, когда она готовила нас к поступлению в гимназию. Приказчики изощрялись в вежливости и угождали покупателям. Мама торговалась, и без того дешевые товары она покупала еще дешевле. По улицам сновали шарманщики с попугаем (граммофоны тогда были редкостью) и коробейники с коробками и узлами товара за спиной. Чтобы купить хорошую мануфактуру, обывателю в те времена даже не обязательно было ходить по магазинам. Коробейники,

представлявшие ярославские, костромские, ивановские промышленные фирмы, раскладывали на террасе куски сукна, ситца, бархата.

В городе появилось электричество. Даже вдоль самых захолустных улиц были поставлены столбы, по которым тянулись провода, огромные газовые фонари сменились электрическими лампочками. В дедушкин дом электричество удалось провести только в 1913 году.

В тот же год в Фергане была организована выставка успехов культурно-хозяйственного развития Ферганской области. Она была устроена на протяжении версты вдоль парковых аллей на левом берегу Шахимардан-сая. Были здесь павильоны шелководства, хлопководства, животноводства, фабричной промышленности и, наконец, горных предприятий. Демонстрировались технологии обработки хлопка, начиная от очистки, выделки тканей и кончая, изготовленными вручную, зимними халатами. В другом павильоне демонстрировался весь цикл производства шелковых изделий от разведения шелкопряда и получения коконов до выделки самых разных тканей. Несколько павильонов было посвящено коневодству, на выставке была даже кузница, где подковывали лошадей. Особым успехом пользовались павильоны, посвященные садоводству, огородничеству и виноделию.

Специальный раздел выставки был отведен демонстрации горных богатств с замечательными коллекциями минералов и большими макетами Туямуюнского радиевого и Наукатского медного рудников, угледобывающих шахт и штолен Кызыл-Кии. Особый интерес представляла демонстрация древнейшего способа добычи золота. Все было как в древней Колхиде, где Язон искал золотое руно. В русло горного потока Шахимардан-сая, рядом с большой чайханой, опустили овечью шкуру, на которую из несущегося вместе с галькой золотоносного песка оседали золотишки. Наконец, на одном из видных участков была воздвигнута нефтяная вышка с буровым станком, перенесенная со старой скважины нефтепромысла Чимион, расположенного в 17 верстах от города.

Выставка имела огромный успех не только у горожан и жителей других районов и кишлаков Ферганской долины, но даже в таких городах, как Ташкент, Самарканд, Чимкент, Кострома, Иваново-Вознесенск и других. Деятельность выставки, против ожидания, пришлось продлить до середины ноября, то есть до наступления устойчивых осенних дождей. Долго еще темой бесед была Выставка, гости, прибывшие на нее, события и происшествия на ней. Одним словом, выставка затмила своими земными делами воспоминания о комете.

5

Осенью я держал экзамен и поступил в подготовительный класс мужской гимназии. Мы с братом нарочно уходили из дому чуть ли не на час раньше, чтобы побродить по базару и поглазеть. Там, в лавках, можно было купить все, что нужно взрослому и ребенку. В одной из них мы покупали ученические тетради в клетку и две-три линейки, здесь же ручки, перья к ним, пеналы и даже учебники. Мы были постоянными покупателями и вскоре стали хорошими друзьями хозяина лавки. В соседней лавке восточных сладостей мы покупали, если заводились лишние три копейки, медовые леденцы с кунжутным семенем. Иногда мы предпочитали истратить свои копейки у чайханы на нишалду и лепешки. В чайхане сидели любители кок-чая. Над их головами в клетках, прикрепленных к столбам, подпиранным навес чайханы, сидели перепелки и горные куропатки, оглашавшие своим шепетанием и без того шумный базар. Здесь же любители перепелиных боев устраивали соревнования и торговлю лучшими пернатыми бойцами.

Особо привлекали ряды больших лавок, чуть ли не магазинов. За каменным мостом через Шахимардан-сай находилась гостиница «Боярское подворье», в которой обычно останавливались заезжие торговые люди из России. Они торговали товарами, завезенными из России, с Урала, а то и из далекой Сибири. Здесь можно было купить клюкву или бруснику прямо из бочек, свежую или свежемороженную, вяленую и копченую рыбу: осетра, стерлядь, шуку, сома, кету и так далее. Торговцы, как купцы на лубочных картинках – бородатые, в картузах, белых фартуках и черных, в гармошку сапогах.

На обратном пути из гимназии мы задерживались в кузнечном ряду и наблюдали выделку металлических изделий, конской сбруи и медных кумганов, котелков и прочего. Очень интересно было смотреть, как бородатый мастер склеивал разбитую фарфоровую посуду, замазывая клепки быстро твердеющим алебастром. Да и мало ли на что еще мож-

но было поглазеть, не рискуя опоздать домой к двум часам дня, к обеду! Хотя часов у нас не было, чутье и опыт отмеряли время, прошедшее после отмечающего полдень выстрела крепостной пушки.

В июле 1914 года Сергей Федорович Ратнер, старый товарищ отца, давно овдовевший, сделал предложение моей матушке. Помолвка была объявлена на торжественном обеде, где собралась вся семья деда. Обедали в большой гостиной за длинным столом. Дети разместились за специальным детским столом. Было тесно, но уютно, весело и довольно шумно, причем, взрослые больше всего говорили о нависшей над Европой политической опасности. До безмятежной Ферганы только глухо доносились слабые раскаты наступающей грозы.

Началась мировая война. Поначалу эта война, всколыхнувшая всю Европу и Российскую Империю, не отразилась заметным образом на нашей жизни. Бригада солдат, размещавшихся в Фергане, поднялась с места и походным маршем под звуки духового оркестра последовала на вокзал для отправки на фронт. Кавалерийский полк погрузили в кранные вагоны-теплушки. Зимние казармы и летние лагеря опустели, и остался только сравнительно небольшой гарнизон в крепости. Но не прошло и двух-трех недель, как в городском соборе почти каждый день стали служить панихиды по убиенным воинам. На паперти собора по-прежнему толпилась кучка нищих и калек, к которым стали прибавляться и новоиспеченные инвалиды войны.

Наступление в Восточной Пруссии и в области мазурских болот закончилось катастрофически. Русская армия была окружена германскими войсками и почти целиком сдалась в плен. Военные неудачи на фронте побудили русское правительство объявить в 1915 году в Туркестане призыв в армию среди местного населения – узбеков и таджиков, чего раньше никогда не было. Это послужило причиной восстания в городе Джизаке. Собственно это было второе крупное восстание против русских властей в Туркестанском крае. Первое было в 1902 году в Андижане. Восставшие были хорошо организованы и воспользовались тем, что по беспечности командира русского гарнизона в Андижане не был выставлен ночной караул. Но пришла подмога, и нападение было отбито, а восстание жестоко подавлено, причем, репрессии в основном распространились на родину и резиденцию возглавившего восстание ишана – большой кишлак Мархамат. Именно здесь, у Мархаматской крепости, было последнее сражение между русскими и восставшими. Собственно, это была не крепость, а окруженный высоким валом участок, но здесь было убито несколько сотен человек.

Джизакское восстание не имело религиозной подоплеки, результатом его был отказ правительства от призыва местного населения не только в действующую армию, но даже на трудовой фронт для рытья окопов и строительства фортификационных сооружений.

Летом 1915 года, когда армии требовались офицеры, прием в кадетские корпуса был расширен, и мне разрешили сдавать экзамены для поступления во 2-ой Оренбургский кадетский корпус. Экзамены принимали в Ташкентском кадетском корпусе, где учился мой старший брат. В августе я покидал Фергану, мой любимый город, не зная, что вернусь в него только после революции. В Ташкенте мы задержались почти на две недели, потом мы с мамой сели в вагон третьего класса и отправились в Оренбург. Это было замечательное путешествие. Расстояние в 1700 верст скорым поездом было преодолено за семь суток. За окном тянулись сады, пашни, хлопковые поля, а дальше – безлесье, холмистая степь. Слева по ходу поезда железная дорога приближалась к Сырдарье. К железнодорожным путям подступали камышовые заросли, тальник. Мне припомнились рассказы деда о джейранах и об охоте в камышовых зарослях на кабанов и тигров, которые иногда наведывались в населенные места, промысляя в стадах коров и овец. На станциях были обсаженные деревьями водокачки, куда поступала вода из Сырдарьи. На пути следования встречались крупные города – Туркестан с его древним мавзолеем, Казалинск, Перовск. По сторонам от железной дороги кроме этих городов да казахских зимовок постоянных строений почти не было. Не видно было и дорог, только тропы, на которых виднелись небольшие караваны верблюдов. Слева, с сырдарьинской стороны, попадались в поле зрения развалины древних поселений, следы бывших здесь оросительных каналов. Значит, некогда в этих местах была буйная растительность и кипела жизнь. Изредка среди этих развалин возвышались мазары, к которым прикреплялся шест с конским хвостом.

Так было до Аральского моря. Здесь начали встречаться посевы, древесная растительность была представлена джидой. Мы проезжали крупные населенные пункты – Джусалы с большим железнодорожным депо, Актюбинск, Орск. Можно представить, с каким интересом я смотрел на невзрачные картины, которые мелькали за вагонными окнами.

Наконец, станция Меновой двор, последняя перед Оренбургом. Когда-то здесь проходила ничем не отмеченная граница между землями, населенными оседлыми русскими, и сплошной степью, где обитали только кочевники. Меновой двор – огромный, обнесенный стеной, торговый двор. Там покупали и продавали, но чаще всего велась меновая торговля. Так повелось с тех пор, когда город Оренбург назывался Яик. Прежде чем подойти к оренбургскому вокзалу, поезд по железнодорожному мосту пересек реку Урал, и кто-то из наших спутников показал в окно на пятиэтажное здание на берегу – вот 2-ой Оренбургский кадетский корпус.

6

Кадетский корпус – это закрытое учебное заведение, имеющее мало общего с внешним миром. Наш корпус был на краю города. В самом городе был 1-ый, или как его называли, Неплюевский кадетский корпус. Наш, 2-ой корпус, размещался в огромном пятиэтажном здании, одном из самых крупных в городе. Нижние этажи занимали различные подсобные службы: цехгаузы, кухни, мастерские. Следующие три этажа населялись кадетами, разделенными на три роты. Учили нас очень образованные люди. В число учебных дисциплин входили и уроки пения, гимнастики, фехтования, ружейных приемов... Педагоги были все исключительно мужчины, даже иностранные языки преподавали они же. Английский преподавал модой англичанин, немецкий – немец, французский – француз.

Нас, кадетов, не только учили, но и воспитывали, делая из нас образованных и, если не изяшных, то приличных молодых людей, но не офицеров, в кадетском корпусе почти совершенно не было военных предметов. Чтобы стать офицером, нужно было проучиться в военном училище, как его тогда называли, юнкерском. Порядок жизни был примерно таков: утром в шесть часов нас будили горном или барабаном. Через тридцать минут раздавался следующий сигнал, и все выбегали в большой зал, строились в два ряда на поверку. К строю выходил командир роты в сопровождении трех классных наставников. Совершалась переключка. После этого ротный командир произносил краткую речь: формулировал задачи на день, иногда перечислял провинности за предыдущий день. Затем раздавалась команда: «Смирно! Направо шагом марш в столовую!» Пища была простая, здоровая – чай, кофе обязательно с черным хлебом и сливочным маслом, иногда с сыром. Из столовой строем мы отправлялись в свои классы.

В воскресенье день был совершенно свободен. Давали из корпусной библиотеки книги для чтения в основном военную или приключенческую литературу.

Два года подряд я на летние каникулы, которые начинались в конце апреля, отправлялся к родным в Ош, куда по службе перевели моего отчима с семьей. Главной достопримечательностью Оша был большой, крытый кровельным железом, базар. На нем торговали товарами из Кашгара, Китая, Индии, Афганистана, Ирана. На улицах можно было встретить торговцев из этих стран. Мой отчим Сергей Федорович служил секретарем уездного начальника и имел довольно хорошую казенную квартиру в доме на берегу Акбуры с огромным садом. Над городом возвышалась гора Тахта-и-Сулейман. С ней связана легенда о возникновении Оша. Эту легенду мы услышали от седобородого старца, сидевшего на пороге кибитки, стоявшей на самой верхушке горы рядом с мазаром.

– Это было очень давно, – рассказывал он, – до рождения Пророка Мухаммада. Тогда жил царь Сулейман (Соломон), который, как известно, покорил много стран, в том числе и Согдиану. Однажды он со своим войском пересек Жемчужину Востока – Фергану и достиг того горного потока, что шумит внизу. В этой местности, дикой и прекрасной, он увидел, что войско его утомилось, и скомандовал «Хош!» – «Стой!». Воины Сулеймана разбили лагерь и построили укрепление. Сулейман часто взбирался на вершину этой горы и подолгу пребывал здесь, созерцая красоты окружающей природы и размышляя о ее величии, совершая молитвы и отдавая поклоны Аллаху. Вот углубление от его колен, – старик показал на две ямки, и ото лба его – третья ямка впереди. Снизу Сулейману приносили воду. Но однажды он ударил посохом об эту скалу и появился сверкающий источник. За

этот старый куст он привязывал коня. А вот следы подков коня Сулеймана, – старик показал на выбитые на камне «следы», величиной вдвое больше, чем обычные лошадиные подковы. Камень этот ныне целительный: женщины приходят сюда лечиться от бесплодия, незрячие прозревают, страждущие обретают покой и радость. Велик Аллах!

Мы, как и другие посетители старца, бросили по монете в его медную чашу и продолжили путь до другой вершины Тахта-и-Сулейман, пронзенной пешерой, как туннелем.

Шла война. Нас, кадетов, стали водить строем в городской арсенал, в склады стрелкового оружия. Там мы приводили в порядок хранившиеся ружья. Сначала это были русские трехлинейные винтовки, потом ружья системы «Бердан», потом чистили трофейное оружие. Все шло на фронт. Особенно после чудовишного взрыва арсенала в Казани, сила которого была так велика, что слышно было даже в Оренбурге.

Часть помещений кадетского корпуса была отведена под военный госпиталь. Туда поступали солдаты, раненные на войне, и с ними во время прогулок у нас было свое общение. Они рассказывали нам о том, что такое война, по-своему, простецки, доходчиво. С фронтов доходили неприятные известия. В России же становилось жить все труднее, даже в Петрограде и Москве в продуктовых магазинах были очереди, получившие название хвостов. Состояли они главным образом из женщин. Немцы захватили Украину и Новороссию, те пахотные земли, которые кормили Россию. Возникли затруднения в подвозом продуктов из-за расстройств железнодорожного транспорта. Ходила такая шутка: в России опаздывают все пассажирские поезда, понятно – война; в Германии поезда ходят точно по расписанию, понятно – война! За хлебом в лавках – длинные хвосты. К концу 1916 года стали приходиться вести о бабьих бунтах: били стекла, разносили магазины. Говорили, что революция в России началась именно с бабьих бунтов.

Ходили глухие слухи о беспорядках в царском дворце, о Распутине и распутстве придворных дам. Распутин в конце концов убили и спустили в прорубь на Неве. В феврале 1917 года император Николай II отрекся от престола, а в октябре произошла революция. В этом, последнем, учебном году нам было не до учебы. Разгоралась гражданская война, благодаря чему нас стали меньше интересоваться вести с фронта. Оренбург тоже оказался в сфере гражданской войны и к зиме 1917 года оказался во власти белой армии под командованием атамана Дутова. Чувствовалось, что эта армия не устоит под натиском большевиков, и в корпусе была нервная обстановка. Кадеты-старшеклассники вооружались, учились ружейным приемам, занимались учебной стрельбой, проводились строевые и тактические учения.

К концу года пошли разговоры, что Красная гвардия наступает на Оренбург со стороны Самары. Среди офицеров-воспитателей и кадетов старших классов происходили какие-то непонятные волнения. Позже мы узнали, что из кадетов-старшеклассников была сформирована воинская часть Белой армии, которая передислоцировалась в сторону города Уральска. Это событие сыграло роковую роль.

На следующий день из окон нашего здания, откуда виднелась железная дорога, мы наблюдали странную картину: подошел большой состав, из вагонов были спущены трапы, по ним сводили лошадей и спускали артиллерийские орудия. Из других вагонов высыпала пехота. Это были части Красной гвардии, пришедшие с азиатской стороны и одновременно со стороны Самары. Город был захвачен красными, Белая армия уходила, отстреливаясь. К следующему утру все было кончено, и мы узнали о смене власти в нашем кадетском корпусе. Руководство корпуса было арестовано и пятеро, в том числе директор, которого мы знали как прекрасного человека, к вечеру были расстреляны. Мы узнали, что командиры первой и второй рот содержатся под арестом. Командир нашей третьей роты появился перед строем взволнованный и растерянный. Позднее мы узнали от него, что старшие кадеты, ушедшие в Уральск с обозом, погибли, не дойдя до места назначения.

Корпус начали готовить к расформированию, но на Оренбург внезапно обрушились белые, и власть опять перешла в их руки. С одним из пассажирских поездов, ходивших без расписания, я в числе кадетов-туркестанцев в начале марта 1918 года отправился домой. В Ташкент мы прибыли только в конце месяца – на железной дороге был полный беспорядок, и, главное, состав двигался по тем районам, где в это время шли бои между белыми и красными. Слева и справа от железнодорожного полотна из окон вагона мы видели воронки от снарядных разрывов, опрокинутые и разбитые вагоны, однажды даже целый

бронированный поезд, а вдали, то там, то здесь, виднелись столбы дыма – горели поселки, попеременно переходящие от красных к белым и наоборот. Только где-то за Аральским морем мы узнали, что наш поезд пересек фронтную полосу.

В Ташкенте меня никто не ждал – ведь поезд шел безо всякого расписания, из-за всеобщей разрухи телеграф бездействовал. Сдав вещи в камеру хранения, я добрался до кадетского корпуса, где нашел моего старшего брата, удивленного моим появлением. Ташкентский корпус тоже готовили к расформированию, поэтому не прошло и недели, как мы отправились домой, в Фергану. Туда, в старый дом нашего деда вернулась из Оша после смерти отчима мама с маленьким сыном Борькой.

От брата я узнал, как проходила революция в Ташкенте. Огромную роль в этом сыграли рабочие-железнодорожники, которым не мог противостоять гарнизон крепости, поскольку все другие войска, размещавшиеся в Ташкенте, были давно на фронте. Вероятно, именно железнодорожники установили в городе местное революционное правительство, которое и взяло всю полноту власти не только в Ташкенте, но и в масштабе всего Туркестанского края. В Ташкенте тоже произошли кровавые события. Совсем недавно была попытка реставрировать старую власть. Было подготовлено и разразилось восстание, во главе которого стоял крупный военный чин царской армии Осипов. Но он потерпел поражение.

В Ферганской долине, куда мы ехали с братом, в Коканде и Андижане местным населением тоже было поднято восстание и образована так называемая «Кокандская автономия». Это восстание было организовано джадидами и преследовало цель создания независимого или, по меньшей мере, автономного буржуазного мусульманского государства. Восстание было ликвидировано сначала в Андижане, а потом в Коканде. Особенно жестокие бои протекали на тесных улицах старой части Коканда. Город подвергся артиллерийскому обстрелу, возник страшный пожар, вся эта часть Коканда с бесчисленными лавочками и магазинами превратилась в пожарище, только кое-где возвышались полуразрушенные стены зданий, построенных из жженого кирпича. Подавление Кокандской автономии породило басмаческое движение.

Как правило, басмачи представляли собой вооруженную конницу, всегда бывшую грозной военной силой. Но действовали они не всегда строго организовано, чаще стихийно. И не столько с военно-стратегической или тактической целью, а с намерением добыть у мирного населения продовольствие, фураж и вообще средства к существованию, так как они официально не финансировались и не обеспечивались каким бы то ни было государством.

Во главе басмаческих войск стояли курбаши, командовавшие многотысячными армиями, подразделявшиеся на довольно крупные соединения, которые возглавляли мингбаши, а затем на менее значительные отряды. Курбаши были окружены группой приближенных, составлявших нечто вроде штаба. В его состав входили представители мусульманского духовенства, иногда военные и политические советники из числа бывшего русского генералитета и представителей иностранных государств. Конечно, курбаши чаще всего были наиболее популярными и знатными лицами из числа недовольных советской властью. Но в описываемые времена недовольными оказывались не только бывшие баи, беки и ишаны, но и представители широких слоев населения, вплоть до безземельных крестьян и бездомных бродяг, которые в той или иной степени морально или материально пострадали от зачастую бездарных представителей советской власти и от ее непродуманных действий.

7

Дом бабушки нам с братом показался точно вросшим в землю. Видимо, мы сами выросли. Трудно описать радость, которую вызвало наше появление. Но и здесь было неспокойно. В Ферганской долине почти повсеместно хозяйничали басмачи. А в самой Фергане некий капитан царской армии Мальцев организовал вооруженную группу и ушел с ней в горы. К Мальцеву примкнула русская молодежь, искавшая приключений, в том числе мой старший брат Жоржик. Авантюра длилась не более трех недель. Большая часть группы Мальцева погибла. Жоржик, которому было 16 лет, как несовершеннолетний был доставлен домой и вручен нашей матери. Все кончилось для него благополучно.

В 1918 году местные власти решили строить ширококолейную железную дорогу до угольных копей Кизыл-кия. Существовавшая узкоколейка приходила ветхость и уже не справлялась с возрастающими потребностями. Решено было строить по методу хашара. Был организован воскресник, в котором приняло участие до десятка тысяч человек. Мы строем прошли через весь город, впереди шествовал духовой оркестр, а возглавлял колонну некий партийный деятель в блестящей кожанке и ботфортах. За ним шли инженеры-строители, путейцы и другие специалисты, далее следовали нестройные ряды рабочей силы от стариков до молодежи и детей. Каждый из нас нес что-либо, чем можно было копать землю – кетмень, лопату, кирку, а также узелок со съестным. Сзади ехали телеги, груженные тачками и другим оборудованием. Работали под солнцепеком до сумерек с передышкой на перекус. За лето таким способом было проложено полотно будущей железной дороги с насыпями и выемками до Кувасая. Остальная часть 37-километрового пути была проложена в следующем, 1919 году.

Мама не работала – братишка Борька был совсем маленький, и наша семья жила на сбережения, оставшиеся от отчима. Мы с братом занимались охотой на зайцев и голубей да походами в кишлаки за фруктами.

Как-то мама сказала: «Пора тебе браться за работу. Хватит болтаться без дела и бегать по кишлакам, ведь тебе 14-й год, ты почти взрослый. Нужно поискать тебе какое-нибудь занятие». И я стал подмастерьем сапожника. Работал я несколько недель и был страшно горд, когда вручил матери свои первые заработанные несколько рублей. Сапоги или даже простые тапочки мастерить я не научился, но уже умел налаживать подошву и прибивать к ней деревянными шпильками подметки.

Эта работа мне быстро надоела и показалось занятней и приятней сушить фрукты. В разгар лета, когда стали зреть абрикосы, персики и виноград, я переметнулся на дачу Бушмана. Таких мальчишек-сушильщиков у Бушмана было несколько десятков. Падалицы в сушку не шли, мы собирали фрукты прямо с деревьев, аккуратно складывали в корзины и доставляли к месту сушки. Укладывали наш сбор на специальные шиты и задвигали в шкафы для окуривания серой. Эта процедура предотвращала сушеные фрукты от порчи по крайней мере в течение года. Потом шиты с плодами помешались в сушильные камеры, через которые прогонялся горячий сухой воздух. По сути дела фрукты не сушились, а вялились, и это сохраняло их некоторую сочность и вкус. При домашней сушке под палящими солнечными лучами, как мы это делали, фрукты теряли свой естественный вкус, делались жесткими и подвергались порче плодовыми мушками. Я заметил, что местные жители сушили их не на солнце, не на крыше, а в тенистом саду, прямо на застеленной циновками земле.

Вся страна стала ареной столкновения красных и белых. Работать на полях и на заводах было некому, наступила разруха. В городах не хватало продовольствия, в селах его тоже стало меньше, а главное, туда не доходила мануфактура, обувь и многое другое. Даже в нашей богоспасаемой Фергане стало очень уж тяжело. Я как то видел нашего школьного учителя, шагающего по тротуару босиком. В одной руке он держал портфель, а в другой нес свои башмаки.

8

Осенью 1918 года я со своими одноклассниками пошел учиться в среднюю школу. Она была около бывшей женской гимназии в здании городского училища. Школа была общая для мальчиков и девочек. Это было новое и первое время необычно и даже стеснительно. Происходило неизбежное: мы, подростки, флиртовали, влюблялись, на этой почве происходили первые разочарования и даже тяжкие жизненные конфликты. Конечно, трудно было и нашим учителям, к системе общей школы нужно было привыкнуть, тем более, что сами учителя были сравнительно молодыми и сами влюблялись друг в друга.

Зима в тот год наступила необычно рано. В начале ноября выпал первый снег. Мы учились во вторую смену и возвращались из школы домой уже в сумерках. Однажды мы шли по Зеленой улице и играли в снежки. Вдруг за забором одного из домов мы увидели, как куры устраиваются на ночь в ветвях деревьев. Для южного города это обычно, особенно для тех дворов, где не было курятника. И мы стали сшибать снежками этих кур. За забором слышался стук топора, и вдруг внезапно распахнулась калитка, и выскочил боро-

даты, сравнительно молодой мужчина с топором в руке. Я в это время лепил очередной снежок, и когда поднялся, то увидел, что стою один против хозяина кур. Ребята успели разбежаться.

Бородатый напустился на меня: «Это ты сшибаешь моих кур? Я тебя сейчас отведу к коменданту города». Тогда я не понял, насколько это было серьезно, ведь город был на военном положении. «Ты меня подожди, я оденусь, и мы пойдем к коменданту». Я понял, что попал в какую-то историю, но упрямство взяло верх, и я остался его ждать, хотя мои товарищи отчаянно звали меня. Мельком я посмотрел на окна дома и в одном из них увидел бородатого в очках. Вероятно, он смотрел, не убежал ли я. Наверное, он даже хотел, чтобы я убежал, но, делать было нечего, и ему пришлось выйти ко мне.

Я увидел его одетым в военную форму, голова его была украшена шлемом с красной звездой, а на воротнике были знаки отличия – по две звезды с каждой стороны. Это был «чин», по меньшей мере, равный командиру бригады или даже командиру дивизии. Он повел меня через весь город в комендатуру. «Я задержал хулигана, и его нужно продержат где-нибудь до утра. Я возьму у вас расписку». Процедура была исполнена, и бородатый в очках ушел. Дежурный вызвал вооруженного конвоира, вручил ему какой-то пакет, сказал несколько слов, и тот повел меня.

Меня отвели на гауптвахту. Часовой ушел, арестанты окружили меня и стали расспрашивать, за что меня сюда. Я растерялся и, не зная, что ответить, сказал: «За покушение на убийство». – «На кого же? Да ты еще так молод!» - «Да, покушался на курицу». Все недоумевали, а я все рассказал, как было, это развеселило все общество: «Ведь до чего дошли большевики, мальчишку за покушение на курицу, ха-ха-ха, ну и большевики!» Я почувствовал, что скрасил жизнь этим несчастным, которым, вероятно, грозила какая-то опасность, хотя я был уверен, что они ни в чем не виноваты. Время было смутное, и в заточение попадали иногда только за то, что когда-то носили золотые или серебряные погоны на плечах.

Утром меня выпустили, и я пришел домой на радость моей матери. Она все знала, ей рассказали мои школьные товарищи. Она надела свой лучший наряд и заставила их проводить ее к дому бородатого. Тот ее любезно принял и отрекомендовался начальником медицинской службы при штабе 2-й Туркестанской стрелковой дивизии. Очевидно, он был достаточно образованным человеком, так как очень извинялся перед мамой, которая, по ее выражению, хотела набить ему морду. «Но он меня подкупил, - говорил бородатый. – Я был восхищен вашим сыном, ведь я дал ему возможность бежать, но он этого не сделал, он остался ждать меня. Хулиган бы так не поступил. Пошлите его ко мне, я хочу с ним поближе познакомиться».

Я действительно пошел к нему. Мы мило с ним поговорили, и кончилось дело тем, что он предложил устроить меня в штаб дивизии работать, например, рассыльным. «Будешь получать хороший паек, получишь обмундирование» Я рассказал об этом маме, и она, подумав, сказала: «А знаешь, это хорошо». И скоро я стал рассыльным в полевом телеграфе штаба дивизии, а через неделю телеграфистом, то есть контролером у аппарата «Юзо». Работа была в две смены – утреннюю и ночную, после которой двое суток отдыха. Это позволяло мне учиться в школе и работать в полевом телеграфе.

Полевой телеграф занимал самый большой зал бывшей мужской гимназии, где помещался штаб 2-й Туркестанской стрелковой дивизии. За аппаратом сидел телеграфист, а я был его помощником. Всем понятно, что полевой телеграф – зеркало дивизии, все важнейшие распоряжения, срочные приказы командующего фронтом, оперативные донесения и сводки от всех действующих частей дивизии с самых разных участков Туркестана проходят через телеграф. Сам я в полевом телеграфе проработал около двух лет, а потом меня, в связи с передислокацией дивизии, перевели в запасной полк, где я числился до переезда всей нашей семьи в Коканд.

переводы

Хайридин СУЛТАНОВ

Хайридин Султанов родился в 1956 году в Кибрайском районе Ташкентской области. Окончил факультет журналистики ТашГУ (НУУз). Работал в журналах «Гулистон», «Ёшлик», в издательстве им. Гафура Гуляма, публиковался в журналах «Шарқ юлдузи», «Ўзбекистон адабиёти ва санъати» и других периодических изданиях. По его произведениям поставлены телевизионные и художественные фильмы.

Хайридин Султанов переводил на узбекский язык произведения А. де Сент-Экзюпери, Ю. Нагибина, В. Шукшина.

РОСКОШЬ И НУЖДА

Рассказ

Рахматулле повезло с женой. Об этом единодушно говорили и друзья, и враги. Действительно, Назимахон была из тех женщин, которые делали все, чтобы муж выглядел мужем – опрятным, ухоженным, состоявшимся. Родом она была из Маргилана, где жила Кумушбиби¹, круглолицая, с тонким станом, глаза всегда улыбаются, если бы она не отрезала свои густые черные косы, то они целовали бы сгиб ее колен. Рахматулла же был из Самарканда – сын полей и пустынь. Они познакомились в Ташкенте, будучи студентами, случайно встретившись на одной из вечеринок. В год окончания института поженились, видно судьба, остались жить в столице, стали горожанами.

Как все на белом свете, любовь имеет свое начало, кульминацию и предел. До свадьбы Рахматулла любил Назимахон по-сумасшедшему, после свадьбы вместо того, чтобы поостыть, остепениться, навсегда обретя свою красавицу, о которой мечтали многие джигиты, он, наоборот, еще больше влюбился в собственную жену. Назимахон была сладкоречива, ее глаза, слова, весь ее облик были сама чистота, одной своей улыбкой она могла превратить обыкновенные бесцветные мгновения в несравненный праздник.

Рахматулла был из многодетной семьи, где чувства не выставляются напоказ, а взаимоотношения бывают сдержанны, поэтому, будучи из тех, кто в детстве и юности испытывает острую нехватку заботы и внимания, припав теперь к этим родникам, никак не мог утолить свою жажду: чем больше пил, тем больше ему хотелось.

На четвертый год их женитьбы, когда второму сыну Эльзоду было шесть месяцев, Рахматулле предоставили с работы квартиру. До этого он постоянно испытывал чувство неудовлетворенности, ошущал себя виноватым от того, что они вынуждены были жить на съемных квартирах, постоянно переезжая из одной в другую. Но Назимахон ни разу не то чтобы упрекнуть, даже словом об этом не обмолвилась. Она стойко переносила бесконечные переезды, недовольство капризных старух-квартиродательниц, изнуряющую, как присосавшаяся пиявка, квартплату... и эта ее стойкость была для Рахматуллы

¹ Кумушбиби – воплощение красоты и ума, героиня романа Абдуллы Кадыри «Минувшие дни».

огромной поддержкой. Бехзод, начав говорить, играя в любимые игрушки, то и дело, склонив набок голову, произносил: «Вот теперь всё!». Назимахон, приходя в невероятный восторг от слов сына, усвоила эту его милую манеру, и когда в очередной раз возникал квартирный инцидент, усмехнувшись, произносила: «Вот теперь всё!», – и расплывалась в широкой улыбке, глядя на нее, Рахматулла тоже начинал смеяться, на этом инцидент исчерпывался, и неприятность превращалась в веселье. А там, где веселье и смех, любая проблема перестает быть проблемой, от всякого ужаса не остается ничего ужасного.

И вот, наконец, все позади. Теперь у них своя собственная квартира, как говорится, свой дом, своя крыша над головой. Теперь они будут жить так, как им хочется, никто не посмеет даже косвенно их обидеть. В день переезда Рахматулла дал себе слово: пока он жив, в этом доме не будет никаких огорчений!

И в самом деле, в этой квартире, вплоть до вчерашнего дня, никто ни на кого не поднимал голоса, раздавались лишь детские крики и детский плач, никто другой здесь не плакал.

Все началось с наведения порядка в доме.

Назимахон, живя даже на съемной квартире, всюду навела блеск, получив же квартиру со всеми удобствами, где была и горячая, и холодная вода, вовсе была неустанна: не успеешь глазом моргнуть – как всюду вымыто, вытерто, ни пылинки, ни соринки – чистота и порядок. Временами, возвратясь вечером с работы, Рахматулла не узнавал своей квартиры: мебель переставлена, диван передвинут в другое место, в цветочных вазах благоухают необыкновенные цветы... Комнаты светлые, всюду блеск и чистота, дети умыты, одеты, бегут наперегонки к отцу, чтобы поздороваться с ним... Довольный, покачав головой, он, улыбаясь, отправлялся в ванную для того, чтобы помыться. Для Назимахон, подававшей ему свежее полотенце, это было приятно, улыгнувшись в ответ, она стремглав бежала на кухню. Затем, громко включив маленький, как коробочка, телевизор, они садились ужинать. Почетное место за столом занимал Рахматулла, рядом с ним устраивались двое его сыновей, на столе горячее ароматное блюдо, в другом конце стола в каких-то весенних одеяниях вся цветущая, как в семнадцать лет, Назимахон... В такие минуты воздух этого жилища наполнялся блаженством, казалось в окна и двери льются лучи счастья. Бехзод с Эльзодом, ссорясь из-за игрушек, плача и смеясь, наконец, устав, засыпая на ходу, чуть ли не валились с ног, Рахматулла, потрепав им вихрастые чубы, подхватывал их на руки, целовал в лоб, относил каждого в свою постель и, улегшись на диван, принимался читать огромные, как подушки, книги, глубоко веря всему, что там описывалось. Назимахон приносила из другой комнаты плед, укрывала ему ноги, и через мгновение на журнальном столике у дивана появлялся чайник с чаем и какая-нибудь сладость: кишмиш, халва или карамельки, сама же шла в кухню, чтобы продолжить неоконченные дела. Рахматулла, потихоньку прихлебывая чай и «думая думу», радовался своей небольшой квартирке и большому счастью, от этого на душе у него становилось светло и радостно.

Когда становилось совсем поздно, он заходил в спальню и, растянувшись на двухспальном одеяле, как молодожен в медовый месяц, с нетерпением дожидался прихода Назимахон, и сам того не замечая, засыпал.

Назимахон, как птичка, входила легкой неслышной походкой, от чего он неизбежно просыпался, сердце его сладко вздрагивало, и он, как чудом, любовался женой.

От шеи, лица, волос Назимахон исходил нежный аромат – будто она только что, обойдя бескрайний цветник, собрала целую кучу цветов... Это душистое благоухание, опьяняя, сводило его с ума. Два года назад, поехав в командировку в Москву, он на все свои деньги накопил одежды для детей и десять мелких, с наперсток, флаконов французских духов, с тех пор у каждой ночи был свой пьянящий аромат.

Однако Назимахон не давала ему переступить границ, глядя его лицо нежно шептала: – Спи. Завтра вам на работу.

– Хорошо, – говорил он, переполняясь радостью, счастьем, любовью. – Ладно...

Всюду тишина и покой, тусклый свет ночника, в тишине комнаты раздаются только стук сердец двух влюбленных и их тихий разговор, бесконечный разговор о мечтах,

желанных и радостных, о детях, таких сладких и чудных, о прошлых счастливых днях и хорошем светлом будущем...

Они не молодожены, соединившиеся только вчера, а муж и жена с пятилетним стажем, тем не менее, по ночам у них было столько нескончаемых разговоров, сокровенных слов, которые надо друг другу сказать, что казалось, им не будет конца!..

Вот в одну из таких счастливых ночей, когда жена, лежа на спине мечтательно смотрела в потолок, Рахматулла сказал:

– Надо бы пригласить в гости моих коллег по работе. Я же бывал у них на новосельях...

Назимахон, блеснув глазами, обеспокоено погладила его растрепавшиеся волосы и как-то безраздно прошептала:

– Сейчас? Да бросьте вы!

– Почему?

– Посмотрите, в каком мы положении!

– А что с нашим положением?

Назимахон беззлобно усмехнулась:

– Надо бы привести в порядок наш дом. Мы все еще живем как студенты.

Рахматулла покраснел, но, чтобы скрыть смущение, почесал себе подбородок:

– А что в этом такого? Никто из наших сотрудников не обратит на это внимания.

– Как это никто? А Муаттар Закировна, а Лобархон?

– Да ерунда все это! – сказал Рахматулла, приподняв голову.

– Вы просто не знаете! Женщины на все обращают внимание. Для них очень важно, как выглядит жилище. Рахматулла что-то пробубнил.

– Конечно, пригласим, мы просто обязаны это сделать, – сказала Назимахон, – я согласна, но только позже, хорошо? Подумайте сами, когда еще в другой раз они удосужатся прийти к нам снова...

Рахматулла про себя искренне признал правоту жены.

Он работал научным сотрудником в небольшой лаборатории, отношения с коллегами были нормальные. Судя по тому, что Назимахон часто посещала магазины, хорошо была одета, все полагали, что он из числа «обеспеченных парней», и это где-то в глубине души ему нравилось, терять этот статус в глазах людей ему, конечно, не хотелось бы. Так что Назимахон права, встречать гостей следует достойно, а для того, чтобы их встретить достойно, надо как следует подготовиться, привести кое-что в порядок и только потом... Нет на свете хуже улыбок ради приличия, а еще хуже – усмешек в адрес нерадивых хозяев.

Но на следующий день, когда Рахматулла пригляделся к своему жилищу, он увидел, что подправлять надо не кое-что, а, пожалуй, все, от начала до конца. Прежде всего, нужно купить хорошую мебель – трехкомнатная квартира практически пуста и походит на голодного дракона, готового проглотить все и вся. Пусты и стены. Но все, что он сейчас зарабатывает, уходит на пропитание, Назимахон выйдет на работу только через шесть месяцев, в сентябре, когда Эльзоду исполнится полтора годика...

С того самого дня Рахматулла стал постоянным посетителем, вернее было бы сказать, созерцателем, хозяйственных магазинов. Заходит с горящими глазами, осматривает необыкновенную импортную мебель, мысленно представляет ее у себя дома, прикидывает сколько нужно времени, чтобы накопить необходимую сумму, тихонько гладит отражающую его лик полированную поверхность и... молча уходит.

Наконец, устав от мифических планов, придя к окончательному решению, в одну из ночей он сказал жене о своем намерении:

– Так больше нельзя. Я решил поменять свою работу.

Назимахон испугалась:

– Почему?

Он выложил ей все, что было у него на душе. Назимахон даже всплакнула: «Может не надо, потерпим, будем довольствоваться тем, что есть,ждемся хороших дней, они обязательно наступят...»

– Интересно, когда же они наступят, эти хорошие дни? – произнес Рахматулла с усмешкой. – Мне уже перевалило за тридцать, считай, полжизни уже прожил.

– Скоро и я выйду на работу, совсем немного осталось, подсоблю вам, как-никак будет помощь... – Назимахон прижалась лицом к его груди.

– Я уже все обдумал, Назимахон, – сказал Рахматулла задумчиво. – У меня нет другого выхода. Мне тоже по вечерам хочется утопать в мягкой мебели, смотреть цветной телевизор. В субботние дни выезжать с вами и сыновьями за город на собственной машине. И, потом, я хочу, чтобы вы не стеснялись, когда к нам будут приходить гости.

– Все со временем образуется, – произнесла Назимахон. – Лично мне ничего не нужно. Лишь бы вы и дети были живы и здоровы.

– Но, если я не буду действовать, то время это никогда не наступит, – твердо сказал Рахматулла. – Родители мне помочь не могут, вам это хорошо известно. Им, дай бог, благополучно переженить братьев моих да выдать замуж сестер, вон их сколько после меня осталось. При возможности, это я им должен помочь. Короче, дела обстоят таким вот образом. Вся надежда, как говорится, только на себя.

– А что будет с вашей научной работой? – спросила Назимахон после длительного молчания.

– А! – беззаботно улыбнулся Рахматулла. – Какая научная работа, Назимахон! – Я вон уже сделал два великих открытия: одно – Бехзод, другое – Эльзод!

Назимахон мягко шлепнула его по лицу.

– Откровенно говоря, эти колбы меня никогда серьезно не интересовали, – продолжал Рахматулла. – Иногда мне кажется бессмыслицей то, что я поступил учиться, остался в городе и столько лет живу в суете неизвестно зачем, но на самом деле в этом скрыт огромный смысл: иначе бы я не встретил вас!

Сказав так, он горячо обнял жену за плечи.

– Что же теперь будет? – тихо спросила Назимахон.

– Теперь? Теперь все будет хорошо. Вспомню армейскую профессию, шофер первого класса, прекрасное ремесло, всюду с удовольствием примут на работу. Буду в поте лица трудиться, от работы пока никто не умирал, и вы поможете, а после того, как приведем в порядок наш быт...

– Выйдем на пенсию, – засмеялась Назимахон.

– Э, нет, не торопитесь так! Потом у нас родится одна курносая дочурка, назовем ее Кундуз, мне очень нравится это имя...

– Чего захотели! – кокетничая, произнесла Назимахон. – Нам и этих двух хулиганов хватит...

– Этих хулиганов мы женим – вот им наказание! Я тоже до женитьбы на вас вон каким хулиганом был, помните? А теперь вот, полюбитесь, совсем остепенился...

– Да уж, остепенились, наоборот, еще необузданней становитесь! – сказала Назимахон, улыбнувшись, и, спустя некоторое время, спросила: – Интересно, который сейчас час?

– Час... самый подходящий! – У Рахматуллы загорелись глаза

– Нет, нет, подождите. Подождите, вы действительно хотите бросить работу?..

– Уф! Опять спрашивает! Отец ваш вроде бы не был кузнецом?! Зачем бить, как кувалдой, спрашивая об одном и том же! С понедельника сажусь на «РАФ», я уже договорился с одной строительной организацией. Может, потушите свет?

– Послушайте, – сказала Назимахон, – если так необходимо, может, у кого-нибудь возьмем займы денег. Потом потихоньку расплатимся. Наверное, все так поступают?

– У кого возьмем?

Наступило долгое молчание.

– Может, мне к матери съездить?

– Знаю, ваша мать нас очень любит, готова даже жизнью пожертвовать, – произнес Рахматулла задумчиво. – Но нам сейчас нужна не жизнь, а деньги, каких-то пять-шесть тысяч рублей. Но я их у вашей матери не возьму. И вы хорошо знаете, почему я их не возьму, верно?

Назимахон промолчала, ей нечего было сказать, и больше она на эту тему никогда не заводила разговора.

– Нет, вы все равно не уйдете с работы, – сказала она, спустя некоторое время. – Столько лет учиться... Ладно, я согласна, будем экономить на всем, если понемногу начнем копить...

– Нет, – резко прервал Рахматулла, – ради обустройства дома я не намерен экономить на детях. Я желаю, чтобы мои сыновья, как и дети других людей, росли здоровыми.

– Ну, если вы намерены оставить научную работу, то зачем нам оставаться в городе? – произнесла Назимахон несколько обиженным тоном. – Давайте лучше уедем в кишлак!

– В какой кишлак? – рассмеялся Рахматулла. – В самаркандский кишлак вас хоть веревкой тяни – не поедете, в свою очередь, я тоже не смогу быть Атабеком² для города Маргилана. Следовательно, само собой разумеется, мы должны жить только в нейтральной зоне.

Сказав так, он улыбнулся, удивившись своей находчивости.

С тех пор возле их подъезда то и дело стал показываться голубой «РАФ».

Осенью к работе приступила и Назимахон. Она стала трудиться в проектно-институте, расположенном далеко от дома. Теперь единой целью мужа и жены было привести в порядок дом, благоустроить квартиру для того, чтобы «жить нормально, как люди». Ночные разговоры теперь сократились, не стало времени и на досужее любовование проделками детей, они торопливо уходили на работу и торопливо возвращались домой.

Когда живешь в высотном доме, на первый взгляд, кажется, что каждая семья существует сама по себе, но на самом деле, как это водится на Востоке, женщины, поддерживая соседские отношения, заходят друг к другу – то за солью, то за ситом, поэтому быт жителей «девятиэтажки» не под семью замками. В силу этого общения в искреннем желании походить друг на друга вперемежку заводятся зависть, соперничество, сплетни, слухи, толки – в целом беззлобно, по-соседски.

– У Захро сделали ремонт, обошелся в восемь тысяч, – сказала однажды Назимахон. – Если увидите, рот раскроете.

Допив последний глоток чая, Рахматулла зевнул.

– Я только и делаю, что рот раскрываю, он у меня уже давно не закрывается. Кто это такая Захро?

– Да с пятого этажа, муж ее Умар-ака, вы его знаете?! У которого «восьмерка» семнадцать, двадцать четыре!

У Назимахон была отличная память на цифры, стоило ей услышать или увидеть их, как они тут же запечатлевались в ее красивой головке.

– А-а... – задумчиво произнес Рахматулла через некоторое время. – Странно, где только люди деньги берут? Вроде, они тоже такая же семья, как мы, оба работают... – добавил он.

– Э, одной работой... Люди стараются, крутятся как могут, – сказала Назимахон, многозначительно сдвинув брови.

– Мы, должно быть, тоже не меньше их крутимся

– Все равно нам за ними не угнаться, – сказала Назимахон и, взяв со стола чайник, ушла на кухню. Вернувшись, поставила свежезаваренный чай на стол и добавила: – Одни бриллианты в ушах у Захро стоят пять тысяч.

Не поднимая головы, проанализировав состояние и голос жены, Рахматулла с облегчением вздохнул: слава богу, не зависть, не упрек, а так... новость, свершившийся факт!

– И где же она работает, надев пятитысячные бриллианты? – спросил он, сугубо, ради развлечения.

– Ой, разве вы не знаете?... – начала увлеченно рассказывать Назимахон, как это свойственно женщинам.

² Атабек – муж Кумушбиби, герой романа Абдуллы Кадыри «Минувшие дни».

Захро, оказывается, на самом деле закончила пединститут, но, поскольку у нее больное сердце, ни дня не смогла работать по специальности, несмотря на маленький оклад, пошла кассиром в аэропорт. Умар-ака – хирург, уролог, специализируется по почечным болезням. У них две дочери-погодки приблизительно такого же возраста, как Бехзод и Эльзод, прямо как двойняшки – Фатима и Зухра...

– Отлично, и невест не надо искать, прямо под носом существуют, будем сватами, – в шутку сказал Рахматулла.

– Да они... – Назимахон вдруг остановилась на полуслове, не стала договаривать, опечалилась, чуть позже отчужденно спросила: – Хотите еще чаю?

– Нет, – устало покачал головой Рахматулла – он очень хорошо понял то, что недоговорила жена.

Пройдя в спальню, он лег в постель, но, несмотря на усталость, не смог уснуть. Только теперь он осознал, что жена недоговорила на кухне. Она хотела сказать: «Да они вас в копейку не ставят», но не сказала, пожалела... Почему так? Что это такое? Ведь он трудится, не покладая рук честно зарабатывает свой кусок хлеба, разве не он должен пренебрегать такими людьми – не они им, а он ими? На самом деле, это они должны стесняться, а не он. Почему же тогда...

Нет, он никогда не допустит того, чтобы чувствовать себя униженным перед бесчестными и непорядочными людьми! Он еще покажет им что такое труд, и на что способен настоящий труженик! Труд – вот путь к честности и свободе. Он еще поработает честно, в поте лица, и уверен, что недалек тот час, когда все вернется ему сторицей! И вот тогда он будет говорить на равных, нет, даже свысока, с этими жителями пятого этажа, которые сегодня еле здороваются с ним. Но для этого надо побыстрее и побольше трудиться, стараться изо всех сил, объявить войну лени и беспечности!

«Мужчина к сорока годам должен добиться многого, если не добился, то все – дальше путь к старости», – думал он.

Через неделю он устроился на работу в пожарную охрану. На дежурство ходит раз в три дня ночью. Днем водит свой «РАФ».

С дядей Витей он познакомился на своей новой работе.

Дядя Витя – сторож, мужчина лет пятидесяти-пятидесяти пяти, худой, жилистый. Чего он только не умеет делать, мастер на все руки: и плотник, и маляр, и слесарь, и сборщик... Правда, когда выпьет, становится немного многословным, а так, человек добрый, приятный. Как хвалится сам, может починить от велосипеда до атомной бомбы.

В первый же день знакомства оба поняли, что нужны друг другу. Дядя Витя приходил на дежурство раз в три дня, в остальное время выполнял частные заказы людей. Заказчики за ним ходили толпами: «Виктор Андреевич, Виктор Андреевич...» Однако дядя Витя за последние два года заметно сдал, сам это чувствовал, не было прежней силы, стоило пару минут поработать рубанком, как сильно уставал. Одним словом, ему, как воздух, нужен был молодой, сильный, покладистый помощник. То, что Рахматулла не пил, было очень кстати. Ведь это хорошо, когда рядом с любящим выпить мастером постоянно находится трезвый ученик: и работа спорится, и заработок цел.

В субботу они отправились за город – строить финскую баню одному высокопоставленному чиновнику. Мастер промочил горло, и работа закипела, они были как отец и сын. Дядя Витя был настоящим мастером, каждый вбитый им гвоздь можно было бы сравнить с произведением искусства.

На этой даче, расположенной в низовьях горбившихся кругом адыров, Рахматулла, любясь небольшим садом и пестреющим разными красками цветником, оглядел все с белой завистью, грустно вздохнул и многочисленные свои планы пополнил еще одним...

Назимахон, будучи женщиной сметливой, видя старания мужа, сразу поняла, что не гоже сидеть сложа руки, и по вечерам стала ходить на курсы кройки и шитья, и однажды ночью прошептала Рахматулле:

– В магазин рядом с базаром завезли хорошие швейные машинки, немецкие. Вы мне купите одну, правда?

Рахматулла лежал в полудреме, ленись открыть глаза он пробубнил:

– Да брось ты!

– Ну, пожалуйста, – взмолилась Назимахон, ластясь к нему, – ну купите, мне она так нужна, ну просто необходима. Хорошо? Ну не отказывайтесь, пожалуйста, купите, а?..

Какой мужчина может устоять перед ночными мольбами женщины? Рахматулла тоже не устоял!

Рахматулла теперь редко бывал дома, лишь иногда, заглянув по пути с одной работы в другую, он заставал детей играющими на улице, а Назимахон сидящей за швейной машинкой. Порой рядом с ней крутились какие-то незнакомые женщины, в такие минуты Назимахон ненадолго оставляла их и, перекинувшись парой слов с мужем, вновь возвращалась к своим клиенткам. Вскоре она прославилась как искусная швея, теперь, мечтая о «платьях сшитых Назимахон», к ней стали ходить женщины и девушки со всего города. Это увлечение жены Рахматулла воспринял вначале как женскую прихоть, но, видя, как изо дня в день растет ее популярность, очень удивился и удовлетворенно улыбнулся.

Каждой перемене и новому предмету в доме они радовались как дети, и чем больше пополнялось и красивее становилось их жилище, тем краше становились они сами.

В одну из суббот дядя Витя заболел, и Рахматулла остался дома. Утром возле жены он увидел двух девушек, но вот уже наступил вечер, а они все не уходили. Когда Назимахон зашла на кухню, Рахматулла пил чай.

– Ну что, отправили, наконец, своих клиенток? – спросил Рахматулла, полуобернувшись к ней.

Назимахон достала из шкафа чашку и, подсев к нему напротив, сказала:

– Они не клиентки.

– А кто же?

– Ах, я вам еще не говорила? Да позавчера вечером они пришли и спросили, нет ли у нас свободной комнаты. Мне их так жалко стало... вот я и впустила... как квартиранток. Одна из Букинского района, другая из Гулистана, учатся в медтехникуме. Не смогла отказать... – виновато посмотрела на мужа Назимахон.

Рахматулла сильно разозлился и очень недовольно произнес:

– Не могла посоветоваться что ли?..

– Вас же целую неделю не было дома, как я могла посоветоваться? Не злитесь, пожалуйста, это же временно. В конце концов, маленькая комната всегда была пуста... Вы постоянно на работе, мне иногда страшно одной с двумя детьми...

Рахматулла не нашел, что ответить.

Должно быть, от того, что сама много страдала по чужим углам, Назимахон быстро сошлась с девчонками и жила с ними вполне дружно. Лишь Рахматулла своим мрачным видом еще долго выражал недовольство. Назимахон теперь не подпускала его к себе, говоря: «Девчонки услышат», и лишь иногда, когда квартирантки уезжали домой, он мог вкусить улады жены...

Гульсара и Дильдор были простыми искренними девушками, прожив год, они горячо попросились и съехали от них. В тот вечер Назимахон вручила ему шестьсот рублей:

– Вот выручка от Гульсары и Дильдор, – сказала она и добавила: на память...

Назимахон теперь не была прежней, она сильно изменилась, и тем самым все время его удивляла. Однажды вечером он застал ее стучащей за новенькой пишущей машинкой «Оптима».

– Это еще что? – удивился он.

– Можете поздравить, – сказала Назимахон, поднимаясь с места. – Заказывала в ГУМе одной знакомой продавщице, вчера она мне позвонила на работу, сегодня вот я и забрала. Посмотрите, самая лучшая марка! – она с любовью провела рукой по блестящей поверхности машинки.

– Зачем она вам?

– Буду писать роман, – прыснула Назимахон.

– Нет, серьезно! Чей-то заказ?

– Себе купила, научусь печатать.

– Для чего?

– Нужно! Ой, что это у вас в руках, мясо? Давайте его сюда... Я раньше не знала, оказывается на машинке такие деньги можно заработать! Страница сорок копеек! Халида-апа сказала, обещала научить.

– Это еще кто такая, сестра Халида?

– Вы ее не знаете, из моих клиенток. В редакции работает.

Не зная что сказать, Рахматулла опустил на стул.

– Устали? Сейчас я принесу поесть.

– Нет, я пойду. Дядя Витя ждет, у нас заказ на Тезиковке. Утром оттуда поеду прямо на работу, вечером у меня дежурство. А где дети?

– Да-а... – Назимахон испытующе посмотрела на него, будто вспомнив о чем-то важном. – Я детей оставила в садике, в круглосуточной группе.

– Что-о? – Рахматулла вскочил с места.

Увидев его состояние, Назимахон не на шутку перепугалась:

– Дел стало невпроворот... это временно...

– Зачем вы так сделали?! Зачем?! – задыхаясь прошептал Рахматулла. Они что, сироты? У них что, отец умер, или мать умерла?! Не хотите о них заботиться, скажите открыто, давайте сдадим их в детдом!

Прекрасные глаза Назимахон наполнились слезами, она принялась его умолять:

– Да не мучьте вы меня, я...

Рахматулла не в силах себя сдержать, махнул отчаянно рукой и кинулся почему-то в кухню, там в сердцах открыл и закрыл холодильник, потом направился в прихожую и стал надевать на ноги туфли, в это время из комнаты печально вышла Назимахон и нагнувшись принялась протирать ему обувь... Рахматулле стало жаль жену, бедная, ну в чем она виновата, подумал он, в том, что тянет на равных со мной воз, ведь она это делает не для себя, а ради дома, ради детей... Надо потерпеть. Все это временно, со всем немного осталось, потом все образуется...

Однако он, не переставая хмуриться, громко хлопнул дверью.

В четверг, завершив с дядей Витей работу, он вернулся домой в хорошем настроении. Назимахон его встретила с улыбкой, как будто ничего не произошло, всеми силами души привечая его, летала, как мотылек, дети все еще находились в саду, он промолчал – и быт их вновь налажился.

Между тем, прямо рядом с их домом построили и открыли вечернюю школу. Как-то раз, торопливо проходя мимо, он заметил на столбе объявление: школе срочно был нужен сторож. Он сорвал объявление и, забежав домой, показал Назимахон:

– У меня одна ночь свободная, может быть, оформимся на ваше имя, что скажете?

Назимахон не возражала, что ж, если временно, то...

– На ваше усмотрение, – сказала она, – если будет очень уж страшно одной, то возьму опять на постой каких-нибудь девчонок, они уже не раз приходили.

В данный же момент ей некогда даже голову поднять, перед ней гора рукописей: чья-то книга, чей-то диплом, какие-то диссертации.

Таким образом Рахматулла добровольно обрек себя на «изгнание» из дома. Теперь он обитал в основном на работе: на одной ночевал, на другой перекусывал, на третьей брился. Иногда такая жизнь казалась ему следствием ненасытности, но он не мог ничего с этим поделать.

Шли дни, месяцы.

Ближе к лету Рахматулла затеял большое дело, благодаря тонкому вкусу Назимахон, золотым рукам дяди Вити и молодой силе Рахматуллы, в их жилище произошло чудо. Деньги, оказывается, способны пробуждать мысль, идеи рождались одна за другой. После четырех месяцев капитального ремонта, его, как он в шутку назвал, «фундаментального труда» их квартира изменилась до неузнаваемости. Всюду, вплоть до туалета, были установлены дубовые двери. Надоевшую домашнюю утварь и старую мебель Рахматулла с удовольствием снес к мусорному баку. Отремонтированную по последнему слову строительного мастерства квартиру он обставил новой югославской

мебелью «Орхид», за три тысячи рублей купил японскую стереосистему, приобрел цветной телевизор с французским кинескопом, каждую комнату обвешал до потолка роскошными арабскими коврами – все было так, как он мечтал, а может быть и того лучше.

Муж и жена не могли нарадоваться. Все это было сделано их честным трудом, за счет их бессонных ночей, за счет отдыха, за счет лишения себя радости общения с детьми, за счет их страданий. У каждого предмета в доме своя история, эта история пропитана их кровью и потом и для них бесконечно дорога, священна!

Теперь в этих роскошных комнатах оставалось только наслаждаться жизнью, но, к сожалению, у Рахматуллы на это не было времени: с раннего утра он, как кот гонимый собакой, мчался с работы на работу, а в субботу и воскресенье его с нетерпением дожидался дядя Витя.

В один из осенних вечеров они устроили новоселье. Пришло много людей: приглашенные с трех работ Рахматуллы, коллектив Назимахон, восемь человек из лаборатории во главе с Муаттар Закировной, родственники из Самарканда и Маргилана, соседи, клиенты, квартиранты...

Вечер выдался на славу, все было на высшем уровне, всем было весело и приятно, гости восхищались, каждый желал себе такого же благополучия.

После того, как гости разошлись и остались самые близкие, отец Рахматуллы спросил:

– Ты переехал в другую квартиру, сынок?

Рахматулла, улыбнувшись, посмотрел на Назимахон. Назимахон не в силах скрыть своей радости, расставляя на стол сладости, улыбаясь ответила:

– Эта та же самая квартира, только сын ваш кое-что в ней переделал.

Назавтра отец собрался в дорогу. Когда Рахматулла, провозжая его, спустился с ним вниз, тот сказал:

– Скучно мне стало, сынок. Твой дом стал похож на магазин. Как вы в нем живете?

Рахматулла опять лишь улыбнулся.

– Ладно, будьте живы-здоровы, – сказал отец, прощаясь на вокзале. – Главное, зарабатывай себе на жизнь честным трудом, сынок. То, что добыто недозволенным путем, не пойдет впрок.

– Э, о чем вы мне говорите, отец? – произнес Рахматулла обиженно.

– Сейчас время сытное, – сказал отец, будто не слыша его слов, – все, что душе угодно, имеется. Вы не видели тех времен, когда люди жили в нужде, и не дай бог вам увидеть такое. Но нужду можно одолеть, а вот чрезмерную сытость... Не знаю, сынок.

Рахматулла вернулся домой с камнем в душе.

На следующий день вечером Назимахон, стуча на машинке, начала такой разговор:

– Если еще немного постараемся, то к весне сможем купить машину.

– Э, может, хватит уже! – сказал Рахматулла возмущенно. – Я устал, жить хочу нормально. Вон сколько лет работаю без отпуска. Вы тоже прекратите напрягаться, поухаживайте лучше за детьми, за собой...

– А что со мной? – произнесла она игриво. – Или... – приподняв голову, уставилась на него жеманно.

– В погоне за достатком все забросили. Я уже не помню, когда в последний раз брал в руки книгу.

– Машина тоже необходимость, – сказал Назимахон. – Я согласна, купим машину, потом, пожалуйста, можете возвращаться к своей научной работе.

Рахматулла даже присвистнул.

– Вы думаете, о чем говорите? Научная работа – это вам не баню строить!

– Э, стоит вам только захотеть...

– Мне теперь хочется только спокойной жизни.

– Хорошо, но сначала купите мне машину.

С одной стороны, Рахматулле хотелось жене многое сказать. Мол, Назимахон, если помните, мы познали и нужду: была вереница дней, когда мы сидели без денег.

В один из таких дней – вы не знаете этого Назимахон, – когда вы лежали в больнице с Эльзодом, нам не на что было приготовить еду и отвезти вам. Но мы преодолели эти дни, все уже позади, давайте теперь будем жить спокойно, дружно, радуясь тому, что есть, я тоже устал, ведь я не двуличный, я так старался ради дома, ради детей... Но с другой стороны... он понимал, что сейчас ушам Назимахон слышится лишь сигнал «Жигулей» марки «08».

Дни бежали за днями, прошло время.

В конце осени, наконец, сбылась их мечта: у подъезда появилась машина, «Жигули» молочного цвета. Правда, немного не хватило, но дядя Витя подсобил.

В субботу, как он уже планировал много лет, Рахматулла посадил в машину жену, сыновей и повез за город. Они поехали в сторону Паркента, где целых два дня наслаждались: пили кумыс, лазили по склонам гор, на обратном пути прихватили целую корзину «дамского пальчика», самого сладкого, с нежной кожей, винограда. От одной этой поездки усталость у Рахматуллы как рукой сняло, на душе стало легко и чисто.

В понедельник, взяв со стула старые джинсы, он стал поспешно натягивать их на себя, но Назимахон остановила его:

– Знаете что, оставьте эти брюки, не надевайте их больше.

– Почему? – удивился Рахматулла.

– Да вы их уже вдоволь поносили, сколько можно?!

– Да, ладно вам! – Рахматулла продолжал натягивать штаны.

– Нет, не надевайте. Вы хоть оглядываетесь на улице по сторонам?

– А что там?

– На кого ни посмотри, на всех джинсы. Совсем обесценились. Так что можете их больше не надевать. Я вам что-нибудь другое куплю.

Через два дня она подарила ему сшитые ею по последней моде брюки из китайского кашемира.

– На следующей неделе нам установят телефон, – сообщила новость Назимахон, когда он собирался уходить. – Теперь вам станет очень удобно. Так что можете дать суюнчи³.

– Правда? Вот это здорово! Надо же, как быстро очередь подошла.

Назимахон расхохоталась:

– Ох, и простодушный вы, хозяин! Ваша очередь и за тридцать лет не подойдет.

– А как же тогда? – растерялся Рахматулла.

– Да вот, выдался удобный случай.

Как выяснилось, Назимахон сшила вечернее платье некоей Сусанне Владимировне, которая оказалась одной из руководителей телефонной станции, они очень подружились, и та пообещала помочь с установкой, разумеется, надо будет поднести ей что-нибудь в подарок, как говорится, не подмажешь – не подъедешь, но зато дома будет телефон.

– Но ведь в наш дом линия еще не подведена? – сказал озадаченно Рахматулла.

– Почему это не подведена? У Захро вон уже два года как он установлен...

К чертовой матери! Опять эта Захро! Сколько можно говорить об этих соседях с пятого этажа! Когда только закончится эта гонка?!

Рахматулла, торопливо шагая, думал: как только рассчитается с долгом – уйдет из пожарной команды и сторожить бросит, и с дядей Витей расстанется, вот тогда отоспится вдоволь!..

Но, оказывается, планы Назимахон совсем другие, он обиделся. Вон она как заговорила: даже Сулеймановой горе придет конец, если потреблять, улегшись на боковую, в хозяйстве еще столько дыр, в этой пятилетке нужно приобрести видеомангитфон, съездить в путешествие в Японию, надо же мир посмотреть...

Рахматулла не стал с ней спорить.

В среду у него выдался свободный час, и он заглянул домой. Только было собрался выпить чаю, как вернулась с работы Назимахон.

³ Суюнчи – подарок за радостную весть.

– Вчера я напекла печенья для детей, чтобы они, придя в субботу, поели, – сказала она, выходя переодетой в халат и застывая скатерть. – Попробуйте и вы. Поесть вам, приготовить?

Рахматулла зачарованно засмотрелся на жену.

– Как вы похорошили... – прошептал он, обнимая ее за тонкую талию.

– Оставьте меня, у меня еще куча недоделанных дел. Ну не надо...

– Я соскучился по Кундуз. Очень, очень... – прошептал Рахматулла. – Когда...

– Э, зачем это нужно? Я теперь хоть убей, не стану рожать.

– А вот и нет! Кто это вам позволит? – шутливо пригрозил Рахматулла. – Еще...

– Вы думаете, легко рожать? Хватит, настрадалась уже! Я тоже хочу пожить в свое удовольствие. Приготовить что-нибудь, чего молчите?

– Нет, – произнес Рахматулла, как-то вдруг сникнув. – Я сейчас уйду.

Это событие произошло в среду. В четверг дядя Витя увез его работать на Чиланзар, оттуда он утром поехал на свою основную работу. Вчерашний труд был очень тяжок, а позавчера в Старом городе до утра тушили пожар, и теперь голова была тяжела, как чугун.

Ближе к вечеру он выехал из Юнусабада, чтобы привезти рабочих. Несмотря на то, что солнце уже садилось, было очень жарко, воздух раскален, как металл, чем больше вдыхаешь, тем жарче в груди. Возле кинотеатра «Казахстан» загорелся красный свет светофора, он остановил машину, всматриваясь в дорогу, вздрогнув, с трудом приподнял отяжелевшие, как свинец, веки. Проезжая мимо парка Победы, он на мгновение, на секунду, задремал...

Хоронили его в субботу, ровно в полдень. Из Самарканда утренним рейсом прилетели родственники. Все рыдали – от мала до велика.

Люди пришли отовсюду, с трех его работ. Оказывается, везде его очень любили. Все три организации выделили материальную помощь и вручили Назимахон.

За одну ночь Назимахон превратилась в тень, глаза ее смотрели на человека бессмысленно, от денег она отказалась.

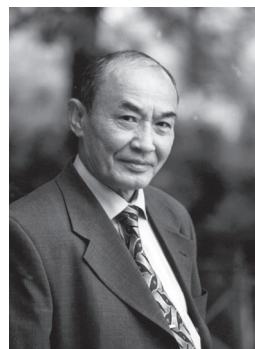
– Ничего не нужно, – прошептала она, – ничего...

После трехдневного траура Назимахон, облачившись в черное, приступила к работе. Ей хотели предоставить отпуск, но она отказалась. Теперь она по вечерам как всегда работает: то на швейной, то на пишущей машинках. Двадцатидневные поминки Рахматуллы она хочет провести очень пышно – приготовить плов из двухсот килограммов риса, созвать людей со всей округи, пригласить коллег с трех работ, позвать родственников из Самарканда и Маргилана и еще много, много людей...

Перевод с узбекского Раъно Азимовой

Абдулла АРИПОВ

Абдулла Арипов – Герой Узбекистана, народный поэт, активный общественный деятель. Родился в 1941 году в селении Некуз Косонского района Кашкадарьинской области. Автор многочисленных поэтических сборников. А. Арипову принадлежат переводы на узбекский язык «Божественной комедии» Данте, стихов Некрасова, Л. Украинки, Т. Шевченко, К. Кулиева и других поэтов.

* * *

Прошай, прошай –
Во мне твое прощание.
Прошай, ведь ты ушла, невинная газель.
Где ты теперь, в каком ты мирозданье,
Чья пред тобою распахнулась дверь?

Тебя я поздно встретил – рано потерял,
Кляни, достоин я твоих проклятий.
В сердцах чужих людей любовь к себе снискал,
Но сам не оценил твоих объятий.

О, как запутан мир души людской,
Как бесконечны драмы и страдания.
На сей раз сам я стал всему виной,
Ужель дана мне песня в наказание?

Прошай, прошай – во мне твое прощание,
Прошай, ведь ты ушла, невинная газель.
Где и в каком ты скрылась мирозданье,
Чьей верной спутницей ты нарекалась теперь?

Смогло ли счастье отыскать тебя,
Кто нынче сердцу твоему стал дорог,
По ком тоскуешь в этот день, грустя,
Души моей истерзанной осколок?!

* * *

Осенние ветры повеяли снова,
Тревожа уснувшие грезы мои.
Как нить паутины, скользящей безмолвно,
Приди, дорогая, мой ангел, приди.

Мы будем бродить в предвечернем тумане,
Нам звезды озябшие будут мерцать.

Пусть ветер-бродяга и дождь неустанный
За нами следы наши будут смывать.

Увядавшие листья в садах опадают,
Их шелест пускай не студит твою кровь.
Они только тени, а тени не знают,
Сколь велика и бессмертна любовь.

Не сетуя, молча, без слов сожаленья,
На мир беспредельный мы будем смотреть.
А осень, как чье-то сгоревшее сердце,
Вокруг продолжает задумчиво тлеть...

* * *

Прошу, те дни не вороши с тоской,
Угасшим взором не терзай мне душу.
Я для тебя теперь совсем чужой,
Свиданий мне твоих теперь не нужно.

Порой печалюсь, радуясь порой,
Я жил своей любовью окрыленный.
Не знаю я, когда, и в миг какой
Ловец исполнил замысел свой черный.

В его руках теперь судьба моя,
А в сердце боль прекрасного страдания.
Те дни не вороши, прошу тебя,
Прошу, не мучь меня воспоминанием.

Пусть трогает печаль моя других,
Лишь ты не огорчайся вместе с ними.
Лишь ты не возноси мой скромный стих,
Лишь ты не защищай поэта имя.

Волнуясь, мне навстречу не спеши,
Лишь ты не будь приветлива со мною.
Увы, все чувства нежные твои
Мне кажутся теперь насмешкой злою...

* * *

В разгар весны осеннее дыханье,
Ночная свежесть сердце холодит.
Зачем напев свирели так печален,
Зачем душа так ноет и болит?

Скользкий луч звезды заледеневшей
Меж листьев сада тянется блестя.
Я не пойму душой оцепеневшей,
Какая память мучает меня?

Как воины в минуту поражения,
Уныло смотрят кроны тополей.
И девушки усталой сновиденья,
Бессильные, витают средь теней.

Вокруг меня гнетущее молчание,
Не в силах я унять свою тоску.
В разгар весны осеннее дыхание,
Я ничего поделатъ не могу.

Послание

Я посвящал тебе свои газели
И пел ночами для тебя одной.
Увы, теперь те годы пролетели,
Теперь тобой любитесь другой.

Слышал я, иногда в саду осеннем,
Уединяясь, любишь ты гулять.
И повторяешь грустные газели,
Листая пожелтевшую тетрадь.

И я гляжу порою на дорогу,
Встречая грудью солнечный рассвет,
И память о тебе дает подмогу,
И память о тебе хранит от бед.

Но от разлуки некуда деваться,
Лишь вечное терпенье наш удел.
И продолжает ветхий мир смеяться
Над всеми, кто в огне любви сгорел.

Зачем жалеть, раскаиваться в чем-то,
Коль в жизни сей потерь не миновать.
Нам остается только притерпеться,
Нам остается только забывать.

Пройдут года, и молодость растает,
Угаснут силы, и остынет пыл,
И нам тогда достаточно, вздыхая
Промолвить тихо: «Внучек, я любил...».

Рауф ПАРФИ

Рауф Парфи (1943 - 2005) – народный поэт Узбекистана, переводчик. Родился в селе Шуралисай под Ташкентом. Начал публиковаться с 1957 г. Книги стихов: «Путь каравана», «Эхо», «Видения», «Память», «Глаза», «Возвращение» и др. Перевел на узбекский язык Байрона («Манфред»), Назыма Хикмета («Человеческая панорама»), Карло Каладзе («Душа моря»), Энвера Селямета («Золотой топор»).

Сердце

Добро ли, зло, как будто все одно,
Дороги, сердце – все к тебе открыты.
Горишь судьбы превратностям назло,
Горишь и не сгораешь все равно ты.

И на распутье я стоял не раз,
Меня не раз терзали думы.
О, сколько, сердце, о тебе подчас
Я пел как соловей неумоимо.

Быть может, иногда я лгал тебе,
Быть может, от тебя сам натерпелся,
Сегодня трезво говорю вполне,
Ты все же правым оказалось, сердце!

Под этим небом нам бродить еще,
Осмысливая жизнь еще скитаться,
А если ты не выдержишь, ну, что ж,
Лишь бедный мир наш смог бы удержаться.

Взывая к небу, пусть я закричу,
Взбунтуюсь я по праву убежденья,
Но только светлым видеть мир хочу,
Благословенное хочу я видеть время.

Хоть узник я твоих свободных чар,
Они мое пристанище и счастье.
Мне лишь бы оценить твой щедрый дар,
На полпути мне лишь бы не сорваться.

Чудесный край, ты в сердце у меня.
И радости, и горести в тебе.
Откликнись, слыша пение соловья,
Возможно, кто-то вспомнит обо мне.

Скажи мне, сердце, что там впереди,
Смогу ли петь, отрекшись от себя,
И хладнокровно вырвав из груди,
На лист бумаги положить тебя?

И ты тогда, не отводя глаза,
Поделишься печалью несравненной.
До этого – сей мир понять нельзя,
До этого – не будет вдохновения!

Чувства, как вино молодое

От этих чувств мир в светлом озаренье,
Волною звонкой радость наплывает.
О, счастье, будто звезды в отдаленье
Свечу очарованья зажигают.

Взгляните, небом просветлело сердце,
На белизну листа легла бескрайность.
Мой дух, пари высоко в поднебесье
Ты, на заре под облака взмываясь.

Эй, небеса, земная твердь, эй люди!
Пусть полнится цветами светлый путь,
Ведь терпит человек красоты мира.

Сегодня мир другой, другой ты будь,
Пой раз и раз умри – свободной будь,
И знай, что муки ведает обида...

Родник

(Памяти писателя Айбека)

Средь гор прозрачный светится родник,
Вокруг чуть слышно шелестит трава.
Незыблема, тут дышит красота.
Лучом задумчивым бежит родник,
В воде, как вечность, плавает луна.

Увы, внезапно ветер налетел,
Куда же он родник прозрачный дел?
Незыблемая скрылась красота!
Взираю нынче я на небеса,
Там вновь, как вечность, плавает луна...

Халима ХУДАЙБЕРДИЕВА

Халима Худайбердиева родилась в 1947 году в Баяутском районе Сырдарьинской области. Народный поэт Узбекистана, публицист, переводчик. Автор более 20 поэтических сборников.

* * *

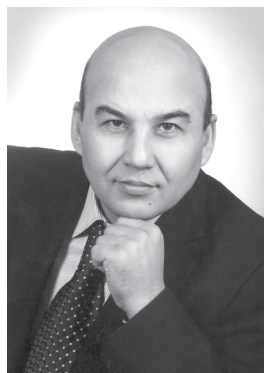
Мой друг, признаться, вас судьба в час вдохновения сотворила,
 Задумчиво одних лепя, вас в час веселья сотворила.
 Вас совершенством наделив по щедрости своей случайно,
 Сама же зависти полна, к себе ревнуя, сотворила.
 Вы брошенный украдкой взгляд, за горечь зря не принимайте,
 Любовь девичья – суший ад, ее за рай не принимайте.
 Не мучьте вы ее, без вас душа истерзана до крови,
 Вы с легкостью души сей мрак за синь небес не принимайте.
 Вы, словно сказочный Фархад, скажите, где Ширин, мой друг,
 Меня мечты мои казнят, поет свирель о том, мой друг.
 Волнуясь мыслями с утра, моих как ночь косичек черных,
 Рассыпаясь, плещет водопад кипящим жемчугом, мой друг.
 Что говорить, ведь я себя считать не смею вашей ровней,
 Но, а с другой пойдете вы, вам не знаять дороги ровной.
 Я никому вас не отдам ни наяву, ни в сновиденьях,
 Вы, не колеблясь, все пути усеите иглами, мой друг.
 Превозмогая боль в ступнях, пойду по ним, легко ступая,
 И осушу бокал с вином любви отравленной сама я.
 Не предлагая никому, в пути ни с кем я не делюсь,
 Гонимая своей любовью, пойду за вами я пылая.
 Вы будете удивлены, меня увидев в час свидания,
 И вряд ли станут вам нужны тогда холодные создания.
 Огнем своим вас опалив, сама уйду я, так как, вряд ли,
 Вы мне останетесь верны любви не ведавший страдания.
 Я вас с собой не позову, пускай сгорю в огне любви,
 Но и другой не уступлю непостоянного, как вы.
 Мой друг, признаться вас судьба в час вдохновенья сотворила..

Переводы с узбекского Хуршиды Маматовой

Улугбек ХАМДАМ

Улугбек Хамдам родился в 1968 году в Мархаматском районе Андижанской области, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института языка и литературы АН Узбекистана, главный редактор журналов «Шарк Юлдузи» и «Звезда Востока». Автор многочисленных научных статей, монографий, посвященных актуальным проблемам современной узбекской литературы, поэт, писатель, переводчик, член Союза писателей Узбекистана.

Улугбек Хамдам автор нескольких поэтических сборников: «Бунт, который ведет к Богу», «Цветок розы», «Я ждал тебя»; сборников рассказов и повестей: «Одиночество», «Далекая Дильнура»; романов: «Равновесие», «Бунт и смирение», «Сабо и Самандар».

ОДИНОЧЕСТВО

Повесть

*Я на куски разорван – где же ты?
И в сердце моем пропасть – где же ты?
И я в нее срываюсь – где же ты?
Я одинок, подавлен – где же ты?
Я на куски разорван – где же ты?..*

I ЧАСТЬ

В тот день я направился к другу, чтобы немного поболтать с ним. Пришел, нажал на кнопку звонка – ни звука! Снова нажал – тишина. Только хотел повернуться и уйти, как вдруг из-за двери послышался резкий и громкий стук. Прислушался: через мгновение этот странный стук повторился. Насторожившись, толкнул дверь – она оказалась незапертой, открылась. Я окликнул друга по имени, но мне никто не ответил, и только снова что-то резко и отрывисто грохнуло. Встревоженный и удивленный, я вошел в дом. Там царил полный хаос! В гостиной на полу валялись книги, тетради, исписанные и разрисованные листы бумаги, детские игрушки, небрежно брошенная мужская и женская одежда. Стулья были расставлены, как попало; на неубранном столе сиротливо стояли чайник и пиала, рядом с ними – нож, хлеб. Несмотря на солнечный день, в комнате горел свет.

В эту минуту снова раздался громкий стук: оказалось, это стучали раскачиваемые ветром открытые ставни. Я невольно шагнул к окну. Вздыхающаяся парусом белая шелковая занавеска нежно коснулась моего лица. Я выглянул наружу и увидел роищу. Колеблюмые ветром деревья шумели, шелестели, шептались... Я замер, с нарастающим беспокойством прислушиваясь к этому «шелесту»... Внезапно меня передернуло!

Отойдя от окна, я безвольно опустился на один из подвернувшихся мне стульев и закрыл глаза – продолжая чутко улавливать тревожный шепот деревьев. Я сидел и

слушал. Долго-долго сидел и слушал... Потом, пересилив себя, с трудом разомкнул тяжелые веки, медленно нагнулся и подобрал тетрадь, лежавшую на полу, у моих ног...

II ЧАСТЬ

Вот так все и началось – **с того самого дня**. До «того дня» жизнь моя текла размеренно и спокойно: утром я уходил на работу, вечером возвращался. Меня мало заботило все то, что находилось «за пределами» проблем моей семьи, моей службы, моего материального благосостояния. Мои «мирские дела» вершились удачно, и я был азартно увлечен особым «подсчетом», фиксирующим рост моего благосостояния. Для меня это были не просто «цифры» – это были показатели моего места в обществе, символы моего «сегодня» и «завтра»! В них были закодированы все контуры и краски моей жизни, смысл и значимость моего пребывания в этом грешном материальном мире.

В углу, на полу, играет мой сын: что-то лопочет про себя, передвигает с места на место игрушки, а я с замиранием сердца наблюдаю за ним. Или кричу: «Мы будем сегодня кушать, в конце концов?!» – и тороплю свою жену, хлопчущую на кухне... У меня все прекрасно! Я пьян от жизни! Я умен и здоров, силен и удачлив! Вот эта красивая, стройная женщина – спутница моей жизни, а играющий на полу и так похожий на меня черноголовый малыш (слава Богу!) мой сын! По сути дела, у меня есть все: работа, о которой многие могут только мечтать, прекрасная семья, уютный и теплый дом. И еще – бесконечная хвала Богу! – родители мои живы и здоровы, братья и сестры благополучно устроены, друзьями и хорошими знакомыми я не обделен. Ну, скажите, что еще нужно простому парню? Грех желать большей удачи!

Итак, я твердо стоял на ногах, как бы огражденный от всего негатива этого мира своим «железобетонным» счастьем, и, казалось, что эта «ограда» никогда не разрушится. Ведь для чего человеку дан разум? Да, прежде всего, для того, чтобы удержать свою птицу счастья. Разве мыслящий человек упустит ее? Да он примет все меры, сделает все возможное и невозможное, чтобы обеспечить этой «птице» оседлый образ жизни. К такому типу «мыслящих людей» принадлежу и я...

Но... ворвался в мои уши тревожный шум деревьев и – все свел на нет: вся моя «железобетонная» логика рухнула, эйфория развеялась!.. Зато появилось неприятное ощущение: будто совершил я преступление, о котором никто не знал, кроме моей совести. И вот эта совесть внезапно «проснулась и заговорила», и повергла меня в странное состояние...

Уже трижды жена приходила звать меня на ужин, а я не могу сдвинуться с места: что-то сломалось у меня внутри. Я утратил нечто очень важное! И я даже знаю «что» – **душевный покой!**

А деревья все шумят и шумят. Этот шорох, шепот, шелест все явственней и ближе, и я следую за ним, и я тону в нем. И в тот момент, когда он окончательно поглощает меня, я вдруг четко и ясно понимаю: это не просто шум – это музыка, удивительная, неповторимая мелодия! В этом шелесте листьев, даже в самом слове «**ш-е-л-е-с-т**», в чудном сплетении его шипящих и свистящих звуков ошущается **вечное движение**, точнее, «**мелодия вечности**». Как знать, не от этой ли «мелодии» разлетелось на куски мое зыбкое счастье? Во всяком случае, теперь мое душевное состояние стало совершенно иным. В «момент истины» мне открылась тайна, о которой я раньше не ведал. Отныне я уже не был Победителем, но не был и Победленным. Я вдруг почувствовал, что провалился в некое безымянное МЕЖДУ, и... стал ОДИНОКИМ. А может быть, это «МЕЖДУ» и есть «ОДИНОЧЕСТВО»? Может быть, оно так и называется?.. И несет в себе бесконечное страдание...

* * *

Пустота...

Как отец, потерявший ребенка на шумном базаре, я озираюсь по сторонам – нет моего сына! Нет!!! В глаза лезут незнакомые, чужие и – хуже того! – до отвращения омерзительные рожи... Я жадно всматриваюсь в них, **я ишу**, и... сердце мое замирает

от нестерпимой боли! Кидаясь во все стороны, высматриваю в толпе только одно лицо – **родное мне лицо! ГДЕ ЖЕ ОНО? ГДЕ?!** Осталось только вонзить пальцы в свою грудь и вырвать сердце! И таким образом избавиться от непереносимой, терзающей муки!..

Какая жуткая боль! Я проваливаюсь в ее глубокую западню и – падаю, падаю, падаю... Руки мои – вилы – ищут, во что бы вонзиться, за что зацепиться! И, наконец, они выбирают... карандаш: и я пишу, пишу, пишу...

* * *

Временами душа моя, мое Внутреннее скрытое и непостижимое «Я», словно лаская и целуя, обволакивает меня, тянет в свои неизведанные глубины. И тогда мое Внешнее «Я» неподвижно застывает перед ним, как жаба, остолбеневшая под гипнозом змеиных глаз. А «глубины» зовут, затягивают, манят... И если говорить честно, этот «процесс» мне очень и очень приятен. Он позволяет забыть, отрешиться от бесконечных проблем материального мира, и потому мне не хочется «покидать свою душу», не хочется возвращаться к жестоким реалиям бытия.

Но что делать? Жизнь есть жизнь: она диктует свои правила, заставляя каждого из нас заботиться о личном повседневном существовании. Волей-неволей, приходится мириться со своей долей и все-таки «покидать» манящие глубины сладких грез. Без настроения и сил я возвращаюсь в реальный мир, где у всех одна дорога, где все мечутся, носятся, обивают пороги, добывая свой хлеб насушный. В этом мире и я превращаюсь в «одного из всех», и меня терзают те же желания и страсти, и я – раб каждодневного существования. Я не лучше других и не хуже. Но именно это для меня тяжелее всего, страшнее всего, потому что, искренне и глубоко страдая, я чувствую, что разрываюсь на куски, что **я разрушаюсь!** Сущность моя превращается в поле брани, на котором две моих части, два моих «Я» – Внутреннее и Внешнее – скрещивают шпаги в жестоком и непримиримом бою. Кого бы ни ранило – страдаю я! Кто бы ни победил, побежденным оказываюсь я! «У нас один путь – согласие!» – кричу я в отчаянии, однако...

* * *

Мои неудачи в материальном мире от моей Внутренней сущности, моего Внутреннего «Я». А та беда моя, что не становлюсь я дервишем и не следую до конца по Пути Любви за великим отшельником Машрабом, – это «Я» меня Внешнего, уверенного в том, что и материальная сторона жизни необходима человеку. Я не пошел по пути аскетов. И хотя в минуты сильного душевного волнения никого не признаю и гроша ломаного не дам за весь этот мир, а лишь качаюсь на волнах загадочных широт и тянусь куда-то или к кому-то с неудержимым и непобедимым желанием, с тоской и волнением, я знаю, что все равно наступит момент «слома», и я, «взяв себя в руки», «вернусь» в этот бранный мир. Этот «момент слома» – период оцепенения – и есть для меня некий переход из одного мира в другой. В этот «момент» я могу быть резким, могу повздорить с окружающими, в частности, со своей женой. Безусловно, она (как, в общем-то, и все вокруг), желает видеть меня только в образе моего Внешнего «Я», поскольку в этом «образе» ее муж переживает за свою семью, бегаем на базар за покупками, занимается хозяйством, зарабатывает деньги, суетится вокруг нее и ребенка, одним словом, в поте лица своего «творит мир», который можно «пощупать руками». И ведь **этот «Я» действительно Я!...**

Так что же для меня важнее всего? Каким делом мне заняться? Чему посвятить свою жизнь, силу своего разума и таланта, пыл своего сердца? С одной стороны, я вроде бы твердо знаю, чего хочу в этой жизни, с другой стороны, нет. Более того, я все чаще прихожу к выводу о том, что все (ну или почти все!), что до сих пор казалось мне неоспоримо правильным, – на деле является спорным и даже фальшивым. Меня это мучает! Мне хочется найти ответы на многие и многие вопросы! И тогда я избираю единственно приемлемый для меня Путь: **я буду писать обо всем так, как оно есть; я беру на себя смелость прямо взглянуть в ужасающее, покрытое синяками и кровоподтеками лицо Истине, и... будь что будет.**

* * *

Мурашки бегут по моему телу, и сущность моя «растворяется»... Я не просто счастлив – я сам есть счастье! Я ни в ком и ни в чем не нуждаюсь. Наступает упоительный миг – и я сливаюсь с моим Внутренним «Я», с моей душой. Я разрываю цепи, связующие меня с материальным миром, и передо мной возникает огромное пространство. Но, к сожалению, я совершенно не понимаю «языка» этого «пространства» и очень, очень боюсь, что оно превратится во всепоглощающую Пустоту...

Протяни же мне руку, Боже!..

* * *

Уже давно душа моя ищет уединения. Но не с целью сбежать от людей и стать отшельником, нет, ни в коем случае! Скорее для того, чтобы «освободить сосуд», излить «печали и радости своего сердца»! Но видно все не судьба, и я мечусь в замешательстве, не зная, как приступить к выполнению этой задачи. То я, как наполненный воздухом шарик в руках малыша, рвусь в небо и с нетерпением жду, когда «малыш» отпустит нить и... освободит меня, то жажду «сравнить воздух» и вернуться на землю, чтобы вдоволь насладиться ею. И в такой момент мне кажется: коснутся ноги мои земли, и стану я самым могущественным из людей! Мечты... Истина же заключается в том, что повис я между небом и землей, что я опять МЕЖДУ...

* * *

Я не один, меня тысячи, миллионы! И от этого все мои страдания. Сколько живу, все сгораю от желания собрать воедино все разбросанные части Многоликого Меня. Господи, Боже мой, только Ты и можешь помочь мне в этом! Но, где же ты, Господи? В поисках Тебя я весь мир перевернул с ног на голову! Бесмысленные поиски, но нет сил у меня прекратить их, потому что, как только желаю отрешиться от духовного и жить только «материальным», – Ты вновь смущаешь мою душу. Господи, Ты ли испытываешь меня, или судьба моя злосчастлива? – не знаю...

* * *

Покачиваясь в колыбели печальной мелодии, слотнул я, как бы пытаюсь скрыть волнение, и снова ощутил в горле знакомую боль. В голове пронеслось: «Лишь бы не саратон¹». Но вместо страха ощутил в своем сердце удивительный покой и поразился: Боже мой! Что же есть **такого** в моей душе, что перед этим **«таким»** даже жизнь моя для меня незначительна?! Почему я не бросаю все свои дела, чтобы немедленно заняться своим здоровьем? Что препятствует мне в этом? Кто же этот **тот**, кто делает мою жизнь такой невзрачной и ничтожной? Кто?!..

* * *

Лежу, ласкаю свою жену и с удовлетворением осознаю, что мы оба испытываем от нашей близости огромную, истинную радость! И вдруг, в момент непередаваемого наслаждения, из меня вырывается **НЕКТО** – вырывается из моей груди, отделяется, отделяется, смотрит на нас, лежащих, и... горько жалеет нас! Нет, не только нас, он жалеет всех мужчин и женщин, все человечество, искренне считающее, что именно интимная близость и есть ни с чем не сравнимая вершина блаженства! Внезапно я ощушаю **ЕГО** брезгливость ко всему роду людскому, к жалкой участи приговоренных блаженствовать именно «таким путем» и жить именно «таким образом». Потом **ОН** отдаляется.... тает... и последнее, что я ощушаю, – его презрительно-равнодушный взгляд...

* * *

Лето!

Вечер!

Я – на пятом этаже. Открыл окно и жадно вдыхаю напоенный прохладой воздух. «Стартовавшая» под напором ветра «волна» густой зеленой роши, подобно морской

¹ Саратон – рак (смертельная болезнь).

волне, вздымаясь и опадая, «бьется о берег» – прямо у моих ног. Живительная прохлада ласкает меня, нежит мою душу, а взор мой, наслаждаясь, «обнимает» полную красавицу луну, царствующую на небе. Любуясь волшебным ликом надвигающейся ночи, я вдруг почувствовал, что теряю душевное равновесие, хмелею. Сердце стало захлебываться от прилива эмоций, и я осознал тщетность усилий выразить «в слове» всю полноту, все непередаваемые нюансы и краски потрясающего, неповторимого великолепия природы!

Эти строки появились лишь спустя неделю, когда я смог, наконец, осмыслить свое состояние и описать (и то лишь весьма приблизительно!) упоительное очарование того удивительного вечера.

Тихо покачивая вершинами, роша купается в лунных лучах. Я люблю красоту этой роши, и сердце мое волнуется и трепещет. В этом магическом пейзаже я ощущаю удивительную ЧИСТОТУ, и в душе моей тут же рождается желание стать частью этой роши, превратиться в дерево, озаренное небесным сиянием.

И вдруг, мне становится неуютно, нехорошо... Появляется странное, гнетущее ощущение дискомфорта: будто прилипло ко мне что-то и исходит неприятный запах. Стыдно!.. Я мчусь в ванную, принимаю душ – не помогает! Не помогает потому, что я четко и ясно осознаю, насколько выше и чище меня эта роша, кружащаяся в суфийской молитве «самое» под аккомпанемент лунного луча. И в сердце моем растет, усиливается желание продлить жизнь, став этой рошей – ее деревом, или хотя бы веточкой, или, на худой конец, листком.

«И это тот «Я», который гордо трубит на весь мир о величии Человека!», – такая мысль с быстротой молнии проносится в моей голове, вонзается кинжалом в мое сердце и... застревает в нем.

* * *

До каких же пор мне ходить в этом «рабском образе»? Я уже вконец измучился! Сколько еще должен жить я, ожидая Тебя, мечтая вернуться к Тебе, молиться Тебе и, наконец, стать частицей Тебя, Твоей Вечности?! Надоело! Меня уже давно тяготят мои метания, мои вечные поиски «**смысла жизни!**»! Боже! Я не могу найти **самого себя!** Меня нет! Где же Я? Внутренне я осознаю себя «разбитым» на тысячи мелких кусочков. Какой из этих «кусочков» истинный Я? Кто я такой? Человек ли я, который каждое утро взывает к Тебе с мольбой о чистой жизни и клянется избегать греха? Или же лицемер, не умеющий сдержать свою клятву даже до вечера?! Лицемер, который, прикрываясь «своей правдой», прячась за нее, пускается днем во все тяжкие, а ночью не находит себе покоя, мучается, страдает, ворочается в постели до следующего утра. Кто же я на самом деле? Очковтиратель, не имеющий за душой ничего, кроме завышенных претензий на высокие научные титулы и жажды «признания в вечности», или действительно ученый, не мыслящий своей жизни без свершений и открытий, приобретений и потерь, получения и распространения знаний? Кто я? В моей душе живут тысячи, миллионы бойцов, и происходят тысячи, миллионы сражений: вот только где Я? На чьей Я стороне?

О Господи! Я потерял себя. Я совсем «измельчал», растворился среди ничтожных житейских забот, которыми сыт по горло. Не имея сил вырваться из этого «рабского омота», я опротивел сам себе. В бесконечной круговерти суеты, не зная ни отдыха, ни перерыва, я бесконечно выполняю какие-то обязанности, решаю какие-то проблемы... – какая тоска! Согласись, обидно всю жизнь, подобно «запрограммированному» муравью, снова по «прочерченным» дорожкам, чтобы однажды просто... взять и умереть. Нет, что-то во всем этом не так! И вот что я скажу: этот мир – мир который я знаю – не есть **Истинная Производная Всего Твоего Могушества, Господи! А я жажду увидеть и познать Истинное!**

* * *

... Я так и не смог утолить своей печали! **ОН** заставил скитаться меня, как бездомную собаку; «ударив» по рукам, лишил работы; жарким дуновением своим разбудил

мою душу и изгнал из нее мирские желания. Глаза мои ввалились оттого, что сумел я увидеть **ЕГО ИСПЕПЕЛЯЮЩИЙ ОГОНЬ!** Эй, друг, если ты не ошушаешь в своей душе подобного жара, не приближайся ко мне!..

* * *

Я все понимаю, все ошушаю на вкус. Я словно внимательный зритель, наслаждающийся театральной постановкой. Но самое интересное заключается в том, что я не только **зритель**, но одновременно и **актер**, занятый в этой постановке. Получается так: будучи зрителем, я пристально наблюдаю за игрой **актера N**, а, будучи актером, всем существом своим остро ошушаю взгляд **зрителя N**. Я как в западне. Мне жаль меня и того, и другого, и зрителя, и актера. И вновь возникает вопрос: кто же «из них» истинный Я? Неужели желание человека «**быть самим собой**» неугодно Богу? Как же так? Почему? Ведь Бог сам по себе неотделим от меня! Точнее, я неотделим от Бога! Может быть, именно эта «тоскующая часть меня» и есть «кусочек Всевышнего» во мне?.. Не знаю... Я ужасно устал, и все-таки порою моя кровь начинает бешено струиться по жилам, и в сердце загорается жажда бунта...

* * *

Эй, соловей, заливающийся в цветнике! Возможно, тоска рождается в душе человека оттого, что не дано ему быть таким, как ты? О, если бы мог человек уподобиться тебе, чтобы, забыв свои многочисленные горести и печали, «слиться» воедино с природой, став чарующей слух трелью, – может быть, тогда не тосковал бы он так сурово, не сходил бы с ума от дум, терзающих сердце! Сущность человека – скопление «горестных наслоений» страданий, обид, боли, ненависти, злобы, зависти, отчаяния... – результат трудной жизни, тяжкого труда. А сердце человека – раскаленная топка, в которой бушует огонь, пожирающий его жизнь! (может быть, это и есть АД?).

Пой, соловей, пой! Дай мне насладиться твоим дивным голосом так, чтобы, забывшись хоть на миг, всем существом своим ощутить удивительное состояние свободы! Чем выше ты берешь ноту, тем легче и радостней становится у меня на сердце, и, наконец, наступает миг, когда, опьяненный твоим пением, я «сливаюсь» с тобой, и грезится, что это уже не ты, а я вывожу невысказанные сладчайшие рулады! (может быть, это и есть РАЙ?)

Иногда во сне я вижу себя поющим, берущим высокие и чистые ноты. И вновь я как бы раздваиваюсь и смотрю на себя «со стороны», и внимательно слушаю собственное пение, с облегчением и радостью ошушая, как дробится и «тает» ледяная глыба печали в моем сердце. Пою и... слушаю. Проснувшись, ошушаю потрясающую легкость во всем теле и радость в душе. Увы, только во сне человек, чье бодрствующее сознание опутано тысячами условностей, может парить свободной птицей!

Эй, соловей, чья звонкая трель звучит из бело-розовой пены цветущего урюка! Пой! Пой так, чтобы я, ЧЕЛОВЕК, считающийся венцом вселенной, возжаждал уподобиться тебе, чтобы, замороженный твоей песней, пропал бы в ее страстном огне, как мифическая саламандра!

* * *

В желудке у меня – прямо под грудной клеткой – затаилась язва. Временами она изводит меня так, что хочется вонзить пальцы в грудь и выдрать ее! и вышвырнуть вон!.. Последнее время часто думаю о смерти. Неужели мучающая меня болезнь и есть приговор судьбы? Что бы там ни было, но сейчас я испытываю страстное желание писать, «снять копию» с самого себя, «отделив» свои мысли, свое духовное «Я» от разрушающегося тела, и таким путем продлить угасающую жизнь.

«ЖАЖДА ЖИЗНИ – альфа и омега всего сухого на земле», – шепчу я сам себе...

* * *

Нет, я живу, я чувствую и вновь с трепещущим сердцем складываю сбивчивые и несуразные строки. Но чувства мои вновь с привкусом горечи. Я подавлен и уничто-

жен. Радость, почему ты так редко посещаешь мое сердце? Лишь в горестных столах – мое утешение, потому что снова **все дороги ведут только к НЕЙ** (любимая, я стремлюсь к тебе, я желаю тебя!..).

«Женщина создана из ребра мужчины, и только при «воссоединении частей» возможно ощущение ИСТИННОГО ЕДИНСТВА, СОЮЗА, СЧАСТЬЯ!», – так утверждают в моем сознании наставления из духовных книг...

У меня масса дел, но за что бы я ни взялся, везде и во всем вижу только ЕЕ! Я вконец извелся... Моя любовь – это мое мучение, моя болезнь! Я пациент, «зараженный» вирусом губительной страсти, несчастный раб, которому не под силу разорвать сковывающие его цепи.

Увы, на земле много подобных мне «рабов», мечты которых зафиксированы на одном – на обладании любимой женщиной! Однако, бесстрастно проанализировав свое состояние, я все-таки отдаю себе отчет в том, что в отличие от «многих» еще способен контролировать свои чувства и поступки, и потому прекрасно понимаю: **воссоединение с НЕЙ равносильно... потере.**

Я был влюблен в Весну! Весна позволила мне прикоснуться к ее шелковистым кудрам... и что же потом? А потом я начал скучать...

* * *

Насколько это больно и горько – сгореть в твоём огне, настолько и сладостно. Это равносильно печали разлуки. Разлука входит в сердце человека с болью, но в то же время она готовит в нем почву для будущей встречи, а значит, и будущей радости. Не могут быть сладостными свидания без разлук. А сладость разлуки – в муках сердца и ожидании встречи. Именно так я люблю тебя – радостно и печально. Ты – прекрасный тиран, отобравший мою свободу! Ты – страдание, дарующее мне блаженство!

Я тоскую по тебе, и я ошущаю: причина моей тоски в том, что во мне есть частичка тебя. Сам того не осознавая, я «выкрал» ее у тебя в чудесные минуты нашей близости, и теперь твой образ – часть меня, моей души. И какие бы ветра не леденили мое сердце, ты согреваешь его, ты снова появляешься на моем жизненном пути и... снова подчиняешь меня себе.

Может быть, это обидно, будучи сильным и крепким мужчиной, жить, ошущая свою полную зависимость от приказов «маленькой страны», – собственного естества, своего тела? Унизительно превратиться в раба слабой женщины! Может быть... Но факт остается фактом: в присутствии ЖЕНЩИНЫ я только влюбленный мужчина, потерявший рассудок и волю. Сильный и беззащитный одновременно. И это приводит меня... в изумление!

Днем я чувствую твоё дыхание, ночью ошущаю тебя в своих снах. Зачем ты преследуешь меня? Зачем уничтожаешь? Ты – словно чума, а я – будто изнуренный больной, согреваемый слабой надеждой выжить по воле счастливого случая. Душа моя настолько истомилась в тисках бесконечных переживаний, что, вконец измученный, я жажду получить свободу! Нет больше сил выносить страдания, имя которым – Ты! Какая ирония, какое горькое счастье – лишиться рассудка и бродить «по пустыне жизни», подобно легендарному Меджуну. А я чувствую, что «теряю себя», и это ощущение поселяет в моем сердце страх! Это чувство подобно тому, которое испытывает больной от прикосновения к его телу лезвия хирурга, пытающегося удалить нарыв. Может, ты и есть то «лезвие», и мое «излечение», действительно, в тебе?! Может, и вправду, лишь потеряв себя, я обрету, наконец, покой и счастье? Но тогда... тогда чьим же будет это счастье? – мое или... Я не знаю.

Человек не может одновременно так любить и так ненавидеть! А, может быть, МОЖЕТ! Не знаю. Не могу понять, кто ты для меня: мой стремительный взлет или... сокрушительное падение?

Неужели возможно до такой степени попасть под влияние женских чар? Вроде бы я не восемнадцатилетний романтичный и неопытный паренек! Тогда откуда во мне эта потерянная, слабость, опустошение?.. Неужто наши души действительно «куски божественного магнита», с невероятной силой притягивающиеся друг к другу? Ну что

в тебе **«такого»**, что заставляет меня вот так сходить с ума? Нет ответа на этот вопрос, но зависимость тяжела для меня: она убивает, и поэтому порой в моей душе рождается жуткое желание уничтожить тебя, распылить на мелкие кусочки, чтобы не мучила ты меня больше, не изводила...

* * *

Чувства...

Подумав, – «а ну, что будет?» – я стал «исследовать» свои ощущения, эмоции, желания, пытаюсь глубинно осмыслить их, «рассмотреть» и с одной, и с другой стороны. Ничего не получилось! Опыт не удался: все растекалось, путалось, ускользало... Разозлившись, я «схватил» свои чувства «за уши» и, загнав, как зайцев, «в клетку», сделал еще одну попытку рассортировать все по полочкам, все объяснить, оценить, описать... Я нагромоздил пласты строк, осмысливая абстракцию, называемую «чувством»:

«Упоительно и страстно целуя женщину, мужчина воспринимал себя тяжело больным, а свои поцелуи – единственным средством, способным избавить его от подобного состояния. Вдруг женщина требовательно прошептала: «Скажи мне что-нибудь!». Мужчина молча покачал головой: к чему слова? Но тут же подумал: «Может быть, ей это необходимо – «слышать» его чувства – и тихо произнес: «Я люблю тебя!». Женщина брезгливо поморщилась: «Какая «дежурная», затасканная фраза! Ты, верно, считаешь меня пятнадцатилетней девочкой, способной раскраснеться и затрепетать от одного только слова «люблю». Неужели не можешь придумать ничего оригинальнее?!»

Они расстались. Время шло. Неловкость осталась. Одно время мужчина избегал встреч с этой женщиной, и когда судьба вновь свела их вместе, не обнял, не приласкал ее, но... но неожиданно почувствовал: их сдержанность, их попытка равнодушия стали перерождаться... в страсть. Поначалу это отразилось в глазах: состоялось красноречивое объяснение на языке взглядов. Затем оба стали уделять особое внимание своим словам, скрывая в любой невинной фразе намек, потаенный смысл, подтекст. При их первой близости все, в основном, сводилось «к постели», и сердца сковывал холод и недовольство друг другом. Теперь все изменилось: подобно подросткам, тайно передающим друг другу любовные записки в томах «солидных» книг, они начали «обмениваться»... словами, в которых разгорался и разгорался, достигая своего апогея, жаркий костер вновь рождающегося истинного чувства. Согретые этим «костром», мужчина и женщина ошушали непередаваемую, особую окрыленность души!

Однажды они услышали песню на английском языке. Глядя в глаза мужчине, женщина начала переводить текст:

*Словно рыба, выброшенная на берег
волною, бьюсь.*

*Рядом, рядом со мною мой океан -
тянусь.*

К небу подпрыгну – прохладу волны вдохну.

Лишь к воде,

лишь к тебе,

лишь к свободе своей стремлюсь!..

И сердце мужчины «взорвалось»! Не обращая никакого внимания на проходящих мимо людей, он уверенно шагнул к СВОЕЙ ЖЕНЩИНЕ, легко поднял ее на руки и... крепко поцеловал в губы. В этот удивительный, потрясающий миг его ощущения были гораздо сильнее, искреннее и ярче слов, прозвучавших когда-то пустой «дежурной фразой»: «Я люблю тебя!».

«Получается, чем дальше разлука, чем больше препятствий для встреч, тем сильнее разгорается огонь любви? Неужели **нечто**, вспыхивающее временами в глубине ее глаз (где-то на самом дне их!), завораживающее и притягивающее, и есть то, что я воспринимаю как один из ликов Создателя? И именно это держит меня в плену? А может быть, это всего лишь мираж твоих колдовских чар, женщина? Или буйная фантазия моих чувств, будоражащих душу? Неужели я могу так жалко обманываться?

– Ладно, хватит заниматься самокопанием, надо закончить «любовную историю»! Дальше-то, что было?

Дальше... женщина была растеряна и встревожена, как ребенок, с нетерпением ожидающий свою мать. Она доверчиво прильнула к любимому и прошептала: «Как же ты меня измучил!». Обжигая ее ухо горячим дыханием, мужчина тихо ответил: «Только ТЫ так безумно волнуешь меня! Только в минуты наших встреч я по-настоящему живу! Только когда ТЫ рядом – я не одинок!».

Женщина подняла голову, внимательно посмотрела в глаза мужчины и... поверила ему. На ее ресницах засверкали слезы...

* * *

Песня, доносившаяся издали, стала постепенно приближаться, и, наконец, зазвучала над самым моим ухом. Я открыл глаза и увидел свет, и свет тот жил, сливаясь со звуками чарующей песни. Моё внимание привлекло движение на ворсе ковра: странная игра света и тени... словно кувиркается группа ребятшек. Я поискал глазами «источник» этой светотени и увидел за окном огромное дерево, пронизанное лучами солнца. Поднявшись, подошел к окну и хотел отодвинуть занавеску, но вдруг понял, что и она «принимает участие» в этой «игре»: колышется, трепещет, отражаясь на ковре, и... поразился этому. Зачарованный, я вновь посмотрел на солнце, созревающее диковинными плодами на ветвях дерева. До меня доносился тихий шелест листвы, колеблемой нежным ветерком. Тогда я поспешно распахнул ставни и... ощутил себя рядом с деревом. Как влюбленный Меджнун, любующийся своей Лейлой, я ласкал это дерево взглядом – от подножия ствола до самых кончиков прекрасной кроны. Погрузившись в мир своих грез, я забылся, отрешился от всего окружающего и вдруг, ощутив внезапный внутренний порыв, бросился в объятия прекрасного дерева и, дрожа, с нежностью прильнул щекой к его теплому стволу...

Где-то «внутри меня» зазвучало «пение» муэдзина, призывающего к молитве...

* * *

Снова дождь... Он тревожит... Он шелестит в моей душе обрывками воспоминаний, накатывая волнами сладкой боли. Я снова рассеян, и мысли мои в беспорядке, я снова не могу «найти себя»...

В душе моей много «миров». Я пытаюсь осмыслить их, осознать, но они, словно зыбкие тени, тают, ускользают мучают меня. Моя любимая женщина – тень: вроде бы она есть, а вроде бы ее и нет. В тени превращаются и близкие, родные мне люди, по которым я очень скучаю, но... ехать к ним не хочу. Почему? Не знаю. Я пытаюсь осмыслить эту ситуацию, которая явно противоречит здравой логике, но самоанализ заводит меня в тупик: мысли путаются, и я, как слепой, потерявший свой посох, пытаюсь двигаться на ощупь, но... быстро устаю. Меня можно сравнить и с человеком, опоздавшим на свой корабль и оставшимся в полном одиночестве на пустынном берегу. Эти ассоциации поселяют в душе уныние, рожают ощущение тоски, потерянности, безразличия... Я «выпадаю из жизни», замираю...

Но вот мои уши снова начинают воспринимать звуки, я снова слышу тихий, печальный и ласковый шелест и ошущаю его согревающее тепло. **ДОЖДЬ!** Это шумит **ДОЖДЬ!** Я «оживаю», вскакиваю, сбрасываю с себя оцепенение и бурно радуюсь, словно смертник, ускользнувший от топора палача. Я ликую – **ДОЖДЬ!** Какое ты чудо, **ДОЖДЬ!** «Цепляясь» за «шелест», выбегаю на улицу... В моем сердце жажда жизни и страстная надежда на чудо! В душе желание уехать куда-нибудь, далеко-далеко...

Побродив по улицам, я «остыл», промок, почувствовал голод и... вернулся в свою квартиру. И снова в душе ощущение потерянности и тоски... и на глазах – слезы.

* * *

Послушай! – обратился я к своему внутреннему «Я», – Чего тебе надо? Что ты бесконечно мотаешь меня из стороны в сторону, бросаешь то в огонь, то в воду? Зачем так люто терзаешь, мучаешь? Чего тебе не хватает? В мечтах – паришь в облаках,

а что на деле? То ли нестыковка фантазий и реалий приводит тебя к столь печальным результатам, то ли твоя неутолимая жажда все постичь, все прочувствовать, все испробовать... На собственной шкуре!

Когда же ты покончишь с бесконечными метаниями между «идеальным» и «реальным», «возвышенным» и «приземленным», чтобы (наконец-то!) «слились» воедино две враждующие «половинки» моей души? Мне надоело «раздваиваться»! Надоело спорить с самим собой! До каких пор Ты будешь идти наперекор МНЕ? Наступит ли для меня счастливое время мира, согласия и единения с самим собой?

Пока что – только споры, только вечные сомнения, только откровенная полярированность позиций! Я устал. И когда это все кончится? Когда?!

* * *

Твой образ, возникнув в моем сознании, «запер меня в клетку». Если бы не сила воли, то мой разум оказался бы на грани безумства, и тогда прославился бы я как Меджнун нашего века. Но в современном мире безумие не в чести, и я изо всех сил стараюсь «соответствовать», тогда как в «мире собственной души» уже давно скитаюсь, потерянный и неприкаянный, страдая по ТЕБЕ.

Ты «разметала» меня, разбила вдребезги мой разум, заполненный столь необходимыми для человека реалиями: стремлениями, планами, честолюбивыми желаниями... Ты заставила меня безоговорочно принять **твою программу жизни**, лишенную какой бы то ни было материальной конкретики. Получается, любовь к тебе – препятствие на пути к достижению моих целей! Но, может быть, Ты и есть самая высокая моя цель? Самое заветное мое желание? Не знаю...

ЛЮБОВЬ поработила мой разум, потому что ЕЙ мало места только в моем сердце. Это чувство – безжалостный завоеватель, а я – покоренная страна.

Я подобен пламени, жаркие языки которого рвутся к небу – к ТЕБЕ, ЛЮБИМАЯ! Если мои глаза «теряют тебя», я мгновенно начинаю мучиться так, словно теряю самого себя. И все кажется мне, что Ты – нечто неуловимое, что ты отдаляешься от меня куда-то... в вечность. Мои мысли о ТЕБЕ – грустная песня, беспрестанно звучащая в самой глубине души. И чем больше наслаждаюсь я, слушая эту песню, тем больше страдаю, и чем больше страдаю, тем сильнее наслаждаюсь своим страданием. Замкнутый круг!

Появись Ты, и я упаду к ТВОИМ ногам. О Боже, где же мое достоинство, моя гордость и моя честь? Вся моя жизнь сгорела дотла на жертвенном костре этой любви, потому и мысли мои – только о НЕЙ? А ведь я давал обещание молиться только Тебе, Всевышний! Где же теперь они, мои обеты и обещания? Где вера моя, поддерживавшая душу? За что мне такое наказание? Зачем Ты, Всевышний, столкнул меня с противником, который бесконечно сильнее меня? Почему, зная, что я потерплю поражение, Ты все-таки принудил меня к неравному бою, призывая: «Одержжи победу!». Или Ты издеваешься надо мной?

Я, сильный мужчина, оказался слаб перед великой силой Любви и теперь плачу от своего бессилия. «Я должен был победить!», – кричу я в отчаянии. Эй, подзвездный мир, посмотри на меня, а посмотрев, воздай мне хвалу! И похвали меня не за то, что я выиграл неравный бой, а за то, что проиграл сражение, и теперь не знаю – радоваться мне или горевать.

Передо мной во весь свой высокий рост вытянулся день, в котором не будет тебя. Он вырос на моей и без того неровной дороге, как гора, как препятствие. И я должен осилить эту «гору»!

Любимая, ты словно Родина: окажусь вдали – погибаю от тоски по тебе! Любимая, ты словно пламя: приближаюсь к тебе и... сгораю дотла! Ты заполняешь все уголки моего сердца! Каждый раз, при встрече с ТОБОЙ, я волнуюсь, как мальчишка при первом свидании...

Когда я целую тебя, то забываю обо всем на свете и... жажду быть бессмертным! А ведь смерть, – как утверждают Мудрые, – является одной из непреложных «целей» человека? И человек должен понимать, что жизнь его есть только подготовка к смерти, к отчету перед Всевышним?

Наверное, так, но, думая о тебе, я забываю об этом! Радость свидания с тобой стирает в моей душе возвышенные и грустные мысли о Вечном. Мы любим друг друга, и я верю: даже Смерть не разъединит нас, поскольку ТАМ души наши сольются и станут единым целым.

Наконец-то я вырвался с работы! Теперь на какое-то время абсолютно свободен, и смогу, наконец, сосредоточиться «на себе», на своих переживаниях, смогу спокойно излить свою душу, в которой столько всего накопело и наболело! Сейчас я ошущаю себя немым, которому – вдруг! – по милости Божьей! – дано заговорить! Душа звенит! Теперь я разбушуюсь, разольюсь, как вода, пробившая тысячетлетнюю плотину!

А ну, найдутся ли УШИ, которые захотят вслушаться в мощные звуки моей «бушующей воды»?

* * *

Что, мое бедное сердце, ты опять попалось? И снова в тот же самый капкан: бессонница, терзания, беспокойство... А ведь тебе уже почти тридцать! И все-таки ты уже в который раз спотыкаешься об один и тот же колышек? Где же твой жизненный опыт, твои мудрые выводы?

Во всех своих словах, сказанных и написанных, да, практически, и во всех своих действиях я стараюсь исходить из реалий жизни, стараюсь все объективно и логически осмысливать. Очень стараюсь, но спотыкаюсь об одно «НО»...

О, мое бедное сердце, кто позволил тебе ПОЛЮБИТЬ? Кто позволил тебе взойти на этот костер бесконечных страданий? И где они теперь – моя воля и моя объективность? Любовь – чудесная сказка, мечта! А реалии жизни – вот они: с одной стороны – семья, дети; с другой – нищета, скалящая свои зубы...

Тебе, о мое бедное сердце, не под силу стать Меджнуном, чтобы «скитаться по пустыне любви», да и нет у тебя убежденности в том, что и ее сердце захочет стать «безумным» и последовать за тобой в этих скитаниях! Но несмотря ни на что, ты любишь ее, ты желаешь ее, ты стремишься к ней! Ах, если бы мой разум сжалился надо мной и... покинул бы меня! Лишившись его, я бы избавился и от многих мучений. Но, нет! Хотя в груди моей и полыхает уничтожающий меня огонь, я не потерял рассудка. Может, именно в этом и кроется вся беда моя?

Цепи разума мешают мне действовать необдуманно; холодная логика разума жалит, как змея или скорпион. Я кручусь, верчусь, извиваюсь, стараюсь найти выход из безвыходной ситуации, но... не могу разорвать крепкие кольца этой «цепи», не могу до конца противостоять здравому смыслу. А ЛЮБОВЬ призывает отринуть этот самый «смысл»!

О, женщина! Как же я, такой сильный и уверенный мужчина, дошел до того, что ПОТЕРЯЛ СЕБЯ В ТЕБЕ? И как же я теперь страдаю из-за этого? На долгие месяцы (а, может быть, и годы!) я выбыл из строя: я разбит, я запутался, я сбит с толку, но ОТРЕЧЬСЯ ОТ ТЕБЯ – выше моих сил! О, Боже, зачем Ты так коварно вмешался в мою жизнь! Да разве бы я сам, по доброй воле, вошел в этот колдовской и запутанный «лабиринт любви»?!

О, Аллах, какое мучение! О, моя душа!.. О, моя свободная воля!..

* * *

По непонятной причине я с неприязнью рассматриваю себя в зеркало, рассматриваю как какую-то малопривлекательную вещь. Морщусь, но упорно вглядываюсь в свое отражение, и мое придирчивое внимание к собственной персоне растет, как у ювелира, строго оценивающего необычный камень. «А ведь когда-нибудь я умру? – вдруг проговорил я сам себе. – И не будет этого отражения в зеркале...». Потом волной нахлынула другая мысль: «Но пока-то вот он я – жив, здоров! Значит, следует ЖИТЬ, следует загрузить работой свой крепкий «организм-машину»!

И тут мне страстно захотелось, подобно бесправному рабу, трудиться много и тяжело: бросаться в огонь и в воду, бегать, метаться, справляться с любой непосиль-

ной работой, изнурять свое тело до тех пор, пока оно не рассыплется в прах, не «разлетится на куски»!

Странные мысли! Хватит! Собственные ассоциации опротивели мне, как продажная женщина, которая «интересна» только до утра.

Внезапно я ощутил холодный ветер, пробравший меня до костей. А ведь мне плохо. Мне очень плохо. Я «присмотрелся» к себе и понял, что совершенно, абсолютно беззащитен. Я потерял работу. Но только сейчас, разглядывая себя в зеркало, окончательно осознал, что это значит – ПОТЕРЯТЬ РАБОТУ! Оказывается, работа – это теплая шуба, надежно защищающая в лютый холод от любых жизненных невзгод. А я эту «шубу» потерял и чувствовал сейчас себя так, будто меня вышвырнули на убийственный мороз.

И ведь я не одинок в своей беде... Я только один из многих...

С ненавистью и ожесточением смотрю на себя в зеркало. Да, **стоит, стоит** до смерти замучить себя работой! Вот только заполучить бы ее еще...

Мысли делают странный скачок, и... я ошущаю страстное желание заполучить... длинноногую блондинку...

* * *

Любимая, мне необходимо видеть тебя, говорить с тобой (все равно о чем!), слушать тебя, молчать с тобой... Мне **необходимо быть рядом**, чтобы время от времени тонуть в бездонном океане твоих глаз, ощущать теплые и нежные биоволны твоего тела! Наши встречи дают мне силу быть готовым к любой борьбе, к любым жизненным испытаниям! Ты – тот колоссальный энергетический заряд, который рождает желание ЖИТЬ! О, если бы ты только знала, как много ты для меня значишь и... как мучаешь меня!

О, Аллах, Ты слышишь меня, видишь меня, ведаешь о моих страданиях. Ты в моей душе и в моем теле, ты – мудрый правитель моей жизни, моих радостей и горестей, услышь меня, помоги мне! Благодаря тебе я обладаю талантом ПИСАТЬ, умением излагать свои мысли и чувства на бумаге. Это Ты, знающий обо мне ВСЕ, водишь моим пером. Но, Всевышний, в то же время я ошущаю и то, как Ты бесконечно, бесконечно далек от меня! Так далек, что иной раз меня начинают терзать горькие и страшные мысли о том, что, либо я не существую для Тебя, либо – Тебя нет...

О, горе мне!.. Что я пишу! Какую очередную беду навлеку на свою бедную, неразумную голову? Почему меня все время терзают сомнения?

Не нужно мне было писать эти строки.

* * *

Мой сын умер в мучениях... Перед его смертью врачи вытащили все иглы из хрупкого, маленького тела, и сказали: «Скоро он скончается, и вы сможете забрать его». Меня потрясло то, КАК они держались, будто возвращали нам ребенка живым и здоровым. Хотелось растерзать их, прибить, но, взяв себя в руки, я взмолился Всевышнему (на все воля Твоя, Господи!) и как мог постарался сдержать свое горе и свою боль.

А ребенок все не умирал... А мы сидели и ждали... Долго сидели и долго ждали, часа два-три, не помню...

Вдруг малыш широко раскрыл глаза и посмотрел на меня, посмотрел с таким ужасом, как будто я стою на берегу, а его уносит бешеный поток черной и страшной реки. Душа моя перевернулась. В горле застрял крик боли и отчаяния. Впервые в жизни я понял, что такое быть готовым к самопожертвованию. Все, все отдал бы я сейчас за жизнь своего ребенка! Все! Но это было не в моей власти, и я стоял над ним, потерянный и беспомощный, ошущая бесконечную, терзающую душу вину...

Вернулись домой и стали готовиться к погребальной церемонии. Перед тем, как омыть тело малыша, женщины спросили его имя, сказали, что нехорошо ему уходить «туда» безымянным. А мы не успели дать ему имя. Я всегда мечтал иметь сына по имени Мухаммад. Всевышний дал мне сына и... отобрал его. Но если я сейчас дам ему, умершему, ЭТО ИМЯ, то у меня уже никогда, никогда не будет сына по имени

Мухаммад. Мгновение я терзался, не имея сил принять решение, жалея имя, но потом, не вынеся собственных подлых мыслей, громко выкрикнул: «МУХАММАД! Моего сына зовут МУХАММАД!» Я крикнул это с какой-то злобой прямо в лицо женщинам, омывающим покойников и сейчас пристально смотревшим мне в рот в ожидании ответа. Потом я обошел всех и каждому по отдельности сообщил: «Мухаммад, имя моего сына Мухаммад!». Все плакали и причитали. Даже из глаз посторонних людей катились искренние слезы сочувствия страшному горю. Вот только у меня – отца ребенка – глаза были совершенно сухими. Я не мог плакать. Слезы «сгорели» во мне. Так и ходил, сутился, хлопотал – бестолковый, бессмысленный, уничтоженный...

Ближе к вечеру люди разошлись, и во дворе остались только члены семьи. Я сидел, бездумно уставившись в воду говорливого арыка, отблескивающего серебром в лунных лучах. Вдруг сердце мое сжалось, и боль моя черным фонтаном вырвалась из наболовшего нутра и разворотила мою душу. Я плакал долго и безутешно. Никогда не плакал я ТАК, и не дай Бог, еще раз в жизни ТАК плакать! Мое горе, как мощное течение, уносило меня куда-то, и я ничего не видел и ничего не воспринимал вокруг. Я полностью отдался на волю скорбного «течения» – моего плача – и оно несло и несло меня на своих волнах. Слезы немного успокоили, облегчили душу. Они текли и текли по моим щекам горько-соленым ручьем, будто вместе со своим горем, своей бедой я собирался выплакать и свое сердце. Раскачиваясь из стороны в сторону в такт своему стону, я таял, растворяясь в своем горе, постигая великую силу плача, превышающего радость смеха. И мне хотелось вечно носиться по волнам этого плача, потому что он «соединил» меня с моим умершим сыном Мухаммадом. В этот момент я не променял бы свой горький плач на все блага и сокровища мира...

Но постепенно, независимо от моего желания, мои всхлипы стали затихать и, наконец, растворились, исчезли, оставив в душе ощущение мертвой тишины. А я сидел и думал, что теперь уже никогда не смогу **плакать**, что я уже выплакал все слезы, отпущенные мне Судьбой. Сидел и тихо бормотал про себя: «Вот так, сынок, вот так... Вот и все, что могут сделать для тебя люди... Вот и все, на что способен даже самый близкий тебе человек – твой отец! Прости, сынок, не в силах людей было сохранить тебе жизнь! И я не смог сделать этого. Прости, родной! Пусть светлой и чистой будет память о тебе, сынок! Пусть Аллах будет с тобой там, на небесах, сынок, пусть Он помилует тебя...».

Потом я встал и поплелся в сторону кухни, где хлопотала у очага моя бабушка...

* * *

Ну и кто ж ты, наконец, позорище? Где твоя хваленая индивидуальность, неповторимое «Я», твоя «цельная натура»? Ты раздробился и измельчал. Внешне вроде бы выглядишь как победитель, а на самом деле – жалкий побежденный! «Внутри» тебя ничего нет: ни прямых линий, ни ломаных контуров, ни многогоочий – ничего! Ты пуст, как страна, убившая своего поэта. В сердце твоём пусто. Думается, что если бы это было в твоих силах, ты немедленно заполнил бы эту пустоту, и тогда не страдал бы так, не переживал бы столь сильно по поводу своего «утраченного содержания». Но, увы! В запасе у тебя не осталось ничего, что помогло бы подняться и вновь ощутить себя НЕПОВТОРИМОЙ ЛИЧНОСТЬЮ. Ничего! Ты так ничтожен, что теперь даже отщепенец между твоих ног не станет подчиняться твоей воле.

Если бы ты еще не рисовался так явно, тогда куда бы ни шло. А то ведь все пытаешься выставить себя напоказ. Ну и каков результат? Если бы хоть кто-нибудь заинтересовался твоей персоной, то тогда уже было бы не так обидно, но – увы! – «заинтересовавшихся» не нашлось. Поглядеть на тебя, так ты сконфужен, как девица, вышедшая на улицу торговать своим телом и... не заполучившая ни одного клиента. Никто не только не окинул оценивающим взглядом, но даже не оглянулся! Впору залиться слезами по поводу своего бедственного положения. Ну что же, кричи, стони, вопи, выплескивай обиды, нагноившиеся внутри тебя...

Да... тяжелые дни. Но стоит ли унывать? Можно посмотреть на все это с другой точки зрения, даже пофилософствовать, сказав себе: все пройдет! И эти тяжелые дни

тоже пройдут. Время не только судья, но и целитель. Тот, кто наслал болезнь, тот даст и средство излечить ее.

Боже, зачем ты так мучаешь меня? Зачем Тебе это представление? Я – покорный раб твой. Почему же Ты не сжалишься надо мной, не помилуешь меня в моей немощи?

Но... может быть, я чего-то не понимаю? Может быть, именно в наказании Твое милосердие ко мне, а я, грешный, осмеливаюсь укорять Тебя? Прости меня, Всевышний! Секи – я буду целовать Твои плети; волокни меня связанного по колючим шипам – я буду благословлять путы, вонзившиеся в мое тело; направь на меня гнев Свой – я подчинюсь Тебе, но... позволь мне остаться таким, каков я есть: грешным и... кающимся, сомневающимся в Тебе и... стремящимся к Твоей Истине. Только не отвергай меня, Боже!

* * *

Душа моя, уяснила ли ты, в конце концов, что на свете важнее всего ЖИЗНЬ?
ЖИЗНЬ превыше литературы, искусства, науки...

ЖИЗНЬ – величайшая ценность, дарованная человеку!

ЖИЗНЬ – кровь, бегущая по венам, стук сердца, сила, наполняющая мышцы...

И что же странного тогда может показаться в том, что я считаю великим счастьем вдыхать полной грудью чистый и ароматный воздух благоухающего сада? Что для меня встреча с красавицей Весной – НОВЫМ ВИТКОМ ЖИЗНИ, ИСТИННЫМ НАЧАЛОМ НАЧАЛ – есть непередаваемое блаженство, заставляющее радоваться и трепетать мою душу! Ну что может быть прекрасней этой встречи?!

Итак, продолжу начатую мысль: ЖИЗНЬ превыше всякой власти, почестей, славы и богатства!

Когда я постигаю эту МУДРОСТЬ, то ошушаю ДЫХАНИЕ АЛЛАХА!

В такие минуты моя бессмертная душа окрыляет мое смертное тело! И тогда я говорю себе: так что же тебе еще нужно, глупец? Ты ЖИВ – и ты ШАХ, ты ЖИВ – и ты ПОЭТ!

* * *

И снова то же состояние: после того, как с криком или стоном завершаю «любовную игру» с женщиной, ошушаю гнетущую пустоту. В глазах закипают слезы, в душе тлеет горькая обида, и рождается странное желание каким-то образом компенсировать нечто «утраченное». В душе все переворачивается. Женщину, которую буквально несколько минут назад боготворил, сейчас жажду раздавить и выбросить, как таракана. Господи, что со мной? Я мучительно осознаю, что после каждой близости лишуюсь чего-то очень и очень ценного и что теряю это «ценное» безвозвратно! И, тем не менее, через некоторое время пожирающий огонь желания вновь закипает в моей крови. И огонь этот подобен неугасимой страсти азартного игрока, рвущегося к картам: игрок точно знает, что проиграет, но все равно снова и снова испытывает свою судьбу. Так и я в очередной раз с головой бросаюсь в омут, имя которому «женщина».

«Эта тяга естественна, – говорю я сам себе, – это свидетельство моего физическое здоровья». И не надо ничего накручивать! Но тогда почему же близость с женщиной в итоге рождает пустоту и сомнения? И вообще, что такое сладострастие в жизни мужчины? Некий особый «элемент», дарующий жизненную силу и прекрасное настроение, или же это тяжкий грех, источник горечи, заполняющей душу? Ведь эта горечь появляется порой даже тогда, когда ласкаешь собственную жену! Отчего так? Может быть, она рождается от мучительного осознания того, что в результате любовных утех может родиться на свет ребенок, и что этот **ребенок будет обречен жить в нашем мире, полном боли и страдания?** Не знаю. У меня нет ответа на эти вопросы, но они очень мучают меня.

Стон вырывается и рассеивается, как сыпь на языке. И... страсть покидает меня, оставляя пустоту, боль и усталость в душе. Перед тем как заснуть, ошушаю вкус поцелуя Лунной Ночи и вижу блики-следы от прикосновения ее нежных губ к стеклу моего окна. Засыпаю и... просыпаюсь, согретый мягким лунным сиянием, чарующим мое

сердце. Прислушиваюсь – тишина... Только играют, просачиваясь в комнату, мягкие нежно-золотистые лучи: переливаются, переплетаются, рассеиваются, наслаиваются друг на друга, создавая сказочную мозаику... Колдовство лунной ночи, красоту которой невозможно описать, можно только увидеть и почувствовать сердцем!

Луна – вот чудесная возлюбленная, с которой всегда хорошо, которая очаровывает, манит, завораживает, и я тоскую по ней, как странник по заповедной стране. О, как эта страна прекрасна! Это мир мечты и фантазий, это мой «остров сокровищ», мое убежище на «черный день».

Не знаю, как вы, но я, постоянно вращаясь среди людей, ощущаю иной раз острую, нет, жгучую необходимость сбежать от них, спрятаться, скрыться! Вот тогда-то по лунному лучу я и отправляюсь на свой «остров». И не важно, что это путешествие может состояться только в моих мечтах...

* * *

Я уже давно безработный. В моем положении угнетает все и, прежде всего, заботы о пропитании. Сажу дома, взаперти, тупо уставившись в выпученные глаза своей участи. Вроде бы я свободен, но «такая свобода» убивает! Да и желудок бунтует и требует (именно требует!), чтобы я немедленно подумал о нем...

Если сейчас я сяду писать о своей жизни, то дам ей самую ужасную характеристику, подберу самые черные метафоры и аллегории, вынесу самый жесткий приговор, какой зачитывают только закоренелым и опасным преступникам. Так я сейчас воспринимаю свою жизнь!

И думаю, что такое состояние бывает не у меня одного. Если кто-нибудь из читателей найдет в моих строках созвучие своему собственному настроению, думаю, он, безусловно, поймет мое страстное желание в «определенные моменты» высказаться сочным матом по поводу окружающих «бытовых реалий». С таким читателем мы станем товарищами по несчастью, заблудившимися в пустыне одиночества и неудач.

Но если это так, то получается уже другой поворот судьбы! Получается, что я не одинок, и у меня есть товарищи по несчастью! В таком случае, может быть, стоит попробовать свои силы в борьбе с негативами жизни? Возможно, опять Я, нет, теперь уже МЫ! снова потерпим поражение в битве за СВОЙ ИДЕАЛ, но на то ведь мы и представители рода человеческого, чтобы **вечно бороться за что-то!** Человек силен, если не чувствует себя одиноким, если имеет рядом с собой друзей, а за собой – последователей. Тогда он и на смерть пойдет с гордо поднятой головой! Говорят же: «На миру и смерть красна!»

Но... не буду я СЕЙЧАС писать о своей жизни. Просто хорошо знаю, что если заговорит человек, чувствующий острую боль от занозы, сидящей в его пальце, то он не сможет пойти дальше жалоб и причитаний. Поэтому, несмотря на мое паршивое настроение, заставляющее рассматривать окружающий мир сквозь черные очки, я все-таки не унываю. Где-то, в глубине моей души горит огонек искренней веры в то, что я обязательно прорвусь сквозь «черноту» своих неудач и сумею ощутить не только горечь, но и потрясающую сладость жизни. Обязательно сумею! Поэтому независимо от всех моих печалей и забот я все-таки всегда БУДУ ВОСПЕВАТЬ ЖИЗНЬ! РАТОВАТЬ ЗА ЖИЗНЬ! ГОЛОСОВАТЬ ЗА ЖИЗНЬ!

* * *

Ранее утро. Я открыл глаза и посмотрел за окно: там только-только просыпалось солнце, и дерево, растущее около дома, неторопливо омывало свои длинные ветви-косы в его искрящихся золотом лучах. С веселым гомоном – чирикающей, «переговариваясь» – суетились в сверкающей пышной кроне беззаботные птицы.

Обычно, проснувшись, я тут же встаю и подхожу к окну, чтобы насладиться чудесным утренним пейзажем, но сегодня... Сегодня я продолжал лежать в постели. Я был подавлен и жалок. При другом настроении я бы в это время уже летел по улице, спеша на стадион для того, чтобы как следует побегать, размять тело. И вся эта чудесная утренняя процедура, как всегда, доставила бы мне огромное, ни с чем не сравнимое

удовольствие! Потренировавшись, вернулся бы домой и, обливаясь в душе холодной водой, с радостью думал бы о том, что ЖИЗНЬ – ЕЕ ДВИЖЕНИЕ И РИТМ – УДИВИТЕЛЬНОЕ НАСЛАЖДЕНИЕ! Я полюбовался бы своими сильными и крепкими мышцами, а потом стоял бы у открытого окна и вдыхал чудесный утренний воздух, в каждом вдохе ошущая ПОТРЯСАЮЩИЙ ВКУС ЖИЗНИ!

Так было... вчера.

Что же изменилось сегодня? Отчего так заledenело, заняло, затосковало мое сердце? Отчего погрузилось в омут безразличия? Что в моей жизни «не так», чего недостает? Вроде бы все есть: и семья, и ребенок. Есть и многочисленная родня, и верные товарищи, и цель в жизни. Все есть! Тогда откуда же это тоскливое состояние, терзающее и изматывающее мою душу? Что же я, словно дивана², скручивающийся от любви к Аллаху, «разбиваюсь» на куски и не могу «собрать» себя? И самое страшное во всем этом то, что я не понимаю – чего жаждет моя душа, чем мается, что ищет? И чувствую, что все мои попытки понять это – напрасны.

Мои вопросы подобны старым девам, доживающим свою жизнь без мужа. Как «девы», втайне мучаясь, ходят со склоненной головой, так и они, изводя меня, не позволяют «распрявиться» и получить исчерпывающие и столь необходимые мне ответы. Они яростно атакуют меня, разбивая на куски мою сущность, мое сознание. Мучительное состояние! Такое ощущение, будто ДУША МОЯ старается поведать мне ЧТО-ТО на своем «потаенном языке», а я – никудышный – не могу понять ЕЕ. Не могу и... боюсь, и потому воспринимаю ЕЕ сейчас как ворону, которая своим жутким карканьем призывает на мою голову леденящую зимнюю стужу – новые испытания и беды...

Кар – кар – кар...

* * *

У меня прекрасное настроение! Я приторно любезен со всеми окружающими. (Позже, осознав ЭТО, я устыдился, а до ЭТОГО ходил, безмерно наслаждаясь своим чудесно легким состоянием, как человек, который долгое время не мылся, измучился, а потом – вдруг! – получил возможность искупаться, очиститься!)

По дороге домой я ошущал страстную потребность сказать совершенно посторонним мне людям какие-нибудь хорошие и добрые слова.

Перешагнув порог дома, расцеловал жену и, взяв у нее из рук маленького сына, стал подбрасывать его к потолку. Улыбаясь, жена удивленно спрашивает:

– Что с вами? Почему вы такой веселый? Мы едем в кишлак?

А я чувствую, как мое прекрасное настроение передается и ей.

– Нет! – многозначительно улыбаюсь я..

– Тогда отчего же вы такой радостный? – переспрашивает она, и в ее голосе сквозят любопытство и нетерпение.

Я полагаю, что ломаться излишне (да и не к лицу мне!) и торжественно объявляю:

– Жена! Я устроился на работу!

И еще раз медленно и четко:

– Я УСТРОИЛСЯ НА РАБОТУ!

Проговорил и тут же почувствовал, как внутри меня будто что-то оборвалось, зашемило и... затихло. Радость моя стала гаснуть...

Я прошел на кухню, открыл окно, за которым уже хозяйничала ночь, и оперся на подоконник. В голове моей роились насмешливые и грустные мысли:

– Вот так-так! Получается, причина моей радости, достигающей небес, заключается лишь в том, что Я НАШЕЛ РАБОТУ? В этом причина моего необыкновенного эйфорического состояния? Ну и ну! Хорошо, нашел работу (делов-то!), а доволен, как распоследний грешник, которому Аллах разом отпустил все грехи! Отыскал место, где ежемесячно будут выделять средства для «наполнения моего желудка», и уже теряю разум от счастья, словно заранее получил путевку в рай! Боже мой! Ну не ничтожны ли мои восторги?

² Дивана (фарси) – странный, сумасшедший, юродивый, одержимый духами.

На кухню вошла жена:

– Ах, отец³, поздравляю вас! И куда же вы устроились? Хорошая ли работа? А какая зарплата? Ну, расскажите же, расскажите...

Но мне уже не хочется ничего рассказывать. Я отрывочно отвечаю на задаваемые вопросы, страстно желая при этом, чтобы она поскорее вышла, и оставила меня одного, прячущего свой грустный взгляд в объятиях ночи...

* * *

Какие только мысли не посещают меня! Моя голова словно караван-сарай, а мои думы похожи на постоянно сменяющих друг друга богатых, осыпанных драгоценностями, постояльцев. Какие-то мысли я успеваю запечатлеть на бумаге, какие-то нет, потому что не всегда есть возможность записать их. Они пролетают ослепительными молниями, озаряя своды моей души, или, подобно звездам, освещающим ночное небо, мерцают, загораются и гаснут, исчезая в бездонных глубинах бесконечного пространства.

Мысли рождают счастливое состояние души: воскрешая прошлое, они пробуждают и сладкие, и горькие чувства и, пронизывая мою сущность, снова теряются, тают, исчезают...

Я соткан из мыслей, точнее из грешных и благородных помыслов, определяющих мое бытие. Счастье МЫСЛИТЬ, а значит СОЗИДАТЬ, СОЗДАВАТЬ и есть КРАСОТА, окрыляющая душу. Необъяснимая, неразгаданная сила этой КРАСОТЫ подобна... УЛЫБКЕ, которая вдруг – с последним вздохом – появляется и застывает на губах уходящего из жизни человека (даже если этот человек был несчастен «в миру», и ни одна его мечта не сбылась!).

Потрясающая энергия этой КРАСОТЫ проявляется в безграничных возможностях искусства и литературы! И я благодарен тебе, Боже, за то, что подобная энергия питает и мою сущность, рождая МЫСЛИ, помогающие мне ЖИТЬ и ТВОРИТЬ!

* * *

И снова один только твой вид – повод для моих мучений! Только излив тебе боль своей исстрадавшейся души, я могу найти успокоение? О, чистый лист бумаги! Поистине, ты мой самый верный и преданный друг!

Твой белый лик для меня, как образ возлюбленной! Ты заставляешь трепетать мое бедное сердце. Бывают в моей жизни такие минуты, когда я – бедняга – ошущаю себя совершенно одиноким, никому не нужным, никем не понятым... И только ты всегда рядом со мной! Вот и сейчас ты – единственная отрада для моей измученной души, мой очаг, моя Родина. Ну что ж, тогда выслушай меня. Я вылью в искренних строках все, что накопилось в моем сердце:

Всевышний обрек меня на вечный поиск, вечные сомнения и – как результат – вечное духовное одиночество. Мы, люди, много говорим о возвышенном, справедливом, светлом, любим призывать к добродетели и чистоте помыслов, но на своем ПУТИ я не встретил ни одного человека, который смог бы подняться над гнусными реалиями жизни, смог бы не испачкаться в мыльной и грязной пене нашего суетного бытия. Если присмотреться к сути каждого, то за благородным и красивым «фасадом» обязательно «проявится» гнильца, мерзкая и страшная «рожа».

Боже! Разве я не прав? Зададим простой вопрос: есть ли на свете ИСТИНА и СПРАВЕДЛИВОСТЬ? Затруднительно ответить однозначно, но что точно на свете есть, так это Истина откровенного насилия Сильных над Слабыми, вседозволенности Сильных и беззащитности Слабых. ТАКАЯ ИСТИНА действительно существует. Все остальное – мираж, омерзительное в своей шиничности лицедейство.

Головорезы, «компенсируя» свои преступления, время от времени бросают монеты в чаши нищих. Помолился, бросил нищему «на пропитание» и... очистился, и можно дальше вершить свои грязные дела. А через некоторое время (если того требуют

³ Супруги, имеющие детей, обращаются друг к другу, используя слова: «отец» и «мать».

личные интересы!) можно спокойно перерезать глотку тем же самым нищим, которых недавно щедро одаривал деньгами. Вот она – ИСТИНА нашего мира.

О горе! Этот несовершенный и жестокий мир создал Ты, Боже, и только в Твоей власти изменить его! А я, раб твой, и слаб, и немощен, и сам грешен. Иной раз мне кажется, что без «указания свыше» человек не в состоянии даже потерпеться как следует.

Ты, Всевышний, повелеваешь и добром и злом в этом мире, но вовсе не так, как категорично утверждают полуграмотные священнослужители и недалекие ученые: «От Бога – совершенство, от человека – бесчестие». Нет, не так! Все – от Бога! Все зависит только от Него!

Боже, я, раб Твой, по мнению недоучек священнослужителей являюсь явным мятежником, поскольку вхожу в категорию «сомневающихся». Да, я во многом сомневаюсь, я постоянно ишу ответы на многочисленные вопросы, которые мучают и жгут мою душу, но Я НЕ ДВУЛИЧЕН и Я НЕ ЛИЦЕМЕР! Я знаю, что так же грешен и несовершенен, как многие, но, поднимаясь и падая, я упорно ИШУ свой ПУТЬ к ИСТИНЕ и СПРАВЕДЛИВОСТИ.

Следуя Всевышнему, я «все» приемлю и стараюсь быть искренним в оценке этого «всего», стараюсь объективно осмыслить окружающий меня мир и самого себя в этом мире, стараюсь в «своем слове» не прикрывать грязь парчой. И пусть назовут меня «неверным», неискренним, пусть завистники и лицемеры обвинят меня во всех смертных грехах, но я то знаю, что никогда не отрекусь от своих поисков Истины.

И Ты, Всевышний, тоже знаешь это!

* * *

Эй, окружающий меня мир – вот он Я! И я дерзко думаю, что ты не стоишь и мгновения моего волнения, поскольку именно я, Человек, есть Истинная Ценность Вселенной! По сути дела, без МЕНЯ нет и ТЕБЯ! Без меня все твои духовные книги – никому не нужные сказки, разговоры о Боге – чепуха! Что такое Талмуд или Коран без Человека? Ничто. Только проникнув в Его сердце, они обретают уникальный смысл и значимость.

О, как я разговорился! Пожалуй, достаточно! Да и кому нужна моя искренность и моя правдивость? Кому они принесут пользу? После таких дерзких слов шея, на которую навесят ожерелье из проклятий, будет моей, а головы, которые спрячутся за моей спиной, будут чужими. Мне в спину итак уже тычут религиозные и светские ученые-недоучки. Ну что ж, пусть простят меня, если я в пылу своей ярости случайно нарушил их душевное равновесие. Но... взглянули бы они на себя ЧЕСТНО и так же честно постарались бы ответить лежащему перед ними листу бумаги: неужели я ошибаюсь в своей трактовке значимости Человека в нашем мире? Думаю, что нет.

Я могу от многого отказаться, но не могу отречься от ГОЛОСА СВОЕГО СЕРДЦА. И если уж невозможно откровенно и честно беседовать с окружающими, то... буду изливать душу зарослям камыша! Вот прямо сейчас и начну.

Что же я могу поделать, если для меня самая высокая ценность в этом мире – честно и откровенно беседовать со своим сердцем? И если МИР всеми силами нацеливается на то, чтобы лишить меня этой возможности, то я не приемлю ТАКОГО МИРА! И я не буду льстить этому МИРУ, чтобы показаться лучше, чем я есть на самом деле. И не буду славословить его, утверждая, что все в нем прекрасно и хорошо! Пусть поют ему дифирамбы, вкусившие рая на этой земле! А я независимо ни от чего воскликну:

– О, мой Аллах! Мир, созданный Тобой, несовершенен! В нем не установлена Твоя Справедливость. В этом мире я, как и многие другие люди, познал страшную утрату и нестерпимую боль.

Потом преклоню колени и со слезами взмолюсь:

– Прости меня, Всевышний, за мои вечные сомнения, но так уж я устроен. И... я тоже Твое Творение! Во имя моей искренней любви к Тебе прости меня, бесчестного и беспутного, испорченного, как все в этом мире! Подобно другим грешным, я тоже жду и боюсь Твоего справедливого и строгого суда. И сердце мое бьется гулко и тревожно...

Горе мне! Все утомительно: принимать пищу – утомительно, и блевать – утомительно тоже. Господи, за что мне это! Посмотри на меня, Боже! Вот он я, один из рабов Твоих, пешеход на дороге Твоей, явился к Тебе, дрожа и трепеща, и приволок свою, переполненную грехом сущность. И моей исстрадавшейся душе нужно НЕ НАКАЗАНИЕ, а ИСЦЕЛЕНИЕ! Я уже наказан, поскольку нет большего мучения, чем жестокая и бестолковая суета нашего мира, а может быть, это и есть ад? Видимо, да, поскольку человечество само творит этот ад на земле!

Помышляя о месте шаха, визирь всю ночь не смыкает глаз, придумывая новые коварные и подлые интриги.

Сердца двух друзей отравлены завистью и ненавистью, поскольку не в силах перенести успехи друг друга!

Мощное оружие, атомный монстр, созданный гением человека, раскалывает и уничтожает вселенную.

Погибающая природа: заходящее солнце, как рана, брызнувшая кровью; ночь в траурных одеждах, бьющая ножом в спину дня.

Все негативы, несчастья и беды мира – это несмыаемые следы убийств, совершенных человечеством в его неутолимой и беспринципной жажде удобной, благоустроенной и сытой жизни! А инстинкт жизни, как гвоздь, пробивший подошву в башмаке: прокалывая и раня ногу человека, он мучает его, приковывая к себе все внимание! Ну и что же теперь делать бедному человеку, если нет у него возможности избавиться от этого «гвоздя», тем более что он заложен в него самой природой! Порочный круг.

Ну все, хватит философствовать! Если сейчас откроется дверь и ко мне войдет семнадцатилетняя красавица-пери, то я, по всей видимости, моментально забуду все свои «высокие мысли», все свои проклятия несовершенству этого мира, и начну легко и галантно любезничать с ней.

Вот так, дорогой читатель! Осознаешь ли ты, какова цена СЛОВАМ писателя? Как видишь, он и выплескивает на чистый лист бумаги свое настроение. Понимаешь ли ты теперь, что ни один из шедевров искусства не создан специально для тебя, поскольку каждый на этой земле пьет воду из родника личной заинтересованности! Не признавать этой Истины есть ложь и лицедейство.

Грех правит миром. Вот передо мной, на постели, спит моя красавица жена. А я, несмотря на пробуждающееся желание, не приближаюсь к ней, а с интересом наблюдаю за чужими красавицами, проходящими под окном моего дома, и... тоскую по ним, готовый целовать их следы. Вот такие черти сидят в моей душе! В то же время все окружающие считают меня исключительно добропорядочным человеком, и я не хочу, чтобы мнение обо мне было другим, поскольку мне, как и многим на этой земле, приятны похвалы.

Все это так – НО! – лживость и лицемерие убивают мою душу, привнося в нее разлад и тягостные мучения. И как же мне жить с этим, Господи?!..

* * *

Недавно мне приснился сон. Сейчас я не смогу точно вспомнить – что именно мне снилось? – но до сих пор живо чувство, с которым я проснулся. А проснулся я, осящая себя грешником, изгнанным в чужой и суровый мир за какое-то совершенное мной преступление. И проснулся я с тягостным ощущением, что «мир моего сна» и есть Истинная моя Родина, а реальный мир – лишь место ужасной ссылки, место моего наказания!

Осмысливая это ощущение, прекрасно понимаю, что все это лишь сон – просто сон! – но... почему-то страдаю, тоскую, и душа моя рвется к чему-то далекому, неясному, по-настоящему родному и... потерянному мной.

Хватаюсь за перо и пытаюсь анализировать свое состояние, свои чувства. Разве окружающий мир мне совершенно чужд? Ведь он – моя собственная вселенная, которую я строю уже почти тридцать лет! Здесь мои родители, семья, друзья. Здесь моя любимая работа и... мое творчество, мои произведения, сотканые из личного опыта радостей и бед. Все правильно, все хорошо, но почему же тогда на сердце-то

так тяжело? Почему оно мучается и горит желанием вернуться в какой-то другой мир, увиденный во сне?

Нечто тягостное начинает переполнять меня, мне плохо, но я никак не могу выbleвать это отвратительное «нечто». Собственное состояние ассоциируется у меня с клубком запутанных нитей, и я – как умею! – тяну и тяну эти нити, пытаюсь распутать. А клубок все не уменьшается, будто я и не прикасаюсь к нему вовсе. Но я упрям в своем желании – распутать! – и потому (повторюсь!) подобен человеку, которого мучает тошнота, и он изо всех сил жаждет избавиться от того, чем наполнен его желудок.

Но, может быть, не стоит спешить «с избавлением»? Может быть, моя спешка равносильна... стремлению к смерти?

Сосредоточиваюсь, беру себя в руки... Уф!... Я слишком долго топтался вокруг своих ощущений и, увлекшись поисками нового подхода к их «расшифровке», потерял цель. И сейчас эта «потеря» сидит во мне гвоздем, рождая ощущение того, что... пойманная рыба вдруг выскользнула из рук, оставив незадачливого рыбака в разочаровании и печали.

* * *

Жена моя, немного успокоившись после высказанных мне с жаром и болью горьких слов, подняла сына на руки и вышла на улицу. Причиной «брошенных» мне в лицо обвинений послужило то, что я не смог купить ВЕЩЬ, которую ей очень хотелось иметь. А я остался дома, стараясь успокоиться и... понять свою жену.

Природе человека свойственна жажда обладания все новыми и новыми вещами и стремление хвастать ими перед другими людьми. Приобретенная вещь на какое-то время подавляет в человеке беспокоящие его негативные ощущения, приносит видимость облегчения, уверенности, радости. Я ведь и сам неоднократно ошущал подобное!

Ладно, оставим пока тему вешизма, поскольку это особая тема для разговора. Но вот что меня беспокоит сейчас (и особенно после горячей беседы с женой!) – так это ограниченность моих материальных возможностей. Малоприятная тема для размышления. Да, я не богат – ничего не поделаешь! Человеку (как он ни старайся, ни бейся, ни крутись!) не дано добиться большего, чем определено ему Богом, который «отмеривает» судьбу всем: и нам, и нашим отцам, и нашим дедам. Здесь не помогут никакие МЕРЫ и никакой РАЗУМ. Можно надеяться только на милость Создателя!

Хорошо тому, к кому благоволит судьба, кто получил солидное наследство и вместе с ним – трамплин к достижению заветных желаний! А если нет, что тогда? Тогда вся жизнь – это достойная борьба за достойное выживание. Однако не секрет, что методы «достойной борьбы» в процессе получения «серьезного капитала» срываются крайне редко, зато срabатывает другое: нож в спину. Но подобный путь не для меня.

Поделившись мыслями с бумагой, я подошел к окну и выглянул на улицу: до меня донесся шум большого города. Наползала темнота – время, когда вечер расставляет свои коварные сети. Деревья, растущие рядом с моим домом, накинута на плечи разноцветные шелковые халаты и замерли, словно в ожидании чего-то. Подобно стрелам, летящим над полем битвы, пронзительные трели сверчков пронизывали пространство. Я смотрел и слушал... Слушал и смотрел... Беспокойное состояние, вызванное капризами моей жены, прошло; я слился душой с прекрасным миром природы за моим окном и ощутил прилив радости.

Внизу, по суетливой улице бесконечным потоком движутся машины: спешат, летят, торопятся, резко сигналият, обгоняя друг друга. Вид этого потока почему-то раздражает меня, как... как липкая паутина, по воле бродячего ветерка летящая прямо в лицо. И еще: мне почему-то жаль этот суетливый поток...

Ночью я так и не смог заснуть. Пытался, но меня разбудила тихая «песня» шелестящих в ночи деревьев. Я лежал и долго-долго слушал ее... И понял я в эту бессонную ночь, что все песни, слышанные мною до сегодняшнего дня – ничто в сравнении с шумом рошицы за окном. Я был околдован этим шумом. Из глубины моей зачарованной

души вырвалась и понесла меня куда-то стремительная волна моего смятения, моей тоски, моих желаний...

О, если бы я был композитором, то посвятил бы свою жизнь созданию одной единственной песни, и всякий, кто слушал бы ее – слышал бы голоса деревьев, «поющих» в эту ночь за моим окном!

И вдруг захотелось мне создать такую песню, чтобы сердце забилось тревожно и гулко, чтобы, отбросив мелкую суетность повседневных дел, броситься в объятия чудесной роши, слиться с ней, став ЕЕ ПЕСНЕЙ. И преклонив колени пред Аллахом, заплакать и возблагодарить Его за то, что подарил Он нам, смертным, Великую Песнь Природы, в которой заключен смысл всего...

* * *

Сегодня меня в буквальном смысле чуть не стошнило от физиономий некоторых писателей, и я сбежал домой. Мне трудно дышать в затхлой атмосфере, насаждаемой отдельными «деятелями» литературы и искусства, истратившими годы своей жизни на амбициозное самоутверждение, на добывание должностей, почестей, прибылей, живущих в ненависти и зависти, в бесконечном копании ям друг другу.

Размышляя о подобных «деятелях», я пришел к однозначному выводу: очень важно быть ПОРЯДОЧНЫМ ЧЕЛОВЕКОМ! По сути дела, это самое высшее «звание» на земле, но, к сожалению, люди, по-настоящему достойные его встречались мне так же редко, как и счастливые мгновения в моей жизни, и это дало пищу для очередных размышлений.

Я вспомнил одного известного писателя, который, стоя за кафедрой, мог долго и нудно говорить о достоинствах своих «великих произведений», доводя слушателей до температуры плавления. В конце затяжного монолога он всегда с грустью добавлял: «К сожалению, мало кто читает мои книги. Наш народ превращается в животных, у людей нет должного научного и культурного уровня!».

Действительно, уровень решает многое, в том числе, и уровень произведения. Можно сказать, что каждое словесное творение подобно живому организму – дереву, животному, человеку... Оно имеет свои уникальные признаки, свою структуру. И функционирует оно, как живой организм. С одной стороны, когда читаешь чью-то книгу, то ощушаешь себя так, будто беседуешь с незнакомым тебе человеком и постепенно узнаешь его, открываешь тайны его души. С другой стороны, нельзя же вступать в беседу с кем попало, с первым встречным. Даже имея такую возможность, человек не будет этого делать. Мы сближаемся с людьми выборочно, и, только выбрав, приближаем к себе. У каждого из нас свой вкус, свое представление о зле и добре, о кривде и правде; у каждого свой менталитет. Чужие советы тут впустую. В человеческих симпатиях и антипатиях царит полная демократия: каждый отдает свой голос за того, кто ему действительно по сердцу. В результате, как ЧИТАТЕЛЬ НАХОДИТ СВОЮ КНИГУ, так и КНИГА НАХОДИТ СВОЕГО ЧИТАТЕЛЯ.

Если исходить из этих умозаключений, то становится искренне жаль вышеупомянутого писателя, который всеми правдами и неправдами стремится «быть изданным» и «известным». В условиях нашей рыночной экономики он напоминает торгаша, громко рекламирующего качество продаваемой им жвачки. Ладно, пусть рекламирует, но, если действительно считает себя одаренным писателем, то пусть и выполняет свою работу на совесть, на достойном для серьезной литературы уровне. К сожалению, пока ничего достойного этот «деятель» не создал, поэтому я и не вижу большой разницы между ним и торгашом с рынка.

Эй, братишка или сестренка, неведомо в каком глухом кишлаке взявшиеся за перо! Покачиваясь в колыбели своих фантазий и грез, откройте глаза! Взгляните на мир с реальных позиций! Оцените увиденное объективно и тогда поймете, что многие слишком часто мелькающие на телеэкране, сияющие, как кинозвезды, с обложек своих книг «великие писатели» на самом деле всего лишь амбициозные и самонадеянные крикуны. Поймите, что гораздо лучше и достойнее на этой земле быть просто хорошим человеком, чем бездарным и агрессивным в своей бездарности деятелем ис-

куства! Всмотритесь в истинное обличье этих шеголеватых нищих, любой ценой рвущихся к вершине славы (подчеркиваю: любой!). Их суть – тшеславие, притворяющееся скромностью. Смотрите, юные дарования, и делайте соответствующие выводы! Если жажда творить действительно горит в вашей душе, тогда будьте писателями, поэтами, художниками – **НО! ХОРОШИМИ, ДОСТОЙНЫМИ, ЧЕСТНЫМИ!** Чтобы стать такими, нужно вложить в свое творение душу, нужно суметь привнести в литературу нечто СВОЕ, неординарное, неповторимое. И еще: подобно солнцу, которое, появляясь на небе, разрывает завесу мрака, нужно уметь говорить ПРАВДУ, разрывая ошейник лжи. Это очень трудно! Но в противном случае вас ожидает печальная участь: превратиться в грязный поток никому не нужной словесной шелухи.

Думайте! Выбирайте!

Порой писатели (в том числе и я!) по многим причинам «наполняют» свои произведения невероятной ложью, пытаюсь очаровать тебя, читатель, своим фальшивым подвигничеством. Не всему верьте! Творческие замыслы рождаются подчас от безысходности положения (например, от бедности, нищеты!). Желая вырваться из этой безысходности, писатель может выдумать что угодно, но подчас скатывается в обычное пустословие, стараясь преподнести его как очередной шедевр...

Да, бедность заставляет подчас (вопреки собственной совести) «торговать словом», «лицемерить словом» в надежде угодить, прославиться и дорваться, наконец, до достойных гонораров.

Бедность не порок, но... и не достоинство.

Это пощечина, которой Аллах отметил лицо своего раба (все равно как меня наградили лысиной). Одни принимают эту «пощечину» как дар, другие – как наказание. Это трудноизлечимая болезнь. Это как приказ: «подставь нагую грудь под летящую в твою сторону пулю!».

Бедность – это палач, ежедневно казнящий тебя.

Бедность – это лекарство, которое ты не смог купить своему умирающему сыну. Это полные надежды глаза твоей беременной жены, пожелавшей дефицитных, дорогих продуктов, и теперь с беспокойством ожидающей твоего возвращения с рынка.

Бедность – это боль, мучение, горе... Оно безысходно в своей непоправимости, совсем как тело, оставшееся в результате несчастного случая без рук и без ног.

Бедность – это пламя, застывшее в твоей груди, это несостоявшаяся любовь, обездоленность, обида...

Бедность подобна слепоте: не отпустит того, кого поймает! Это черная кошка, пробегающая между отцом и сыном, или братьями, или супругами...

Бедность – это печаль, стон, крик, одиночество... Пока ты жив, она не оставит тебя в покое. Подобно наемному убийце, получившему большие деньги за твою голову, она крадется, ожидая удобного момента для рокового удара.

Бедность опасна для творца, поскольку может уничтожить его как индивидуальность. Именно нужда заставляет приспосабливаться, лгать, торговать своей совестью, а значит, и своим словом. В результате и появляются творения, которые можно назвать «пустословием».

Но даже бедность не преграда для Истинного ТВОРЦА! Она может сковать кандалами его руки и ноги, но не сможет уничтожить величие его сердца и дерзость его разума, а значит и величие, и дерзость его СЛОВА.

Она не сможет препятствовать общению человека с... солнцем.

Она не может помешать СВИДАНИЮ ЧЕЛОВЕКА С ЧЕЛОВЕКОМ, а именно это и есть источник творчества для настоящего писателя.

Перевод с узбекского Замиры Касымовой и Ольги Григорьевой

(Продолжение следует)

Даниэль ВАСИЛЬЕВ

Даниэль Владимирович Васильев родился в 1982 году. Окончил Ташкентский университет информационных технологий. Живет в г. Москве, работает старшим специалистом отдела информационных технологий СОАО «Русский страховой центр». Участник и лауреат литературного конкурса «Фантрегата». Опубликовал несколько рассказов в журналах «Порог», «Реальность фантастики», имеет также сетевые публикации. Автор романа «Последняя дворняга». В журнале «Звезда Востока» публикуется впервые.

СКАЗОЧНИК

Повесть

А бог взирал на это молча...

Петя Смирнов родился в полнолуние. Теперь это считалось хорошим знаком, хотя в старину, как говаривали люди, все было с точностью до наоборот. Быть может, предки были не так уж и неправы, ведь Петя родился слабым, болезненным ребенком. А в год он перенес тяжелое заболевание из числа тех, что были давно забыты людьми и стали вновь появляться только теперь. Мальчик выжил, но навсегда остался хромым, к тому же, у него «застыло» лицо – некоторые мышцы его перестали подчиняться командам мозга. Куда уж хуже?

С другой стороны, кто знает, выжил бы он вообще, случись ему появиться на свет во время ущербной или молодой луны? Как бы там ни было, маленький Петя был любим своими родителями, особенно мамой, неизменно утешавшей его после колотушек хорошего, но вспыльчивого отца. Петя на папу не обижался, тот бил его хотя бы за дело, а вот братья...

Их у Пети было трое. И еще одна сестра. Все старшие. Наверное, они его тоже любили, но в это Петр верил с трудом, несмотря на уверения матери. Любовь матери и богатое воображение, благодаря которому он мог в мечтах отправиться куда угодно и стать кем угодно, стали единственной отрадой мальчика в непростой жизни.

Жили они бедно, в небольшом селе. Отец работал в поле с двумя старшими братьями и охотился, мать держала скотину, пасти которую помогала сестра Петра, а позже и он сам. Отношения со сверстниками у мальчика не складывались, никто не хотел играть с ним, никто не дружил. Да и как играть в салки с тем, кто и ходит-то с трудом, а уж бегать и вовсе не может. К тому же, обезображенное болезнью лицо отвращало и детей, и взрослых. Первые открыто дразнились, вторые, смущенно хмыкая, отводили взгляд и старались побыстрее ретироваться с пути «дурачка». Разве что сестра порой была добра к нему, да и та, взрослея, предпочитала ему общество соседских мальчишек.

Петя очень любил работать. Он был бы рад взяться за любой труд, но доверяли ему немного – пасти коров, убирать хлев, помогать сестре и маме готовить еду. Однажды Чернушку – так звали одну из коров – укусил особенно крупный слепень, и она, взбесившись от боли, убежала в лес. Петя не стал звать на помощь маму, потому что испугался, что его станут ругать за немощь, и сам поковылял, проклиная ноги, вслед за Чернушкой.

Лучше бы он тогда позвал все-таки маму, потому что ничего хорошего из его попытки доказать свою состоятельность не вышло. Чернушку Петя не догнал, через два дня отец с братьями нашли ее останки аж за просекой. Зато пока он «бегал» по лесу, коровы разбрелись, и мать с сестрой едва собрали их до темноты. Мама в тот день намаялась ужасно и едва ли не впервые поругала Петю так, что он заплакал. Наказание отца, куда более суровое, после маминых слов показалось ему чем-то не стоящим внимания.

На следующий день папа сказал:

– Работать ты не можешь, сын. Тебе нельзя поручить даже простое дело.

Если папа называл его сыном, а не по имени, значит, он был очень зол на Петю. Или сильно расстроен. Петя втянул голову в плечи и с ужасом ожидал продолжения.

– Ты знаешь, что никто не может жить без настоящей работы. Знаешь? – вопрос был риторическим, но Петя счел за лучшее кивнуть, не злить отца еще сильнее. – То-то же. Все, кто не работает, умирают от Болезни. Кхе... В нашем мире не работать может лишь одна каста людей, Сказочники. Ты ведь знаешь, кто это?

Петя знал. Он видел Сказочника дважды – когда был еще совсем маленьким и позже, лет в пять или шесть. Сказочник, а это был благородный седовласый, ухоженный старец, ему понравился. Ведь он рассказывал им, ребятишкам и взрослым, и больным, и здоровым, такие замечательные сказки.

– Так вот, Петя, – продолжил папа, получив от сына очередной робкий кивок. Отец почему-то сменил тон с грозного на мягкий, сочувствующий и виноватый, – у тебя есть два пути: либо дожидаться Болезни в бездействии, либо пойти учиться на Сказочника. Если возьмут, конечно. Но я думаю, стоит хотя бы попытаться.

Грустная и заплаканная мама активно закивала:

– Да-да, сыночка, тебе обязательно надо ехать в Академию! Я уверена, у тебя обнаружится Талант и ты станешь очень хорошим Сказочником. Обязательно!

– Ну, а если нет, что ж... мы будем вызывать Сказочника всякий раз, когда Болезнь прихватит тебя. Но ведь больных много, а Сказочников не хватает, однажды он может просто не успеть.

– Ой, Витя, что ты такое говоришь?! Зачем ты пугаешь мальчика? Ведь это ... это...

Мама заплакала. А Петя твердо решил, что обязательно станет Сказочником, чтобы она больше не плакала из-за него, чтобы она всегда только радовалась и гордилась своим сыном.

До Академии, которая находилась в стольном граде, Петя вместе с отцом добирался на перекладных. Дорога была дальняя, но люди были к ним добры и часто соглашались везти за так, поэтому лисьих и заячьих шкурок папа Пети истратил немного. На обратный путь их хватило бы с лихвой.

– Вот и гостинцев прикуплю в столице, – радовался отец.

Петя всю дорогу был сам не свой. Он судорожно сочинял сказку, которую его, конечно же, попросят рассказать Академики. Как назло, обычно богатое воображение работать не желало, и мальчик совсем уж отчаялся. А ну, как выгонят его обратно, в деревню? Что тогда станет с мамой?

«Ну же, сказочка, миленькая, сочинись, пожалуйста!»

Сказка игнорировала его мольбы.

Когда пришло время предстать перед Академиками, Петя совсем занемог. Обычно непослушные ноги теперь и вовсе отказались ходить, так что отцу пришлось даже поднимать мальчика по лестнице величественного здания на руках.

Папа буквально втащил Петю в большую залу, где заседал приемный Совет Академии. Старцы, а Академики все как один казались мальчику глубокими стариками, хотя младшего из них едва тронул четвертый десяток, а среднему не было и шестидесяти, все, как один, улыбнулись Пете, а самый главный, восседающий на высоком кресле, жестом пригласил мальчика взойти на сцену. Петя думал, что не сумеет, силы, казалось, окончательно оставили его. Однако хромые ноги сами собой понесли тело к лестнице, подняли по ступеням и вынесли в самый центр сцены, где стоял одинокий простой стул. Только теперь Петя увидел, что зал перед сценой не пуст, там сидело около десятка человек. И еще трое лежали на специальных кушетках.

«Больные, – с ужасом понял Петя. – Неужели именно я должен вылечить их?!»

Да-да, в зале сидели пораженные проклятой Болезнью несчастные, жизни которых, как казалось тогда Пете, зависели от него. На самом деле, в случае неудачи претендента, за дело бы взялся профессиональный Сказочник, но тогда Петя об этом не знал.

Папу выгнали, а ему вежливо и ласково было предложено рассказать сказку.

Казалось бы, тяжесть ответственности должна была ввести мальчика в полный ступор, однако случилось иначе. Именно больные, их присутствие, повернули какой-то тайный ключик на двери запертого доселе Петинного Дара. Ни о чем не думая, он стал рассказывать, сочиняя прямо на ходу.

Сказка о ежике

Жил-был маленький ежик. Была у него мама ежиха и папа еж, а больше никого не было. Родители ежика любили, дома у них всегда было много еды, в достатке воды, тепла и сухих листьев. Ежику нравилась их уютная норка, особенно в те моменты, когда папа приходил с охоты, с трудом втаскивая в узкий лаз большое яблоко, или пузатый Белый гриб, а маленький ежик, пыхтя от натуги и счастья, помогал ему. Потом они садились все вместе за огромный стол с белой скатертью и начинали кушать, смачно чавкая и сыто отдуваясь.

Но когда иголки маленького ежика подросли, и ему пришла пора выходить на свет божий, малыш вдруг обнаружил, что мир не спешит подружиться с ним. Ах, как хотелось ежику поиграть вместе с другими детками, шуточно повозиться с ними, погонять в салки. Дружелюбно фыркая, он из раза в раз подбегал к компании детишек – белочек и зайчишек, мышек и цыплят куропатки. Но всякий раз они начинали ругаться на ежика и прогоняли его.

– Ты такой колючий, что с тобой невозможно толкаться! – возмутились мышата.

– Ты такой шумный, что с тобой невозможно играть в прятки, – вторили им цыплятки.

– Ты такой нерасторопный, что с тобой неинтересно играть в салки, – причитали зайчата и бельчата.

Ежик обижался и плакал. Он спрашивал маму, нет ли поблизости других ежиков, таких, как он, малышей, которые бы согласились играть с ним, но мама качала головой – нет, другие ежики слишком далеко, чтобы его можно было отпустить к ним одного.

А папа еж говорил, что недружелюбные зверята просто глупцы, что не хотят играть с ним. А раз так, то и водиться с ними нечего. Маленькому ежику оставалось только громко и печально пыхтеть, ведь уговоры родителей утешали его слабо.

Тогда он стал просто выходить в лес, чтобы издалека посмотреть на то, как играют другие детки. И вот однажды, когда бельчата, зайчата, мышата и цыплята увлеклись игрой слишком сильно, к ним подобрался большой и злой серый волк! Он выскочил из зарослей вдруг, внезапно, так что малыши не успели разбежаться, а теперь их поразил ужас и они, слабо попискивая, могли лишь прижимать к голове ушки и бесполезно сжиматься в землю. Волк довольно облизнулся, оскалился, зарычал и всей громадиной своего необъятного тела навис над малышами.

Ежик понял, что через мгновение его недругов съедят, и ему стало жалко их. Сам он тоже вначале испугался, хотя волк и не заметил его, спрятавшегося в углублении между корнями старой сосны. Но теперь страх пропал, и ежик поспешил туда, где застыли, охваченные ужасом детки. Волк его если и заметил, то не придавал этому значения, а может, и обрадовался: еще и десерт катится, пофыркивая.

Ежик оказался на месте как раз тогда, когда серый злодей уже вознамерился схватить в зубы первую жертву – маленького зайчонка. Ежик прыгнул вперед и перед самым носом волка свернулся клубочком, как учила его мама. Серый не успел прекратить движения головы, и нос его угодил прямым в самые колючки.

Волк взвыл дурным голосом и убежал не солоно хлебавши.

С тех пор зверята перестали задирать носы и прогонять ежика. Каждый день, пока он не стал взрослым, они играли с ним и в прятки, и в догонялки. Ну и что, что он громко пыхтит? Зато прятаться умеет так, что, если не услышишь, то и не найдешь! Ну и что, что бегают он медленно? Зато катается быстро, свернувшись в шарик. Ну и что, что колючий? Зато с ним никакие злые волки не страшны!

Петю взяли в Академию. Больные, перед которыми он выступал, вылечились, и Академики остались довольны. Папа, устроив сына в общежитие и купив гостинцев домочадцам, последний раз обнял сына, улыбнулся ему одобрительно, хкекнул гордо, да и убыл восвояси. Его ждала далекая дорога домой, но его сыну предстояло пройти куда более длинный и тяжелый путь, с неизменным испытанием в самом его конце, который должен был стать началом новой жизни.

На закате третьего тысячелетия с рождества Христова человечество так и не сумело покорить космос, так и не уподобилось богам и по-прежнему не понимало в мироустройстве чего-то главного. Однако все это время прогресс не стоял на месте, и многие знания покорились настырному человеческому гению. Например, только фанатичные любители истории прошлых веков и светила фундаментальной медицины знали, помнили страшное слово – простуда. Человек более не трудился в поте лица за хлеб насущный, не расходовал ресурсы организма в тяжком физическом труде. Не было больше голода и болезней, забылись войны и даже преступления. Наступил, казалось, долгожданный золотой век. И человечество, наслаждаясь им, немного заскучало.

Скучать, однако, пришлось недолго. Каких-то жалких сто-двести лет.

Беда пришла оттуда, откуда ее никто не ждал. Взамен сотен и тысяч побежденных болезней пожаловала одна, но такая, против которой не было ни лекарств, ни иного спасения. Чума Золотого Века – так прозвали ее люди, в то время как ученые и вовсе бессильно опускали руки, ибо как-то классифицировать Болезнь не могли, не умели. Чума носила некоторые признаки эпидемии – заболевали ею целые города и страны, с другой стороны, множественные опыты показали, что она не заразна, по крайней мере, в привычном смысле. К тому же Болезнь появлялась то тут, то там, совершенно бессистемно и непредсказуемо.

Чума Золотого Века развивалась в три этапа. Начиналось все с банального недомогания, слабости, повышенной температуры и неприятия пищи. Так продолжалось два-три дня. Затем пациент впадал в полную апатию, отказывался двигаться и что-либо делать, хотя физически никаких преград к тому не было. Больной не только слышал и воспринимал все, что происходило вокруг, но и смутно помнил об этом позже, однако же в период прохождения второй стадии он ни на что никак не реагировал. Просто лежал и, молча, смотрел в одну точку, игнорируя все и вся. Кормить и поить таких больных приходилось силком.

Второй этап болезни длился около пяти дней, редко больше.

Последняя фаза характеризовалась отсутствием рефлексов, замедленным пульсом, слепотой, бесчувственностью. Больной впадал в некоторое подобие летаргического сна. Естественно, он все так же никак не реагировал на происходящее вокруг, только слух ему не отказывал. Еще через пару дней у пациентов резко поднималась температура, начинался бред и лихорадка. И это означало, что с вероятностью в сто процентов больной умрет в течение одних суток.

И никаких лекарств, никакой надежды.

Чума принялась методично уничтожать человечество, совершенно игнорируя при этом другие виды живых организмов. Некоторую логику, правда, а скорей – закономерность, в поведении Болезни выявить удалось почти сразу. Первыми умирали те, кто совсем уж ничем не занимался, превратив свою жизнь в простое, лишенное всякого, хоть бы и надуманного, смысла существования. Попросту говоря, бездельники. И никто не мог дать никакого внятного объяснения происходящему.

Метафизики говорили: кара господня поразила людей, наказание за отречение от веры, за генетику, за неумелое вмешательство в чудо, явленное богом – в жизнь и ее физиологию. Грядет очищение, кричали они, покайтесь, грешники, недолго осталось жить вам, так успеете хотя бы осознать грехи свои и заблуждения.

Быть может, говорили рационалисты, пришло время естественного старения вида? Возможно, человек как вид изжил себя и вымирал теперь в силу естественных причин? Нет-нет, возражали философы, иным реликтам миллиарды лет, а они все существуют в

первозданном виде и вымирать отнюдь не собираются. Все дело в разуме и в том, что он дает – мечты, стремленья, перспективы. Люди достигли всего, чего только могли достичь, постигли все, что только способны постичь. Движение остановилось, исчезла перспектива на будущее, незачем стало жить, а раз так, то неминуемо должно было что-то случиться. Что-то, что вдохнет в человечество новую жизнь!

Пока что Чума вдыхает лишь новые смерти, возражали им.

Подождите, потерпите, люди откатятся назад, в прошлое, забудут о достижениях прогресса, и вот тогда-то начнется новый виток, – не унимались теоретики. – Может быть, тогда люди не просто повторят наш путь. А найдут иной, обретут-таки достойную вечного существования цель.

В одном они были правы – человечество начало деградировать. И довольно быстро. Болезнь не унималась.

Была уничтожена вся робототехника, все то, что позволяло Новому Человеку жить в свое удовольствие. Люди вновь вернулись к натуральному хозяйству, заново научились сеять и жать, самостоятельно строить жилища, обрабатывать металлы самым примитивным образом, охотиться при помощи луков и стрел и так далее. Трудотерапия значительно сократила темпы вымирания, потеснила Болезнь. Жаль лишь, недостаточно сильно. Не настолько, чтобы изменить основную тенденцию – движение к полному исчезновению человечества.

Все же, надо отдать должное ученым – именно они впервые обнаружили лекарство. Средство, которое категорически изменило распределение сил в борьбе с Чумой Золотого Века.

Этим чудо-зельем оказалась сказка!

Да-да, обыкновенная сказка, простая, добротная, чудесная, наконец. Не детектив, не любовный роман (если только в нем не было элементов чуда), не заумь философская. Причем, сказка изустная. Кино, и книги тоже помогали, особенно в порядке профилактики, но эффективность их была много ниже волшебной, фантастической истории, рассказанной вслух.

Развить открытие, понять закономерности было теперь, что называется, делом техники и времени. Так вот, больной, послушав сказку, если только он еще не успел впасть в горячку, излечивался, а здоровый не заболел. Вместе с тем, недостаточно было однажды послушать Сказочника, чтобы вылечиться навек, нет. Сказка служила лишь временным средством. Да и помогала она не всем. Те, кто совсем не умел воспринимать чудо, прожженные рационалисты, все равно умирали, исходя скепсисом, словно кровью. А эффективней всего сказка действовала, конечно же, на детей.

После «лечения» чудом, выживали семь из десяти взрослых и девять из десяти детей. Люди, прошедшие курс «терапии» – два-три вечера по одной сказке на ночь, не заболели в течение трех, а то и пяти лет! И объяснить, подвести научный базис под это явление не мог никто.

Казалось бы, выучи десяток-другой классических сказок и живи спокойно. Но нет, оказалось, что история, повторенная дважды, лечит хуже, с меньшей эффективностью. Трижды – еще хуже, а после пятого пересказа не помогает вовсе. Причем, даже если пациент слышит (видит, читает) ее впервые. Именно поэтому все старые сказки, все наследство человеческого гения прошлых веков, тысячелетий, быстро оказалось «на помойке». Вот тогда-то и родилась новая профессия – Сказочник.

Было даже мнение, что изначальная эффективность сказки стопроцентна, но так как Сказочник, ее автор, сочиняя, перво-наперво как бы рассказывает ее самому себе, то людям достается лекарство «второй свежести». Косвенно это подтверждал тот факт, что Сказочники никогда не заболели Чумой Золотого Века.

Сказочники были сродни докторам, они ходили по городкам и селам и лечили больных своими историями. Относились к ним, скорей, как к святым, как к спасителям, ибо помощь их была сродни чуду. Благодаря их труду, заметно откатившееся в бездну человечество начало приходить в себя, поднимать голову.

Не всякий мог стать Сказочником, не всякому был дан талант творить изустное чудо. Необходим был особый дар!

Обнаружив зачатки оного у ребенка или отрока, его забирали от родителей в Академию, где учили и воспитывали в течение трех лет. А после обучения кандидат должен был выдержать Экзамен – его запирали вместе с Экзаменатором в глухой, звуконепропускаемой комнате и ровно тысячу и один день отрок или отроковица находились в ней тет-а-тет с наставником, рассказывая тому по сказке в день. Считалось, что такие условия позволяли «сохранить» придуманные сказки. А накопленный за без малого три года Экзамена багаж историй становился как бы выпускным приданным молодого Сказочника. В случае удачного завершения Экзамена, конечно.

Экзаменатор при этом не делал ничего. Он просто лежал и слушал. То есть был поставлен в такие условия, когда от злостного безделья должен был неминуемо заболеть. И только качественные ежедневные сказки могли спасти его от Чумы на протяжении тысячи и еще одного дня.

Выдержав Экзамен, кандидат становился уже настоящим Сказочником, получал диплом и лицензию на Лечение. Затем он шел «в народ», работать. И работал до глубокой старости, до самой смерти.

Человечество, вооружившись двумя средствами к спасению – сказкой и тяжким трудом, возвели их в ранг новых религий и хранили им верность вот уже на протяжении второго века. Болезнь, однако, они так и не победили, лишь выгнали за порог, вынужденные все время помнить о ее существовании, поминутно страшась возвращения проклятой.

Обучение давалось Пете легко. Он с блеском прошел курс классической сказки, средневековой фантастики, древнейшей мифологии и еще много других курсов, всякий из которых изучал сказку с разных сторон и открывал студентам глаза на бесконечное многообразие жанра, возраст которому не брался назначить и самый смелый из Академиков. Казалось, сказка существовала всегда, укрываясь в разные времена под разными именами. Люди, как-то вдруг понял Петя, на протяжении всей своей истории мечтали и мечты превращали в сказки, легенды, которыми заражали, заставляя мечтать, новые поколения. Вот только почему-то эта вечная цепь незаметно прервалась.

Прервалась не так давно, на восходе Золотого Века. Люди перестали писать и читать произведения, сутью которых становилось иррациональное допущение, чудо. Перестали творить «неправду», фантастику, наивную детскую сказку. Когда Петя открыл для себя эту истину, он подумал – может, в этом и состоит причина всех бед современности? Может быть, стоит лишь научиться вновь мечтать и верить в чудо, и тогда Болезнь забьется в такую потаенную шель, что люди и думать о ней забудут?

Окрыленный тем, что сам, первый, нашел и постиг Истину, Петя добродушно поделился ею со всеми, с кем только мог поделиться. Он срывал голос на студенческих посиделках, спорил с пеной у рта с преподавателями, не замечая, что никто ему не возражает, просто то, до чего он додумался только теперь, для них давно не открытие, а лишь одна из принятых на вооружение теорий. На последнем курсе учителя сами рассказали о ней, поставив в один ряд с другими.

– Ну вот же, вот, – кричал Петя, – вы и сами поняли в чем причина, так почему же бездействуете?

– А что мы можем? – удивлялись Академики. – Что дает нам знание причины? Да и то, не верное знание, а лишь догадка. Разве не внушаем мы людям тягу к мечтам, разве не лечим их чудом?

Постепенно Петя понял, что все гораздо сложнее и, главное, непостижимей, чем казалось недавно. В тот последний год обучения в Академии он почувствовал себя по-настоящему счастливым. Сказка не просто увлекала его, не просто поддавалась ему, она стала его жизнью, его персональным смыслом существования. К тому же, тут, в Академии, у него впервые появились друзья, такие же ежики, как и он сам. Сильные рабочие руки были нужны во всяком хозяйстве, а вот слабых и больных родители отдавали на обучение в Академию Сказок гораздо охотней.

Вместе с одноклассниками Петя гулял по городу вечерами, ел мороженое и пил горькое пиво, спорил. На одной из студенческих посиделок один из товарищей поведал

Пете и всем собравшимся старую легенду о Сказке. Легенда сама по себе была сказкой, причем, как утверждал рассказчик, сказкой далеко не новой, но для Пети она оказалась откровением.

– Смысл существования Сказочников, – говорил тот студент, – в том, чтобы найти среди множества простых сказок одну, самую главную. Сказку, которая, будучи придуманной и рассказанной однажды, не просто отгонит Болезнь, как пастух отгоняет прутком не ко времени возбуждшегося быка от дойной коровы...

Все заржали самым непристойным образом.

– ... Хе-хе, да... – продолжал рассказчик. – А убьет Чуму совсем, окончательно. Она не будет «протухать», она сможет «жить» на бумаге, на киноплёнке, сможет летать раз за разом, и не надо будет больше сочинять каждый раз новые истории. Эта Сказка станет Священным Писанием, как Библия или Коран, только новым, совсем другим, понимаете? Писание, которое спасет жизнь! Говорят, если однажды один из нас не придумает такую Сказку, все усилия окажутся напрасными, и болезнь рано или поздно возьмет свое. Ведь невозможно бесконечно придумывать все новые истории. А тот Сказочник, что найдет Ее, станет Великим Героем, и его будут помнить во все времена, как мы помним... э-э... как звали того слепца?

– Гомер, – подсказал Петя.

Студент продолжал что-то говорить, но Петя его больше не слышал. Вот оно, понял он, вот тот Смысл жизни, которого только и достойно держаться! Я, именно я, найду всеспасительную Сказку! Именно я напишу новую Библию! И стану Героем...

Экзамен Петя сдал успешно. Его экзаменатором стал очень древний, шамкающий и полубезумный дед. Если честно, Петя, едва увидев его, весь покрылся мурашками от ужаса, ведь с этим человеком ему предстояло провести в замкнутом пространстве тысячу и один день! От страха и сказки поначалу рождались с трудом, Петя подолгу молчал, потом начинал мычать и буквально выталкивал из себя очередное слово. Хорошо еще, он загодя придумал несколько сказок, и теперь ему требовалось лишь вспомнить их и внятно рассказать. Но старик не ругал его, наоборот, благосклонно кивал и внимательно, не прерывая и не торопя, слушал. А ведь он-то как раз рисковал куда большим, нежели Петя – своей жизнью. Ободренный студент постепенно осмелел, и дело пошло куда веселей.

Шли дни, домашние заготовки иссякли, но легкий испуг не помешал Пете сочинить сначала одну новую сказку, потом другую, третью и так далее. Сказки стали рождаться в его голове будто бы сами собой, словно кто-то свыше диктовал ему сюжеты новых приключений волшебника Охо, причудливые повороты судьбы Белого Дракона, юной ведьмы Анютки и молодого эльфийского воителя Даниэля.

А старик продолжал молча улыбаться и слушал, слушал, слушал... Петя так привык к нему, что иногда дед казался ему родным, словно настоящим Петиним дедушкой, которого Болезнь забрала так рано, что мальчик его почти и не помнил.

Прошел год, пошел второй. Экзаменатор по-прежнему не скучал, не заболел. Зато заскучал сам Петр. Он выдохся и, как ему казалось, готов был вот-вот сойти с ума от единообразия своей жизни, от бесконечных сказок, пустых дней, безобразного запаха, который исходил от старика, от невозможности увидеть небо, от еды, казавшейся безвкусной. Буквально все давило на Петю так, что не было никакой мочи терпеть. И сказки опять стали не сочиняться, а вымучиваться. И хотя он все так же рассказывал каждый вечер по сказке, в один отвратительный день Экзаменатор вдруг заболел!

Петю охватила паника. Он кричал о помощи, бил кулаками в глухую дверь, плакал и совершенно не знал, что ему теперь делать! Помощь не пришла. Его лишь спросили через переговорную шель, в чем дело, и, выслушав объяснения, посоветовали сосредоточиться и продолжить Экзамен.

– Как? – вопил в отчаянии Петя. – Как я могу продолжать, если мои сказки не помогают, если Экзаменатор все равно заболел?!

– Пока он жив, Экзамен не завершен. Работай, Сказочник...

Петя хандрил два дня. Старику становилось все хуже. Потом Петю сморил сон, после которого он вдруг почувствовал, что его сочинялка вновь зудит знакомым образом. И тогда он рассказал сказку о пьяном зайчике, который умудрился обхитрить лису, волка и медведя. Старику стало лучше уже к утру следующего дня, а Петя понял, что пора бы ему оставить на время изъезженную тему волшебства и магии и разнообразить свой репертуар.

К началу третьего года он смирился с тяготами Экзамена окончательно и перестал оставлять зарубки на ножках своей кровати. Да и куда уже было их ставить, если уж на то пошло. Как ни странно, остаток испытания прошел как-то незаметно быстро. Пришел день, когда Петю и его Экзаменатора выпустили из «камеры сказок», а через два дня молодой, но уже настоящий, дипломированный, Сказочник с долгосрочной лицензией, погрузив в рюкзак свой небогатый скарб, собрался в путь.

Уже перед самым выходом от одного из Академиков Петя узнал, что его Экзаменатор, шамкающий полубезумный старик, умер, едва покинув камеру, которую делил с будущим выпускником. Услышав это, Петр сначала испугался оттого, что причиной смерти могла стать его, Петина, недобросовестность, а значит, Экзамена он не сдал и диплом с лицензией у него вот-вот отберут! Но нет, оказалось, дед умер не от болезни, а просто от старости, быстрой естественной смертью.

Тогда Петя представил, что тот умер бы, не дождавшись окончания Экзамена! И Пете стало так плохо, что он был вынужден отложить уход еще на один день.

Новость о том, что из тридцати человек его курса Экзамен выдержали лишь пятеро, уже как-то не слишком тронула выпускника. Ведь он-то выдержал!

Жизнь продолжалась, и Петр уверенно шел вперед, отринув тяжелые мысли. Наоборот, он был преисполнен оптимизма, видел себя уважаемым, всеми любимым, успешным человеком, который занимается по-настоящему своим делом, который счастлив каждой минутой, каждым днем. Поначалу так оно и было. Накопленный за годы Экзамена багаж сказок позволил юному Сказочнику легко пройти испытание практикой, научиться разговаривать с публикой, не бояться ее, преодолевать природную робость. И упорно продолжать искать ту главную Сказку, что станет венцом его существования.

Шли годы, Петр обошел вверенные ему селения не раз и не два, успешно гасил вспышки Чумы, излечивал одиночных больных и проводил повсеместную профилактику. Он выделил из прочих голодранцев троих мальчиков и одну девочку и отправил их в Академию Сказок – все они, за исключением одного мальчика, успешно прошли обучение и сдали Экзамен. В Академии восхищались его умением видеть таланты не меньше, чем успешностью его целительства.

Со временем Петр стал одним из известнейших Сказочников. Его приглашали к себе правители, министры и вожди, ученые, наконец, которые оставались закрытой привилегированной, подобно Сказочникам, кастой. Его щедро одаривали, ему поклонялись. Ведь эффективность работы Петра была все рекорды. А сказка о ежике и вовсе попала в учебники и хрестоматии, потому что, несмотря на свою наивность и простоту, она отработала более десяти сеансов и лишь потом протухла – невиданный доселе случай для современной сказки. Подобное случалось только со сказками из наследия далекого прошлого, с классикой.

Простой люд прозвал Петра Апостолом Сказки, Петром-чудотворцем.

Жил он первое время с родителями, в отчем доме, но после их смерти понял, что стал в нем лишним. Наследников у родителей и без него выросло немало. Да и любви в этом доме стало меньше, по крайней мере, любви, нацеленной на него. Братья уважали его и побаивались, перечить не смели, но любить не научились, поздно было учиться. А сестра, выйдя замуж, переехала к мужу. Тогда Петр переселился в небольшой городок поближе к морю.

Петр любил море.

Сказочникам не разрешалось заводить семью, да и сожителство с женщинами в их цеху порицалось. Говорят, иногда увлекшегося женщиной Сказочника лишали лицензии. Не навсегда, конечно, а пока страсти не остынут. Вроде бы, тому были веские причины, но Петр о них ничего не знал, да и не интересовался особо.

Вот что разрешалось Сказочнику, так это оставлять потомство. Поощрялись случайные, ни к чему не обязывающие связи, в результате которых рождался генетический наследник. Но ни о каком воспитании ребенка в этом случае Сказочник и помыслить не имел права. Приходилось выбирать – карьера и всеобщее уважение, или лишение лицензии и даже диплома, осуждение общества, а то и незаметный удар в спину острым ножом в наказание за измену. Ведь Сказочников не хватало, а люди продолжали умирать от Болезни.

Впрочем, перед Петром такого выбора никогда не стояло. Он был успешен в профессии и совершенно не востребован среди женщин. Ведь его физическое уродство никуда не делось, скорей наоборот, стало еще отвратительней. Иные Сказочники, напротив, имели бурный успех среди женщин, ведь профессия предполагала обаяние, умение легко и свободно общаться, плюс почет и известность делали свое дело, разжигая сердца юных.

Нельзя сказать, что тема отношений с противоположным полом так уж мучила Петра, ведь его жизнь была посвящена иному. Но все же, он чувствовал себя обиженным. Разве трудно миру ответить любовью на его священный труд? Разве это великая плата за спасенные жизни? Разве он не достоин ее?

Со временем Петр стал понимать, что не только женской любви он был лишен по милости общества, но и вообще любви. Люди уважали его, боялись, боготворили, надеялись как на последнее средство, но не любили. Они смотрели на него умоляющими глазами, когда он приходил в селение, готовы были отдать последнее из материального, но стоило ему только сделать свое дело, как сквозь благодарность начинали проступать отчуждение и страх. Он был чужим для них, и вновь стал чувствовать себя отверженным, тем самым одиноким ежиком.

Лишь дети относились к нему порой с открытой душой, да и то не все.

Осознав горькую правду, Сказочник Петр, тем не менее, не потерял веру в лучшее, не утратил надежды. Ведь у него была мечта сочинить всеспасительную Сказку. Уж тогда-то общество должно было бы не просто принять его с уважением, но и полюбить. Жаль, что Сказка не торопилась, а ведь время было неумолимо, Петр перешагнул через шестой десяток, так и не найдя Ее. Его коллеги, с которыми он с молодости поддерживал связь и зыбкое подобие дружбы, давно и думать позабыли о Сказке, они просто делали свое дело и были им вполне довольны. Петру этого было недостаточно.

(Продолжение следует)

Анвар КАЛАНДАРОВ

Родился в 1984 г. в Ташкенте. В 2001 году поступил в Национальный Университет Узбекистана, на факультет геологии. И начал работать журналистом в ряде столичных изданий («Бизнес-вестник Востока», «Технология и дизайн», «Megapolis», «Bella Terra», «Snobs») и книжном бизнесе. С 2007 года выступает экспертом авангардных книжных изданий начала XX века. Стихи и прозу пишет с 2004 года, принимает активное участие в культурной жизни столицы, устраивая перформансы (фестиваль «Серый свод»), музыкально-поэтические представления (фестиваль «Нота»).

В журнале «Звезда Востока» публикуется впервые.

Удивляться... но оставаться верным себе

Время

(посвящается Хлебникову и Введенскому)

Утро наступает как всегда внезапно.
Сон абсурдный, даже можно сказать,
Сюрреальный.
Будильник, гремящий в ухо в третий раз,
Последний отчаянный
Шанс досмотреть сон –
Это разбить круглую вешницу,
Вместившую в себя время,
Взявшую на себя
Это тяжкое бремя –
Распоряжаться судьбами бытия.
Время:
Час,
Минута,
Секунда,
Год,
Месяц,
Неделя,
День.
Стрелка бешено вращается,
Приближая тот день, когда
Время мною наиграется,
А я все смотрю на циферблат...

Я не вижу цифр,
Я не вижу стрелок,
Я вижу жизнь –
Она в часах отражается.
Вот мои первые шаги,
Вот мои первые слова,
Первый поцелуй,
Первая война.
Хочу увидеть, что будет завтра,
Через месяц,
Через год.
Часы молчат,
Накручивая мою жизнь на свои шестеренки,
На свои валики,
Ожидают поломки,
Когда замертво встанут,
И на столе предстанут
Часовщика,
Отца отцов,
Издалека пришедшего на зов.
А я не проснусь!

* * *

Биеньем сердца притворившись,
тук-тук..
бум-бум..
это не циферблат стучит,
это сердца шум,
хотя можно не обращать своего внимания,
ЭКГ покажет очередные линии,
тетка в очках согнется над листком
(это напоминает шаманское камлание),
потом
произнесет набор звуков,
о том, что пора мне отдыхать –
так говорит наука –
полежать,
перестать писать,
забыть читать,
больше спать...
потом
предложит лечь в больницу,
я откажусь
свободно запереть себя, как птицу,
в клетку,
ну уж нет!
я пройду по осеннему городу,
дойду до дома,
сяду за стол,
возьму перо
и начну записывать мысли,
забуду о стуче,

о шуме.
позволю своей руке
бессознательно водить по белой бумаге,
и именно тогда пойму –
вдохновенье
претворяется сердцебиеньем.

* * *

сидеть на концерте
модной музыки
и в наушниках слушать тишину
глядеть на сцену отрешенным взглядом
как ребенок глядит на луну
удивляться каждому
нововведению
но оставаться верным себе
и сосредоточенно
стоять в сторонке
среди яркого света
в темноте.

Метро

Я ехал в метро
и видел в окне
свое отражение,
оно смешивалось с какими-то проводами
и серыми стенами.
об их назначении
спросите у работников метрополитена,
не у меня,
хотя какое это окно,
в окно я наблюдаю рассветы и закаты,
дожди, луну,
порою снегопады...
так что это подобие окна.
сегодня, к слову, началась зима...
а я все еду
и смотрю на свое отражение,
понимаю, что символическое значение
таких разглядываний
может свести с ума,
и еще эта чертова зима...
двери открываются,
мне пора выходить –
жить
жить
жить
жить
жить

возвращение к читателю

Михаил ГАР

Михаил Гар родился в г. Ташкенте, окончил ТашГУ (НУУз), факультет журналистики. Работал корреспондентом УзТАГ, главным редактором в Издательском доме «АККА» (Санкт-Петербург), печатался в журналах «Молодая смена», «Молодая гвардия», газете «Ташкентская правда».

ЗОЛОТАЯ ПЫЛЬ МАХАЛЛИ

Ташкент, Ташкент...
скажи,
ты - стольный град?
Ты - сводный брат?
Ты - просто хлебный город?..
И почему я,
уезжая, - рад,
а без тебя
испытываю горечь?..

Владимир Рецептер.

Прошло более двух десятилетий со времени последних публикаций поэзии М. Гара в журналах и газетах Ташкента. Долгое время поэт жил и работал в России: в Санкт-Петербурге, Нижнем Новгороде, но его душа, его сердце оставались здесь, в городе, где он родился и вырос, где прошла его юность, городе первой восторженной и «вечной» любви, первых значительных жизненных побед, честолюбивых мечтаний, первых самых горьких разочарований и поражений, потому что только в юности бывает все «самое-самое» и еще потому, что, как писал Санджар Янышев, «есть города, в которых хорошо жить. Есть города, в которых нужно родиться, но которые нельзя не покинуть. Есть города, тайная миссия которых видна даже тем, кто в них никогда не бывал.

Ташкент - «солнечное сплетение» множества культур, провинция и центр одновременно»...

И эта его особенность не отпускает душу, пленит сердце, заставляет вновь и вновь и в мыслях, и в творчестве обращаться к этому ориническому городу, связанному с грезой, мечтой-воспоминанием. Для многих Ташкент из понятия реального давно превратился в субстанцию абсолютно духовную. И ташкентцы - особый этнос, для которого Город - контекст, сформировавший особую ментальность, особое отношение к себе,

людям, миру в целом.

Лучше, чем сам поэт о пронзительной любви к Ташкенту, о проникнутых нежностью и грустью воспоминаниях детства, не скажешь.

«Золотая пыль махалли»

Ташкент, Ташкент...

Здравствуй, старина. Семнадцать лет не виделась. Спасибо, что узнал меня.

Много историй могу вспомнить. Память вообще – это и лучшее, и худшее, что дано человеку. Потому что память – это наша совесть. Можно, родной, я вспомню только безгрешное?

Я родился в махалле пятьдесят три года тому назад, на Шейхантахуре, в ста шагах от мавзолея святого, в чью честь названа махалля. Голопузые, в черных семейных трусах, остриженные наголо, коричневые от загара, одинаковые, будто обожженные одним гончаром, мы носились по кривым переулкам – и золотая пыль обжигала наши ступни.

Любимой игрой маленьких была лянга – круглый кусочек бараньего руна, ровно подстриженный или с длинным ворсом, кому как нравилось. К внутренней стороне проволокой прикреплялась свинцовая бляшка, чтобы лянга была тяжелее, но не настолько, чтобы не могла подлетать, отправляемая ногой вверх. Казачки, джанзы, люры, виси...это приемы лянги, которые следовало выполнять в определенном порядке и, желательно, мастерски – если не хотел потом, проиграв, «маяться». Махалля учила нас, босоногих, стремиться к победе.

Наигравшись, мы отправлялись обедать. Пища была бесхитростной: под кривоносим водопроводом с ручной накачкой мы мочили куски подсохших лепешек и уплетали их с неописуемым удовольствием. Лепешки пекла в тандыре мама моего махаллинского друга Хамида – одного из одиннадцати детей в их семье. Жили они скромно, но никто – ни ребенок, ни взрослый, зашедший в их двор, не уходил, не выпив пиалу чая с горячей лепешкой. А нам нравился сухой хлеб, который мы мочили под кривоносим водопроводом.

На главной улице имени Горького, которая вводила вглубь махалли, на одинаковом расстоянии друг от друга стояли деревянные столбы с железными колпаками, прикрывавшими тусклые лампочки. На провисших проводах висели обрывки бумажных змеев: одни упали сюда недавно, другие – еще до войны. И каждый день в небо взмывали новые птицы, сотворенные из кальки, камыша и клейстера, и, держа в руках упругую, суровую нить, мы управляли ими, задрыв головы, и отпускали их все выше и выше. Махалля учила нас летать. И наши сердца переполнялись радостью оттого, что здесь, стоя по шиколотку в золотой пыли, у нас вырастали свои бумажные крылья.

...О махалле я мог бы долго петь под звуки бубна и ная. Но песня оборвалась в 1966-м. Землетрясение порушило все. Дом, казавшийся крепостью, в несколько минут стал калекой. Нанесенные ему раны были неизлечимы. Два месяца всей семьей мы жили в военной палатке, натянутой под виноградником. В дом заходить опасались, потому что подземные толчки следовали один за другим и неумолимо добивали жилище. Дом стоял в трех шагах, но был уже необитаем. Мы ютились в тесной, душной, брезентовой палатке, поставленной под тем виноградником, где так часто собиралась наша большая родня; где почти все махаллинские соседи праздновали великое событие – когда мне делали обрезание; где горели лампы в тысячу свечей, и мотыльки, презрев неизбежное, плясали перед ними, как одержимые. Было, было...

И кончился праздник. Прощай, дом. Прощай огромный двор с цветущими розами и фруктовыми деревьями; двор, изрытый мной вдоль и поперек в поисках мифического клада. Прощайте, друзья, разъехавшиеся неизвестно куда.

Махаллю снесли. Впятером мы переехали в какой-то безликий квартал, в узкую «хрущобу» с двумя смежными комнатами под низкими потолками. Теснота душила. Однообразная архитектура загоняла в тоску. Переулочек с золотой пылью сменила улица с серым асфальтом. И на этой улице жили совсем по другим правилам. Я пошел в новую школу, и не увидел ни одного знакомого лица. В классе не было дружбы. Прозвище «чужак» прилепилось ко мне с первого же дня. (Тогда я еще не знал, что много позже это прозвище будет следовать за мной долгих семнадцать лет). Каждый день приходилось отстаивать свое право на существование. Мы никогда не дрались в махалле; спорили, ссорились, но не дрались. А здесь, в новой, дикой для меня среде, кулачное «общение» было нормой. И много раз был битым – пока не научился крепко сжимать кулаки и попадать ими в цель.

Через два года мы покинули ненавистную «хрущобу» и вернулись в родные пенаты. На щедрой земле нашей махалли вырос огромный жилой массив, построенный ленинградцами. От нового дома, где мы поселились, до старого, на чьем месте поднялась четырехэтажка, было ровно сто шагов.

...Семнадцать лет мы не виделись с тобой, Ташкент. Ты заметно похорошел за эти годы, чего не скажу о себе: седины прибавилось, сердце пошаливает... – чувствую себя чуть ли не ровесником тебе.

Подъезжая к дому, первое, что увидел, была яркая вывеска – «Махалля Шейхантахур». Эти два слова – больше, чем ковровая дорожка от трапа, оркестр и букеты цветов! Конечно, не было ни дорожки, ни оркестра. А были просто эти два слова – «Махалля Шейхантахур». И означали они радостное: я – дома. А на следующий день соседи принесли плов, сладости, горячие лепешки... Салам аллеюкун!

Два дня мы с сестрой посещали кладбища: тридцать семь могил, вся наша некогда большая семья. Разве можно их оставить, забыть?

Мой сын, твой внук, Ташкент, служит сейчас в российской армии. Через несколько месяцев он демобилизуется. В своем письме он пишет: «После армии мне положен один бесплатный проезд по «железке». Угадай, отец, куда я поеду? Угадал: в Ташкент».

Я вернулся, чтобы дописать свой роман. Угадай, Ташкент, о чем он? Угадал: о твоей махалле.

На днях соседская девочка, шестилетняя черноглазая Жасмина, очень серьезно предупредила меня:

- Знаете что, вы не ходите через футбольное поле около школы.
- Почему?
- А там столько пыли!

Милая Жасмина, я не послушался тебя и пошел на это самое футбольное поле, снял башмаки и отправился напрямик – от одних ворот до других. И золотая пыль махалли обжигала мои ступни. А высоко в небе парил бумажный змей. Значит, снова у кого-то из маленьких выросли крылья.

В 2011 г. по возвращении на родину в Издательско-полиграфическом творческом доме им. Гафура Гуляма Михаил Гар небольшим тиражом опубликовал свой поэтический сборник «Тень богомола», включающий стихи, написанные в разные годы в разных городах, но каждое из них - это частица искренней, ранимой, тонкой и мудрой души поэта, каждое как бы тянется к тому, что лежит за ним, к той скрытой подлинности, ради постижения которой мы приходим в этот мир. Некоторые из них - это локальные восточные тексты, другие - авторские размышления об общечеловеческих проблемах, составляющих суть человеческого существования.

В стихах поражает сочетание какой-то невероятной легкости и невероятной же плотности языковой и культурной ткани.

Поэтика их негромкая, неброская, отражающая чувства и размышления зрелого человека, много повидавшего, имеющего свою жизненную позицию, собственный взгляд на мир, человека, которому есть что сказать, который умеет и знает, как это сделать.

Можно лишь завидовать читателю, которому еще предстоит увидеть новые произведения Михаила Гара.

«ХРОНИКИ ГЛИНЯНОГО ВЕКА»

Выбор

С днем рождения, человек!
Заходи, это – твой век.
Глиняный – лучше, чем никакой.
Ты пришел домой.

Оглядишь, облюбуй ландшафт –
Для семенных или парнокопытных.
На любой выбор наложен штраф –
Обычная пошлина для первобытных.

В начале

Вода не делит берега,
И счастье на земле едино,
И по руке не бьет рука –
За то, что разбудила глину.

Душе пока что невдомек
Необратимый принцип бегства.
Не сформулирован упрек,
Лишивший радостного детства.

Аз

Буква начинает слово.
Слово возбуждает дело.
Чтобы обмануться снова –
Сотвори пустое тело
И оставь на солнцепеке –
Чтобы выстрадало душу.
Загони судьбу в упрёки –
Без поблажек и отдушин.

«ТЕНЬ БОГОМОЛА»

Салам аллеика

На аллеике целуются,
На аллеике целуются,
А справа и слева летит улица,
Гудит, обгоняет, светит в тысячи фар...
Хорошо целоваться – даже если стар.

Перешагнув через уйму лет,
Приходи, облюбуй любую скамейку,
Обними женщину – и она призовет свет
На твою жизнь, сплюснутую в копейку,
И скажет: «Пойдем, отниму у тебя семь бед».

В любом возрасте и всем подряд
Выпадает счастье! И тебя озарят,
И подарят любовь, надежду, аллеику,
Где целуют славянку, узбечку, еврейку...
Уста в уста.
Без них аллеика пуста.

* * *

Ни обиды, ни спешки.
День в красивом багете.
Дети колют орешки
На вчерашней газете.

Та газета на камне –
Как салфетка на плахе.
Не купитесь на манне.
Не колитесь на страхе.

И не кланяйтесь, дети,
Ни орлу и ни решке.
На вчерашней газете
Расколите орешки.

«ВЕТЕР ПОЮЩИХ»**Песня базарного зазывалы**

Покупай орех! Покупай орех!
Орех не яблоко – в яблоке грех
Вот почему орех – не для всех.
Покупай орех! Орех – без прорех!

Орех с высокого дерева,
Дерево то – в горах.
А та, кто яблоку верила, –
Вся в слезах.

Не проходи, красавица,
К тем рядам!
Вряд ли тебе понравится:
«Аз воздам».

Песня лепешечника

Солнце за горами спит.
На земле топор стучит.
Для молитвы надо слов
Меньше, чем тандыру дров.

В небо с гаснувшей звездой
Не гляди, как неродной.
Проходя свой путь земной,
Поперек пути не стой.

Пой, тандыр, пылай, тандыр!
Жизнь – не масло, я – не сыр.
Я твой хлеб: вода, мука,
В огонь ныряющая рука.

Песня разносчика воды

Кому-то не праздник весь океан.
А мне в радость – один стакан,
А если его хватило едва –
То в радость и два.

Пустая гортань – от пустой головы.
Пуста голова – от избытка халвы.

Задушит халва гортань дурака.
Жажда больше глотка.

Любите дожди, арыки, ручьи
И слезы, которые вечно ничьи, –
Пока не коснешься их ртом и душой,
Или сам не стечешь слезой.

Песня кирпичника

Бог вылепил человека, а я – кирпич.
Глина – одна, душа – едина.
Если это умом постичь,
Найдутся и душа, и глина.

Главное – чтобы жил.
Каждый в кого-то душу вложил:
Будь то тело, земля, солома.
Я никого не прогоню из дома.

Где это видано, чтобы дети,
забравшись в сад,
Не обрывали фрукты?! Грех –
это личный разлад
Между вечным и ближним.
Ай, не ворчи!
Лепи кирпичи.

Песня караванщика

Дело пустыни – пересыпать песок,
Громоздить барханы, обжигать висок,
Уносить души на запад ли, на восток, –
Смотря, кого куда занесло.
Это ее ремесло.

Об этом знает первый верблюд,
Знает раньше тех, кто за ним идут.
Эй, дромадер, бактриан, или как вас там?
Ступайте по его следам.

А нет, поступайте, как ссудил Бог:
Сами ищите тропу, оазис, исток...
Дело пустыни – пересыпать песок.

«БЕССТЫДНЫЕ СОНЕТЫ»

* * *

Хочу тебя сопровождать
В страну беспечного тумана,
Где не спеша и без обмана
Умеют тайны открывать.

Их открывают осторожно:
За вздохом вздох, за взглядом взгляд,
Как лучший праздничный наряд –
Боясь измять движеньем ложным.

Туман поет: «Не навреди
Ни лепестку, ни оперенью;
Будь зноем и шадящей тенью –
Когда прижмешь к своей груди.

Не навреди, не навреди
Ее счастливому мгновенью».

* * *

Неверно представление о том,
Что лучшее свершается потом;
Что прелестью пропитано томленье...

Томленье – яд! Симптомы отравленья:
Сомненье, слезы без причины,
Замученный сюжет кончины:
«Возьму и, как Офелия, умру!»
И нервный тик за чаем поутру.

Все лучшее – свершается сейчас,
А то, что после, то есть после нас,
Навряд ли нас порадовать успеет.
Считать часы?.. – Но время не стареет
В отличие от нас, ведущих счет.
Чего ты ждешь? Когда оно уйдет?

«ЛЮБОВЬ И СВОБОДА»

Завет

* * *

На аллее тает снег –
Возвешение исхода.
Каждый маленький побег –
Новый праздник и свобода.

Толпы старых тополей.
Ножки милых перебежчиц.
Здесь, на лучшей из аллей,
Солнце океаном плещет.

Дети с ликами святых
В одноместных колесницах.
Капли мыслей золотых
На табличках летописцев.

Виден смысл и предлог
В этой яркой мешанине –
Почему доверил Бог
Душу и подобье – глине;

Почему, сердясь на всех
И ворча, как дед с клюкою,
Он опять смывает грех
С наших душ своей любовью.

В Ташкенте петербургская погода.
С утра туман. А в семь играют Брамса.
Концерт для азиатского народа –
Как западная форма реверанса.

С утра был плов, и праздник был с утра.
Великий праздник обрезанья плоти –
Большая редкость в городе Петра,
А тут, извольте – при любой погоде.

Таков завет. Так положил Господь.
Так входит в жизнь незнающее детство:
А что как вдруг оттяпанная плоть
И вправду есть единственное средство –

Быть узнанным, когда подступит час
Для отпушенья или наказаний;
И эта метка (в профиль и анфас)
Избавит от ненужных оправданий.

Сбежала дрожь по медленным смычкам.
Поднялся зал, восторгом освещенный.
...Тот мальчик спит, доверенный сверчкам, –
Все пережив, и, может быть, прощенный.

Черновик

Осень за ночь постарела.
Что, ровесница, раскисла?
Нагулялась до предела,
Где по счету листья, числа?

Я скажу тебе как смертный,
Согрешив с лозою нежной:
Не слюняв, не клей конверты
Для рассылки неизбежной.

Ты, привычная к свободе,
Знаешь лучше, чем девица,
Как, раздевшись на природе,
Наготы не устыдиться.

Я люблю тебя, старушка,
Как дай боже деве каждой.
На столе пустая кружка.
Догорает лист бумажный.

* * *

Чем кучнее выстрелы навyleт,
Тем ярче биография мишени.
Когда в толпе окликнут: «Вы ли?!»
Отвечу: «Выл». Но не марал колени.

Ни совесть, ни страницу, ни стрелков.
Последние достойны – если равны.
Я обхожусь без капель и бинтов.
Мой март, как волк, зализывает раны.

Открыто сердце – видно на просвет.
Ветра небес его насквозь продули –
Чтоб жарче откликалось на дуплет,
Но молча выковыривало пули.

Права диктует на Земле свинец.
Но мы живем не по его законам.
Ветра небес над душным полигоном
Разносят гром простреленных сердец.

литературоведение. литературная критика

Гульчира ГАРИПОВА

Гульчира Талгатовна Гарипова кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы УзГУМЯ. Родилась в 1968 году в городе Джизаке, окончила НУУз, автор учебных пособий и многочисленных научных статей по актуальным проблемам современной русской и узбекской литературы.

Концептуальные тенденции развития узбекской литературы конца XX – начала XXI веков

Феномен «культурного миллениума», как правило, охватывает рубеж двух веков, с одной стороны, подводя итоги эпохи, а с другой, предопределяя культурологические тенденции нового столетия. И рубеж XX – XXI века в этом плане очень показателен.

90-е годы века XX, конденсируя в себе опыт всей эпохи, создали в то же время совершенно новую, ранее не обозначенную атмосферу, в которой социальное, культурологическое и личностное настолько тесно взаимодействуют в мировоззренческом симбиозе «новый мир», что «запрограммировали» и начало XXI столетия на со-творчество с этими новациями на долгий период.

Период рубежа XX – XXI века отличается глобальными, значимыми для всей современной истории новациями во всех социально-политических и культурологических сферах. С обретением в период Независимости самостоятельности узбекской государственности на новый уровень развития вышли национальная архитектура и живопись, театральное и танцевальное искусства, появился новый импульс в развитии музыки и кинематографа. Можно отметить во всех сферах развития культуры усиление интереса к национальной истории и традициям, поиски истоков национального мировидения. В узбекской литературе создание художественных произведений с ярко выраженной национальной ментальностью стало приоритетным направлением уже с 80-х годов прошлого века.

Сегодня продолжается не только возвращение национальной культуре имен поэтов и прозаиков, драматургов и литературоведов, незаслуженно отторгнутых от узбекской литературы почти на протяжении 60-ти лет советского периода, «забытых» в силу исторических причин на многие десятилетия, но и рождается новая литературная плеяда национальных писателей, стремящихся по-новому мыслить и творить, – «не повторяться» и «не отрываться» одновременно. Они, словно воздух, вобрали в себя, в пространство своей «культурной памяти», всю ту историю «умирания» и «возрождения» художественного национального сознания, которая определила литературный облик XX века, – века «дегуманизации искусства», по словам Ортеги-и-Гассета.

На наш взгляд, следствием этой тенденции стала интенсивность освоения личностной проблематики с точки зрения «философствующего сознания» Человека, а не политически «обусловленной данности».

Достаточно сложно, а возможно и неправомерно говорить сегодня (в самом начале новой эпохи) о закономерностях развития узбекской литературы XXI века, поскольку пока еще отсутствует, а точнее не состоялся, самый важный критерий объективности в оценке категории «литературный процесс» – взгляд со стороны, то есть с позиций исторически свершившегося. Однако, находясь на начальном этапе становления узбекской литературы XXI века, мы обладаем преимуществом наблюдения за формированием литературного процесса, очень сложного, динамически неоднозначного, обусловленного становлением новейшей культурологической системы в рамках художественной национальной парадигмы.

Для узбекской литературы конца XX – начала XXI века характерны некоторые общие для художественного национального сознания в целом закономерности и тенденции. Феномен «грань веков» несомненно делает влияние фактора «текучести» целого ряда литературных тенденций на логику современного художественного процесса. Сопоставление двух литературных миллениумов – рубеж XIX – XX века и рубеж XX – XXI века – позволяет говорить о целостности развития национальной литературы с точки зрения преемственности философско-мировоззренческих и художественно-эстетических установок. Комплексный анализ литературы рубежа XIX – XX века может дать нам методологических инструментов систематизации литературных закономерностей развития литературы рубежа XX – XXI века «изнутри».

Однако взгляд «изнутри» позволяет нам определить и другой самостоятельный «внутренний» аспект анализа современного литературного процесса – представить узбекский художественный процесс начала XXI века в культурологическом и литературном контексте всего XX века, только совсем недавно получившего свою теоретическую осмысленность и историческую оценку. Современная литературная ситуация в этом плане рассматривается с точки зрения генезиса и целостности всей системы ментальных и собственно-литературных явлений эпохи. Это позволяет нам обозначить вехи развития литературы XX века и выявить эпохальные тенденции, прогнозирующие новации XXI века.

Таким образом, узбекский литературный процесс XXI века не представляется нами в системе «вдруг» и «ниоткуда» возникших эстетических и мировоззренческих феноменов, а рассматривается как новый этап в последовательном движении и развитии литературного процесса, охватывающего весь период национальной литературной истории в целом и XX века в частности. В связи с этим важно говорить сегодня именно о специфике рубежа XX – XXI века, являющегося концептуально значимым переходным этапом в литературном движении от века ушедшего к веку настоящему.

Принципиально изменилась не только мировоззренческая основа узбекской литературы, соотносимой с новейшим синтезом традиционного восточного менталитета и идеологией нового типа порядка (эпохи Независимости), но и художественная поэтика, принявшая синтетическую программу эпохи как посыл к текстовым метаморфозам разного плана. Общая мировая тенденция слияния реалистической и модернистской поэтики в единое художественное поле является одной из глобальных новаций художественного плана в узбекской литературе рубежа XX – XXI века.

Наиболее болезненным, на наш взгляд, становится вопрос об уровне соотносительности традиционного и новаторского в узбекской литературе обозначенного периода, поскольку он определяется не только новыми именами узбекских писателей, но и продолжающими свое творчество именами таких классиков узбекской литературы XX века, как поэты А. Арипов, Э. Вахидов, Р. Парфи, О. Матчан, Ш. Рахман, У. Азим, прозаики А. Якубов, У. Хашимов, Х. Достмухаммад, Э. Агзам, Х. Султан, С. Сиёев, Т. Мурад, драматурги Т. Мирза, А. Самад, У. Умарбеков, Шукрулло и целый ряд других литераторов. Они сохранили и передали в новое десятилетие нового века такое важнейшее качество узбекской литературы как гуманизм и духовность.

Важнейшие изменения в социальной жизни общества затронули, в первую очередь, вопросы художественно-эстетического осмысления человека и его жизни в новых реалиях, – вопросы, обозначенные философскими, этическими, нравственными и эстетическими сдвигами с социально-личностной проблематики в сторону личностно-бытийной.

Реформирование социально-политической системы и изменение мирового статуса узбекской государственности привели к качественному преобразованию не только статуса узбекской литературы, идентифицирующей себя отныне как «самостоятельная» и

«независимая» (от политического центризма, но не от мировых тенденций и традиций), но и ее внутреннего художественного пространства, определяемого системой эстетических и идейно-художественных структур – темы, идеи, проблемы, жанры, стиль, образы...

Именно в этом внутреннем пространстве узбекской литературы рубежа XX – XXI века, наконец, была преодолена разорванность (обозначенная в литературном процессе «советским» периодом 20-х – конца 80-х годов) национальной художественности XX века с традициями классической литературы, узбекского художественного «новаторства» начала столетия, с одной стороны, и с мировыми художественными тенденциями и практиками, с другой. Это затруднило и откинуло на десятилетия становление собственного инварианта неклассического типа художественного сознания и определило индивидуальность его включенности в систему национальной литературы – в качестве «вкраплений» образов и элементов системы поэтики (наиболее ярко – модернизма периода символизма, частично – экзистенциализма).

Интересно отметить и новационный характер, определяемый внутренними восточными традициями использования символики. Узбекская литература XX века претерпела существенное влияние классической традиции символизации образной системы как способа художественного выражения реальности мира и внутреннего пространства человека, характерной для праисточков национальной художественности и обозначенной в более ранних веках в фольклорных источниках, в персидской литературной системе, в творчестве А. Навои, З. Бабура, Б. Машраба и т. д.

Однако критики отмечают, что включенность узбекской литературы в мировое пространство XX века (в разные периоды в разных ее системах) все-таки привлекла в ее внутреннее пространство определенные явления модернистского порядка. Процесс этот происходил как «синтетическая включенность», а не замещение, например, реализма модернизмом. Интересно, что даже эти явления, факторы и тенденции заимствовались не в чистом виде, а интерферировались в процессе глубокого переосмысления узбекскими писателями в ключе восточной ментальности и национальной традиционности (например, зороастрийской образности, суфийской философии, джадидской историко-софской концепции).

Наиболее глобально это явление обозначилось в тенденциях неомифологической художественности, определивших одну из концептуальных линий развития мирового литературного процесса (вспомним масштабные «неомифы» Джойса «Уллис», Кафки «Замок», антиутопии Платонова и Замятина) и проявившейся в период джадидизма в узбекской литературе начала века как один из первых факторов «синтетизма» в их новаторской для того времени художественной поэтике. Причем, вполне очевидно, что неомифологизм обозначил себя и в призме реалистического вектора развития XX века, постулируя систему мифоструктур как способ постижения и отражения реальности, детерминации характеров и обусловленности реалистических картин мира.

В этом плане узбекская литература, на наш взгляд, занимала особое место в системе мирового литературного процесса в силу очень самостоятельного оригинального синтетизма реализма и модернистских неомифологических явлений, обозначенного в поэтике узбекских просветителей Фитрата и Чулпана, Бехбуди и Гайрати. Их сильное, реалистически обозначенное художественное мировидение, содержащее в себе историко-софскую концепцию – просветительская миссия литературы в предопределении новой истории народа, – сочеталось с такими критериями неклассической поэтики, как игра условно-фантазмагорическими образами, сгущение символики и расширение ее содержательной функции, а также художественное освоение мифостилизации.

К экспериментированию подобным синтезом на протяжении всего XX века в той или иной мере прибегали и писатели-джадиды, и прозаики эпохи соцреализма. Однако следует отметить и определенные отличия в разработке мифологической художественности в узбекской литературе первой и второй половин XX века. Достаточно вспомнить «Клеопатру» Чулпана, «Вознесение на небо» Фитрата, «Сказки о былом» А. Каххара, чтобы понять, что при всей дифференцированности неомифомоделей, представленных в этих произведениях, использование мифоструктур было одним из способов реалистического познания действительности в призме мифостилизации, «гранулирования» в тексте национальной сказовой сюжетности, архетипов и синкретически обозначенных образов-метафор. Очевидна и тождественность той просветительской функции,

которую выполняют разного рода мифоструктуры в системе этих произведений. Например, иронизированная стилизация сновидческих архетипов позволила Фитрату создать модель реальной действительности и сатирически «открыть» в ней правду реальности. Мифостилизация, использованная Чулпаном, расширяет функции обыгранного писателем известного мифообраза до уровня создания на его основе лирико-романтического неомифа. Именно такие тенденции во многом определяют стилистику художественной прозаической неомифологизации второй половины XX века. Хотя и здесь определяются и выявляются разные уровни художественного создания текста, основанного на стилизации и использовании в качестве пратекста и праобразов таких мифоструктур, как легенда, притча, сказка и т. д. Например, в романе-притче Аскада Мухтара «Чинара» включенность мифоструктур (притчевость, легенды, архетипические образы – ребенок, старец, дерево) осуществлена в системе многоуровневого построения сюжета, а также в идейной концентрации художественно-философской концепции романа на архетипическом образе «мировое дерево». Если говорить в целом о направленной дефиниции романа, то вполне очевидно, что при всем синтетизме поэтической концепции писатель ориентируется на реалистическое изображение проблемы человека и мира.

И уже в 90-е годы Х. Достмухаммад в повести «Жажман» использует несколько иной вариант художественного мифологизма, в эстетическом ключе более тяготеющего к тенденциям так называемого «магического реализма» (также одно из синтетических явлений прозы XX века). Писатель на основе религиозно-философской мифологии зороастризма создает совершенно новую, неомифологически обозначенную только на уровне идей и философских тем, сюжетную ситуацию, символически мифологизируя ее за счет персонажей реального плана и условно-фантастических образов (например, зверек Жажман). В этом ключе, хотя и со своими авторскими нюансами выстраивается неомифологическая поэтика и романа Тухтамурада Рустама «Капалаклар уйини» («Игра бабочек») и другого произведения Х. Достмухаммада «Бозор» («Базар»), в которых очевидное смешение реального и фантастического основано на классических законах художественного со-творения мифа.

Таким образом, лишь незначительный экскурс в национальный литературный процесс XX века позволяет увидеть преемственность неомифологических традиций в узбекской литературе и определить специфику его генезиса, корнями уходящего в глубь веков. Рубеж XX – XXI столетия не только продолжил и развил традиции национальной модели художественного неомифологизма, но и внес новационные инварианты в его развитие. Наиболее ярко это прослеживается в романах А. Мухтара и У. Хамдама. Уместно отметить собственно дифференциацию двух концепций национального литературного неомифологизма новейшего периода, которые, на наш взгляд, будут определять специфику развития данного направления в ближайшее десятилетие XXI века.

Романы У. Хамдама «Исён ва итоат» («Бунт и смирение») и «Мувоzzанат» («Равновесие») представляют собой синтетическую картину реальной действительности и некой «вкрапленной» в качестве внесюжетных элементов религиозно-мифологической модели сотворения «вечного» мира. Несколько своеобразной представляется нам экспериментальная поэтика, основанная на неомифологизме, в романе «Бунт и смирение» современного узбекского прозаика Улугбека Хамдама. Неомиф У. Хамдама основан на сюжетном параллелизме библейско-христианского и коранического прамифа о мире и реальной жизненной ситуации. Двухуровневость данной модели сопрягает настоящее и вечное, выявляя прасмыслы в буднях сегодняшнего дня.

Используя библейские и коранические мифосюжеты, писатель изначально создает в своем текстовом пространстве модель мира, ориентированную в динамике своего развития на идею божественной предопределенности, всеобщей для западной и восточной религиозно-философской мысли. Пересекая сюжетные линии религиозных инвариантов Книги Книг (Библии и Корана) и действительности конца XX века, он создает такое эстетическое пространство, в котором личностное сознание приобретает статус онтологического, творящего в процессе переосмысления божественного мира иную реальность, определяемую двумя абсолютами Бунтом и Смирением, антиномически конституирующими поиски бытия «в чистом виде» (Парменид).

В романах А. Мухтара вырисовывается иной путь развития художественного неомифологизма – линия синтезирования разного рода мифоструктур (притчи, легенды,

сказы...) в едином текстовом романном потоке без сюжетного разграничения реальности и мифопространства. Причем в романе-трилогии «Турт томон кибла» («Четыре стороны света») – это текстовое поле определяется критерием исповедальности, а в романе «Афлотун» («Платон») – системой моно- и полидиалогов.

Многократно использованный в поэтике Амана Мухтара прием «текст в тексте» расширяет основную сюжетную линию до уровня единого целостного интертекста – аналога вневременного и внепространственного мира. Все это создает особую сложность стиля, в котором невозможно выделить какую-то одну тенденцию и охарактеризовать можно только как некое многослойное тотальное смешение притчево-сказовой, классической и современной лингвистических традиций. В этих тенденциях современные критики усматривают влияние традиций Маркеса и Кафки. Мы усматриваем в этих тенденциях и влияние исконно восточной традиции метафоризации реальности за счет сказочно-фантастической образности, берущей свое начало в восточной фольклористике – достаточно вспомнить образы шахов, дивов и сказочных городов, чтобы доказать наличие этой традиции в романной системе А. Мухтара.

Обозначенная уже в 90-е годы тенденция углубленной метафоризации и символизации текста с целью создания определенной психологической атмосферы в произведениях Н. Эшонкулова, А. Атаханова, Х. Султанова и других писателей конца XX века также может прогнозироваться в качестве одной из доминантных в текущем десятилетии XXI века. Необходимо отметить и особого рода аналитический психологизм, свойственный данной линии развития современного национального рассказа, основанный на расширении новеллистического пространства за счет углубленного раскрытия малейших эмоционально-чувственных нюансов психики и психологии героев. Это позволяет актуализировать в рамках современной узбекской прозы целый ряд экзистенциально заданных проблем, направленных на «художественную погруженность» во внутренний мир человека «вне мира». Хотя это и не совсем свойственно для традиции узбекской художественности, в которой продолжает оставаться сильной линия изображения человека в мире, а не «человека, выпавшего из мира».

Конечно, есть и определенные просчеты в художественных исканиях современных узбекских писателей. На наш взгляд, стремление «открыть» глубины мира «внутреннего» человека не должно заслонять сам мир, богатый своей многогранностью, мир социальный и нравственный. Ведь человек в восточной антропологической традиции издревле мыслится как часть народа, а не как личность сама по себе, то есть отчужденная от своего предназначенного «общественного» мира.

По-новому оценивая реалии современного мира, узбекская литература не утрачивает связь с традициями прошлого, отдавая дань классикам национальной художественной мысли. В этом плане очень важно объективно оценивать, пусть даже в реформированном виде, традиции узбекской литературы периода джадидизма, переосмысленную систему национальной художественности эпохи соцреализма и перестроечного десятилетия, и новые обретения, которые позволяют говорить об эволюции и динамике узбекского литературного процесса в целом и о его движении в XXI век.

Несомненно, что уже сегодня можно говорить о том, что узбекские писатели новой формации – поэты, прозаики, драматурги, – открыли для себя и вобрали в свои художественные системы много новационных приемов поэтики, ввели элементы таких мировых художественно и философски значимых систем, как модернизм и неореализм. Однако все-таки следует отметить, что многие из них не смогли при этом преодолеть характерную для мировой социокультурной ситуации конца XX– начала XXI века разорванность между изображаемым художественным миром и истинными реальными событиями социальной жизни общества. Мало произведений по которым мы можем судить об исторических реалиях жизни нашего современника, но и они все в основном принадлежат классикам реалистического толка (У. Хашимов, А. Якубов, А. Арипов...). Так что реализм продолжает оставаться одной из доминантных линий развития новейшей узбекской литературы.

Живой литературный процесс всегда многоплановее и сложнее, чем мыслится в ситуации «взгляда изнутри». В современной культурологической ситуации процесс развития узбекской литературы сопровождается интенсификацией двух взаимосвязанных процессов – вхождение узбекской литературы на правах самостоятельной полноправной межлитературной общности в мировое художественное поле и «растворение» но-

вейших мировых литературных тенденций и традиций в национальной художественной системе. К сожалению, ослабление переводческой деятельности, особенно произведений с узбекского языка на другие языки мира, тормозит этот процесс.

Особое явление, феномен – русскоязычная литература Узбекистана, существовавшая всегда в рамках узбекского литературного процесса XX века (вспомним имена С. Бородина, З. Тумановой, Н. Красильникова и т. д.). На сегодняшний день она приняла статус самостоятельной литературной школы. Литературоведческие споры и дискуссии по поводу включения этого явления в «официальные» рамки национального литературного процесса, а также о его роли и месте в системе художественных новаций, продолжаются практически с самого начала манифестации Ферганской и Ташкентской поэтических школ в рамках культурологического проекта «Малый шелковый путь». Причем в системе художественных традиций данных литературных образований актуализирована сама идея синтеза во всех смыслах – синтеза национальных принадлежностей писателей, языков, культур, ментальностей, синтеза искусств, синтеза направлений и жанров и т. д.

Наиболее ярко и полно эти школы проявили себя в плане поэтического экспериментаторства. Однако, представленные как «альтернативная литература Узбекистана» (хотя многие писатели уже стали гражданами других государств), представители этих школ реализовывали свое оригинальное мировидение в разных жанрах литературного творчества (рассказы, очерки, эссе, романистика, поэзия), в живописи и в журналистике.

Эстетической визиткой этой литературы стал симбиоз восточной ментальности, русского культурного сознания (зафиксированного в первую очередь через язык) и западно-европейской художественной и философской традиции. В направленческом аспекте, мы бы, с определенной долей условности, отнесли данную художественную систему к неореалистической традиции, балансирующей на грани реализма и модернизма. Причем, если поэтическая система больше тяготеет к модернистской эстетике, то очерки-эссе отличаются попытками запечатлеть реалии бытия в каждом всплеске литературной мысли. Особенно характерно это для Ташкентской школы с попытками ее представителей обрести в себе и открыть миру некое метапространство «внутреннего Ташкента» как метафорической идеи «личного мира», охватывающего реалии истории и быта Ташкента-города в призме ностальгирующих воспоминаний и внутреннего ощущения мира и себя в нем через это реальное городское пространство. Так «ташкентцы» создают свой художественный неомиф «родина-город-бытие-Я». Наиболее ярко этот образ воплотился в произведениях Санджара Янышева, Сухбата Афлотуни (Евгений Абдуллаев), Вадима Муратханова.

В Ферганской поэтической школе поиски «внутреннего бытия» осуществлялись не в рамках какого-то метафорически созданного образа, а через философское познание в художественном тексте (будь то проза или поэзия) бытийных метаморфоз посредством тонкой стилистической и языковой игры словами и смыслами. Наиболее яркие представители этой школы – Шамшад Абдуллаев, Сабит Мадалиев, Абдулла Хайдар, Вячеслав Ахунов, Ольга Гребенникова и другие – «совпали» в своем духовном и литературном становлении с эпохой 80-90-х годов, когда «вдруг» рушились коренные представления о жизни и литературе и появлялось желание сотворить нечто новое. Однако, хлынувший поток долгое время «запрещенной», а теперь «возвращенной» литературы, уже нес в себе это «новое старое», ранее неизвестное. Отсюда так явно просвечивает в их текстах увлеченность мировыми традициями XX века, большей частью модернистскими. Это стало способом выйти к открытию этого влекущего нового.

Сложно говорить об историческом месте «альтернативной литературы Узбекистана» в реальном национальном художественном процессе сегодняшнего дня в силу целого ряда причин. Но констатировать наличие этого вообще-то уникального явления, несомненно, необходимо.

Таким образом, живой узбекский художественный процесс начала XXI века представляет из себя многоуровневую, многофункциональную и неоднородную литературную систему с достаточно сложным комплексом тенденций своего развития, со сложившейся логикой «синтетического» эволюционирования.

Давлятбек САЪДУЛЛАЕВ

Давлятбек Самиевич Саъдуллаев кандидат филологических наук, почетный профессор Кабульского университета и Ургенцкого филиала Ташкентской медицинской академии, член-корреспондент Российской академии педагогических и социальных наук. Родился в 1947 году в г. Ташкенте, в 1968 г. окончил Республиканский институт русского языка и литературы, аспирантуру при Казахском госуниверситете им. С.М. Кирова.

Автор более 20 монографий и учебных пособий, 7 словарей, 200 научных статей по проблемам сравнительной поэтики, теоретической стилистики, политического маркетинга, риторики, этнополитической конфликтности.

Награжден орденами, медалями, почетными знаками и грамотами СССР, России, Афганистана, Узбекистана за успехи в преподавательской, организаторской и дипломатической работе.

О художественном переводе и «говорящих» именах

Национальная литература живет своей жизнью, обусловленной ее историей, обстоятельствами ее развития, разнообразными запросами современности. Изучение творческого опыта авторов, пишущих на родном языке, обусловлено большим социально и культурно-историческим значением.

Перевод – одна из форм литературных связей, позволяющая постигнуть замысел и идеи писателя, значение его слова, некоторые тайны мышления и языка. Выдающиеся деятели культуры оставили ряд суждений о том, какое значение для развития национальной литературы, творчества писателей имеет перевод. Иоганнес Бехер писал: «... значительная национальная литература немислима без хорошей переводной литературы. Создание высокой культуры перевода способствует росту данной национальной литературы и созданию ею своего национального характера» (Бехер. В защиту поэзии. М., 1956).

Лучший способ отразить художественную действительность переводимого произведения – установить стилистическое соответствие между подлинником и переводом, а для того, чтобы проникнуть в художественную действительность подлинника необходимо раскрытие идейного содержания произведения и значения каждого слова в данном контексте. М.П. Брандес считает, что «в переводе понимание жанра и стиля направлено на сохранение формы речевого выражения мысли, которая идентично должна быть воспроизведена на языке перевода» (Стиль и перевод. М. 1988). Однако, под художественным переводом следует понимать не копирование буквы оригинала, перенос фразеологических единиц подлинника, а точное воспроизведение духа произведения, передачу мироощущения автора средствами другого языка.

В основе творческого процесса каждого писателя лежат мысль и поэтический образ, неотделимые от слова и выражаемые словом. И для переводчика первостепенную важность должны представлять само произведение в целом и тот живой свет-образ, который освещает все детали. У перевода есть свои жесткие законы. Сверхзадача

переводчика состоит в том, чтобы всесторонне отразить поэтическую систему подлинника во всех проявлениях: объеме, звуках, цвете, словах и т.п., учитывая при этом, что не существует художественного перевода без определенного осмысления и истолкования подлинника, что в процессе перевода образ реконструируется и появляется возможность различных его трансформаций – во времени, в пространстве, в смысловых составляющих.

Переводчик должен быть мастером художественного слова, тонко чувствовать душу народа, на языке которого создан подлинник. Чем искуснее переводчик находит языковые соответствия, тем вернее и полноценнее он выполняет свою задачу.

По мнению И. Кашкина, каждый опытный переводчик знает, что из-за несовпадения языковых систем и эстетических норм приходится заменять некоторые детали подлинника другими, возникающими только в переводе. Но искусство переводчика художественной литературы состоит и в том, чтобы держаться при этом в границах, допускаемых подлинником, и при любом «перевыражении» соразмерно сохранять пропорции подлинника.

В настоящее время многих переводчиков волнует вопрос перевода в художественной литературе так называемых «говорящих» имен: как, каким образом сохранить и передать в переводе образность имени, характеристику персонажа, как донести до читателя, не знающего языка оригинала, своеобразие такого имени.

А.В. Федоров, К. Чуковский, Л.Н. Соболев, А. Кундзич, В. Россельс, М.М. Морозов, Б.Э. Шванебах, И.И. Ревзин, Р.К. Миньяр-Белоручев, несмотря на расхождение мнений по проблеме перевода «говорящих» имен, сходятся в том, что перевод имен с одного языка на другой является одним из важнейших и сложнейших моментов в теории и практике художественного перевода. Например, К. Чуковский считает, что при переводе имен следует придерживаться принципа транслитерации, Л.Н. Соболев пришел к выводу, что имя человека не переводится, а передается путем транскрипции.

Собственные имена – слова особые, употребляющиеся в особой сфере и в особой функции. Они больше, нежели имена нарицательные, зависят от экстралингвистических факторов и поэтому регулируются не только законами языка в целом, но некоторыми социальными, юридическими, историческими закономерностями. Имена собственные сложились как необходимый инвентарь на базе словарного состава языка и являются полноправными словами, но словами с особым назначением и особой специфической функцией.

Собственное имя абстрактно-конкретная категория языка. Чрезвычайная абстрактность его, «содержание вообще», сочетается в нем с максимально конкретным значением обозначаемого в тех случаях, когда реализуется функция имени что-то обозначать, указывать на какой-то объект. В других же случаях имя заключает в себе это сочетание абстрактного и конкретного потенциально, как возможность, которая всегда может осуществляться и которая лежит в самой природе этой категории. Речь, следовательно, идет не о двух началах, каждое из которых принадлежит одному ряду случаев. Оба начала всегда присутствуют в собственном имени, но одно из них выступает почти «потенциально», просвечивая сквозь другое. И все же оно осязаемо.

Имена собственные образуют в языке определенные классы, разряды, обладающие резкой экспрессией и относящиеся к различным сферам социального бытования. Вот этими-то «значениями», отражающими принадлежность данного имени к той или иной стилистической группе, чаще всего и пользуется художник в своей работе с собственными именами. Поскольку имя собственное во всей полноте своих характеристик представляет собой как бы точку соприкосновения лингвистического и экстралингвистического планов, значение его оказывается сложным комплексом, в котором сведения о слове переплетаются со сведениями об именуемом объекте, включаясь в состав сведений о слове, т.е. в лингвистическую часть значения имени и этимологии его основы. В состав экстралингвистического аспекта значения имени входят и особые условия существования имени в обществе, и культурно-исторические ассоциации,

с ним связанные, и специфика связи имени с именуемым объектом, и степень известности объекта и его имени. По мнению А.В. Суперанской, собственные имена в сочетании с тем субъектом, к которому они относятся, являют максимум конкретности; собственные имена, не соотношенные ни с какими субъектами, не значат ничего.

В речи нельзя отделить имя от экстралингвистической данности. Если мы «выхватим» из конституции имя нарицательное, оно может сохранить свое словарное значение. Если вне контекста употребляется имя собственное, то оно теряет свою отнесенность к определенному ономастическому полю и делается непонятным. Независимо от того, имеет писатель дело с этими или иными свойствами собственных имен, любая художественная функция, в которой он использует имя, опирается непосредственно или косвенно на то или иное лингвистическое свойство имен собственных, или сочетание этих свойств.

Наиболее важные художественные функции имени собственного связаны, как правило, с поэтикой подтекста. Трудно найти такие словесные средства, с помощью которых художник мог бы с равным лаконизмом передать свое отношение к тому или иному характеру. Ведь имя собственное (антропоним) – кратчайшее обозначение человека как индивида. И в соответствии с конкретной стороной двуединой природы собственного имени антропоним в конкретном употреблении, когда хорошо известен его объект, кажется воплощением сущности этого объекта, обозначаемого лица.

Стилистическая окраска имени – неперемнная составная часть его речевой информации. В отличие от энциклопедической информации, представляющей собой сведения о денотате имени собственного, речевая информация устанавливает связь имени с его носителем, социальное поле денотата и его имени выявляет отношение говорящего к именуемому. Множество неречевых факторов, дополняющих речевую ситуацию, позволяя речевой информации быть предельно сжатой и в то же время достаточно емкой.

В художественной литературе стилистически значимой оказывается и речевая, и энциклопедическая, и языковая информация имени. Вплетаясь в единую художественную ткань, они вносят много дополнительных сведений, порой недоступных для понимания при первом прочтении произведения. Так, В.И. Болотов, характеризуя категории собственных имен внутри ономастического поля, выделяет еще и социальное поле. Оно обязательно для личных имен и определяется единством времени, профессии, местожительства денотатов, именам также сообщается определенная эмоциональная окрашенность, стилистическая отнесенность, смысловая насыщенность. Если ономастическое поле указывает на общее значение имени, то социальное указывает на его индивидуальное значение. Общее значение объективно, индивидуальное – субъективно и зависит от социального положения индивида, его симпатий-антипатий, вкуса и даже настроения. Энциклопедическое значение имени собственного индивидуально для каждого говорящего, т.к. его постоянным компонентом является эмоциональная окраска. Энциклопедическое значение имен собственных многомерно, поскольку существует одновременно в ряде социальных полей.

По мнению К. Хенгста, в процессе коммуникации имена собственные играют необыкновенно рациональную роль, сокращая высказывание, т.е. выполняют аббревиативную функцию. Для того, чтобы имена были коммуникативно эффективными, они должны нести на себе дополнительную художественно-смысловую нагрузку. Разумеется, разные «значащие» собственные имена в силу действия на них целого ряда факторов неодинаково важны для читателя. Основные факторы, определяющие «вес» «значащего» имени: роль в произведении лица или явления, названного соответствующим именем; отношение этого «значащего» имени к другим подобным именам в произведении, а через них и к образному единству в целом; характер самого отношения «значащего» собственного имени к сущности обозначаемого; отношения, которыми определяются глубина и полнота художественно-характеристической выразительности имени.

Художественное произведение – дитя своего времени. Как и имена людей – часть истории народа. Но было бы неверно стремиться перевести на другой язык всякое «говорящее» имя. Это обстоятельство требует от переводчика чрезвычайного такта и профессионализма, т.к. необходимо считаться и с реальными условиями, и возможностями контекста. Если язык оригинала и перевода близки, входят в одну языковую систему, или близки в грамматическом построении, то «говорящие» имена могут быть переведены напрямую, буквально. Если же переводчик сможет найти исчерпывающий эквивалент «говорящего» имени в своем языке, было бы целесообразно использовать найденный эквивалент вместо «говорящих» имен, образов и реалий оригинала.

Известно, что перевод делается для тех, кто не знает и не понимает языка оригинала. Следовательно, прежде всего, при переводе нужно обращать внимание на основное содержание оригинала, затем уже на детали, отражающие смысловые и художественные особенности текста. «Задача переводчика, по утверждению В.А. Жуковского, состоит в том, чтобы он сумел создавать и находить в переводе все прекрасное, что дано в оригинале». Искусство переводчика состоит в том, чтобы он, перед тем как переводить произведение, изучил содержание, смысловые и художественные особенности оригинала, своеобразие стиля автора, чтобы не только хорошо знал язык оригинала, но и мог мыслить на этом языке.

С переводом «говорящих» имен порой возникают сложности, и причин здесь несколько: найден соответствующий эквивалент, но потерян национальный колорит; в языке перевода нет нужного эквивалента и др.

Рассмотрим роль и значение «говорящего» имени в раскрытии характера персонажей на материале романа «Диёнат» («Совесть») известного узбекского писателя Адыла Якубова.

Один из главных героев романа – Джамал Бурибаев. Весь контекст романа работает на раскрытие его характера. Уже при описании внешности героя автор очень тонко дает понять читателю свое отношение к Бурибаеву:

«Из-за стола к Шукурову шагнул солидный, привлекательный с виду человек. Несмотря на заметную полноту, Бурибаев казался статным, молодежлив. Лишь серо-зеленые глаза навыкате оставляли ощущение некоторого холода, настораживала излишняя ухоженность гладкого белого лица».

Окружающие Бурибаева люди относятся к нему по-разному. Для кого-то он особа незаменимая, душа компании, человек солидный, представительный. Но есть люди, которые видят в нем иного человека.

Примечателен тот факт, что сам автор ни разу не называет Бурибаева просто по имени, хотя фамилия без имени встречается часто. Дело в том, что многие мусульманские имена, до сих пор очень распространенные у тюркоязычных народов (в частности, в Узбекистане), по своему происхождению являются эпитетами Аллаха, которых у него, как считается, было 99. Малик – владеющий миром, Карим – щедрый, Рахман – милосердный, милостивый, Наджиб – благородный, Джамаль – красивый. Другими словами, в основу личных имен на Востоке кладутся определенные экстралингвистические универсалии, выраженные словами того или иного языка. Следовательно, имя Бурибаева «Джамал» переводится как красота. И отсюда сопровождающие его эпитеты – «холодный красавец», «собой видный», «привлекательный с виду человек», «высокий, белолицый, солидный» и т.д.

На наш взгляд, автор сознательно не называет Бурибаева просто по имени. Причину этого мы узнаем, прочитав все произведение, познакомившись с людьми, чья судьба непосредственно сталкивалась с Джамалом Бурибаевым.

А что же фамилия? Обратимся к тексту:

– Хотя слово «бури» и означает – волк, у меня только фамилия Бурибаев. Если сама не захочешь, я тебя не съем!

... Фазилат все больше молчала, подчинялась без ропота. Она боялась Бурибаева. Он был для нее действительно «бури» – волк».

Таким образом, Джамал Бурибаев – это сочетание красоты и волчьей натуры. Сочетание странное, но именно оно, взятое в совокупности, отражает характер, суть героя, т.к. внешняя привлекательность героя сочетается и переплетается с внутренней нечистоплотностью и хищничеством. Перед нами «говорящая» фамилия и имя, в значительной степени способствующие раскрытию характера персонажа. Однако это сочетание «Джамал Бурибаев» с его сложным подтекстом для людей, не понимающих узбекский язык, ровным счетом ничего не значат, и только к концу произведения русскоязычному читателю становится ясно, что за человек Джамал Бурибаев, и что его фамилия соотносима с русской «Волков». Если бы читатель понимал язык оригинала, ему бы с первого взгляда стал очевиден неслучайный характер имени и фамилии.

Для того, чтобы достичь большего эффекта и максимальной эквивалентности с оригиналом, в данном случае переводчик мог бы дать в сносках значение «говорящих» имен. Если внимательно читать роман, то можно увидеть, что в «Совести» не только имя Джамала Бурибаева является «говорящим». Джаббар – «могущественный, смелый» – за свое бесстрашие получает звание Героя Советского Союза, Фазилат – «достоинство», «лучшие качества» – женщина, заслуживающая уважения, но сломленная и погубленная Бурибаевым. Атакузи – «отец ягнят», перен. – «предводитель», является председателем колхоза времен застоя.

Художественная роль собственного имени должна рассматриваться, прежде всего, если не исключительно то, в объективном плане: каково фактическое назначение данного имени в произведении, что, говоря проще, вышло из него. А это определяется, конечно, не с помощью выявления намерения писателя, а, напротив, всем фактическим строем произведения, отношением произведения к реалиям действительности, контексту в широком смысле слова. Контекст, в свою очередь, работает на основную мысль произведения, которая, как известно, не выступает в виде готовой формулы, а выражается – иной раз произвольно – во всей его художественной ткани: в интонации, ритме, звуке и т.д.

Имя собственное имеет глубокий образный смысл и может не только обслуживать отдельные речевые ситуации, но и связывать их в одном композиционном единстве. Рожденная таким образом стилистическая единица, стилема, воздействует на художественную ткань произведения. Благодаря этой системе художественно оправданным является превращение реального в ирреальное и наоборот. Авторский замысел реализуется в системе стилистических комплексов, поэтому слово нас интересует, прежде всего, как стилистическая единица, составной элемент стилистического строя литературного языка и, одновременно, как единица стилистической системы того или иного автора. По мнению Х.Х. Махмудова, «рождение стилемы и восприятие ее контекстуальной средой не зависит от субъективной воли писателя, должна быть обще-контекстуальная потребность в положении той или иной стилемы». Отсюда стилема – речевое средство или речевая единица, сознательно и с определенной художественно-композиционной целью использованные в художественном творческом контексте. Любая речевая единица может быть использована в качестве стилемы, поэтому, несмотря на свои особенности, имена собственные тоже могут быть использованы как определенные стилистические средства. При этом их понятийная неполнота позволяет использовать их и тогда, когда употребление апеллятивных выразительных средств было бы невозможно.

Татьяна АВДОНИНА

Татьяна Григорьевна Авдонина родилась в Ташкенте в 1952 г. Окончила филологический факультет ТашГУ (НУУз). Долгое время работала в Гулистанском государственном университете. В настоящее время – старший преподаватель ТГПУ имени Низами. Автор многочисленных научных статей по проблемам современного литературоведения.

Поэтический мир Баха Ахмедова

Творческая индивидуальность поэта неизбежно обуславливается своеобразием его взгляда на мир, особенностями его ощущения и осмысления связей с миром. Особенную значимость эта связь приобретает в том случае, если поэтическое творчество сочетается с серьезными научными исследованиями, которые накладывают свой отпечаток на мировосприятие человека. Наука вооружает его точными знаниями о сущности происходящих вокруг процессов. Столкновение научного знания и фактов обыденного сознания в этом случае предопределяет специфику поэтических произведений.

Один из сборников Баходыра Ахмедова – кандидата физико-математических наук – называется «Молчание шара». Название сборника связано с одноименной притчевой новеллой, в которой аллегорический образ шара заключает в себе некий символ космического совершенства (по аналогии с совершенной Вселенной), но его земное существование сопряжено с неустойчивостью в мире наклонных плоскостей. Трагедия шара – это существование в поле контрастных чувств: великого совершенства и совершенной беспомощности, которая приводит его к молчанию. Мы сразу обращаем внимание на образную составляющую рассказа – геометрические фигуры выражают философию мироощущения; земное, конкретное переключается с космическим, вечным. Большая часть стихотворений данного сборника мотивирована подобными пространственно-временными отношениями.

Ставя перед собой задачу описания поэтического мира Б. Ахмедова, мы будем исходить из наиболее общих и глубинных семантических величин (тем), лежащих в основе всех его произведений. В различных текстах обнаруживается много общего в смысловом и лексическом плане. Такие слова, как: «вселенная», «вечность», «время», «тишина», «молчание», «ожиданье», «душа», «таинство» - конструируют один общий мотив, связанный с философско-психологическим осмыслением различных жизненных явлений. Возникают множественные связи между самыми обыкновенными предметами реального низа и глобального верха. При этом характер лирического героя не имеет особого художественного значения, все сконцентрировано на *образе-мысли*, на связи пространств, на попытке осознания божественной связи вещей.

Общее настроение большинства стихотворений – это *ожидание*: спокойное ожиданье смерти и одновременно бессмертия («Воспоминание о больнице»), ожиданье гостя из Дании («Читая Кьеркегора»), в ночных вокзалах спят усталые надежды («Смотри, на кончике иглы...»), ожиданье свободы, снега и сна, ожиданье раскрытия тайны («Тишина. Ожиданье свободы»), ожиданье новых слов («Давай с тобой писать про дождь») и т.д.

За этими разнообразными состояниями ожидания спрятан душевный порыв, ищущий *мыслеобраз*, направленный на философское осмысление бытия, «пронизанного таинственным сиянием».

Смысловой ряд нередко растворяется в стилистической конструкции стиха, в фонетическом сближении отдельных слов:

*И прочел я про опыт отчаянья,
И созрело мое ожидание.
И узнал я, что опыт познания –
Лишь Вселенной незримой сияние.*

В стихотворении «Мы – ожидание рассвета» обобщающее местоимение «мы» объемлет такие предметно-пространственные сопоставления, что ускользает цельный смысл самого образа:

*Мы – ожиданье рассвета.
Мы – ускользящая тень.
Мы – голос утреннего ветра
И уходящий тихий день.*

Все произведение – это ряд ассоциативных связей, которые не укладываются в единый «пучок». «Мы» превращается в некую метафизическую конструкцию, которая впитывает все составляющие природного мира, и в этом соединении не прослеживается однозначной мысли. Кроме того, характер сопоставлений свидетельствует о том, что «мы» не связано напрямую с обобщающим понятием человеческого общества, но является вектором для постижения философской сущности жизни:

*Мы – только отзвук постиженья.
Мы – эхо нежности слепой
И долгий путь преодоления,
Что называется судьбой.*

Возможно, художественная задача автора и заключалась в изображении многомерности образа, но приподнятая патетика значения слова «мы» в контексте необычных соединений оставляет читателя равнодушным.

Художественные образы в поэзии Баха Ахмедова в большинстве своем метафизичны. Их отличает некая размытость понятий, что-то отвлеченное, умозрительное, а потому ускользящее и туманное. При чтении стихотворений возникает устойчивое чувство чего-то значительного и прекрасного, но при этом тайного и недосказанного. Необычное сочетание слов как бы вводит нас в область нового смысла, умозрительно понять который мы не можем, но лишь ощутить на каком-то подсознательном уровне. Например, метафорическая фраза «Как ветви дней обнажены!» совершенно необычна по своему сближению слов «ветви дней». Она выбивается из привычной логики языкового пространства и заставляет искать новые ассоциативные связи. В другом стихотворении мы находим такой образ-сравнение:

*И время, что уснуло, как котенок,
На тающем тепле одежды нашей.*

Объяснить эту поэтическую конструкцию простой остановкой времени – значит потерять ряд конкретных ощущений, связанных с предметами реального пространства, но и осознать время в виде уснувшего котенка тоже не просто.

Есть поэтические описания, основанные на разных парадигматических гнездах: «На линии огня опять обрывы, /Пунктир осенних капель исчезает»; «Соблюдайте пустоту./Не ходите по шпалам времени./Переходите жизнь на свет вечности...»; «Жизнь стекает по вечности капелькой воска, /Застывая надеждой на каменном дне». Если эти выразитель-

ные средства можно назвать метафорами, то необходимо добавить, что это - метафоры абсурда. Возможно, именно в этом проявляется необычность взгляда на мир физика, постигшего научные открытия Альберта Эйнштейна. В стихотворении, посвященном этому великому ученому, Бах Ахмедов задает риторический вопрос: «...Как и почему/ Все так привиделось ему?», - который мы с полным основанием можем отнести и к его собственному творчеству.

Основные темы стихотворений этого поэта, переплетаясь между собой, создают различные вариации единого художественного мотива в объеме всего творчества в целом. Можно даже говорить о существовании определенных концептов, в основе которых лежит некая идея, некое словообразовательное гнездо, которое, с одной стороны, сохраняет семантическую устойчивость, а с другой, постоянно стремится к конкретно-чувственным вариациям. Художественные концепты связаны с множеством одновременно значимых точек зрения. Их заместительные способности связаны не с потенциальным соответствием реальной действительности или законом логики. Концепты этого типа подчиняются особой прагматике *художественной ассоциативности*.

В поэзии Ахмедова мы можем выделить существование следующих концептов: вечность, одиночество, сон. Слово «вечность» выводит автора на связь с такими понятиями, как: время, бытие, творец, судьба. Лирический герой всегда пытается через малое постичь вечное, его движение мысли направлено ввысь, к Богу и свету, а в стихотворениях неизменно рождается сопоставление земной яви и космических просторов, вечности и мига человеческого существования, жизни и смерти.

Глубоко символичным в этом плане является первое стихотворение сборника «Птица», герой которого наделен способностью полета и стремлением ввысь, свободным присутствием в небесном пространстве и возможностью соприкосновения с вечностью, тайной божества. Исторически обозначено – миг постижения этой сути неизменно заканчивается пламенем огня, но связь земного и вечного от этого не утрачивается, человеческая мысль сцепляет между собой различные явления и ищет пути разрешения тайны:

*Сгорели крылья, ночь уходит,
А по Земле ребенок ходит
и черное перо находит,
и долго смотрит на него.*

Это произведение представляется программным по содержанию, но далеко не лучшим по форме, в нем есть какая-то натянутость образов и неубедительность деталей, смешаны такие понятия, как: «звезды», «дозы» и «розы», кажется странным превращение птицы в «ресницу, упавшую с печальных глаз». Тем не менее, нам важно проследить дальнейшее развитие намеченной темы.

Концепт «одиночество» ассоциативно связан с молчанием, тоской художника, ошущением собственной избранности, потребностью тишины, сложными отношениями с любимой и с постоянным стремлением к осмыслению вечного, к постижению сути. Слова «боль» и «мука» одинаково значимы и в концепте вечности, связанном с Творцом, и в концепте одиночества, отражающем состояние *творческого* человека. Слово «душа» переключается как с отдельной личностью земного человека (в данном случае - поэта), так и с вечностью иного мира. Чувство одиночества неизменно выводит лирического героя в пространство ночи, в пространство космической тайны, ночной бездны:

*Как безмерно одиноко
в черном космосе лететь!..
И в дыханье теплом Бога
душу маленькую греть.*

Понятие «сон» варьируется от простого понимания состояния расслабленности, искренности, непредвзятости – особенно, когда поэт говорит о спящих детях, спящем котенке, - до пограничного состояния между земным и потусторонним пространством.

Сон может вызвать массу необъяснимых вещей, которые всегда хочется связать с прозрением, божественной подсказкой – вот почему он объединяет и вечность и одиночество. Недаром чувство надежды, возрождения часто передается через «ожидание расвета». С другой стороны, сон является спасением от мук реальной действительности:

*Мне хочется уснуть, забыв о том,
как тело светится, как плачут наши руки.*

Порой сон воспринимается как потерянное время, как что-то упущенное в момент сонного бездействия: душа «то ли плохо училась, то ли просто спала». Такая трактовка сна лишена тайны и заполнена душевным укором. Но чаще всего сон обостряет жизненные впечатления, «и опыт утраты... во сне ощушаешь намного острее». Вот почему мотив сопоставления прошлого и настоящего реализуется во сне.

Таким образом, поэтическое поле Баха Ахмедова – это своеобразное сцепление различных по своему характеру мыслей, которые связаны с определенными пространственными характеристиками. В его произведениях чаще упоминается ночь, а не день, воспоминание о прошлом или мысли о вечном, а не настоящее время. Среди времен года поэт предпочитает что-то дождливое, ненастное, меняющееся, а не жаркое лето. Стремление к тишине и молчанию связано с зимним временем:

*Придет зима, а с нею – тишина,
Как ощущение вечного покоя.
Исчезнет мир, одна лишь белизна
Нас позовет в безмолвие ночное.*

Но главным остается одно – поэт не выписывает застывшие изобразительные детали, а связывает их в цепь рассуждений о мире, природе и человеке.

Упоминание осени очень часто сопровождается в лирике этого художника поэтическим образом листопада. Это природное явление содержит метафорическое сравнение с языком – летящими и кружащимися в вихре вальса словами. Лексическая множественность может лечь на бумагу или «словесной шелухой», вызывающей душевные страдания, или молитвой, обращенной к Творцу («И душа, как тетрадка, / ляжет к Богу на стол»). Но важнее всего для поэта – молчание. Это знак вечности, истины и совершенства. Лирический герой стремится познать «прекрасную даль неземного покоя»

*И то, что Бог сказать хотел,
Когда ответил нам молчаньем.*

Таким образом, лирику Баха Ахмедова можно назвать «поэзией мысли». Ее отличает медитативность, углубленный психологизм, аналитичность, которые являются основой для создания философского контекста. Его стихотворения в большинстве своем не отвечают на вопросы, а задают их. Лирического героя занимают проблемы, связанные с осмыслением его места в космосе, во вселенной, в отношениях с другими людьми, с обществом, с природой Земли. Кандидат физико-математических наук ищет ответы на подобные вопросы, обращаясь не к точным наукам, а к миру духовных ценностей. Поэт Баходыр Ахмедов точно знает, что:

*На пустыре великой боли
Растет единственный цветок.
Так мир спасает нас любовью
И в сердце тихо входит Бог.*